Петр Верещагин

ИСПЫТАНИЕ ТЬМОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая половина 9-го столетия от Р.Х. Империя Магнуса, просуществов менее полутора веков, вновь распалась на Четыре Королевства. Война за престолы между многочисленными потомками императора медленно погружает Европу в омут разрухи. И конечно же, этот хаос кое-кому очень даже на руку… Какова же мрачная тайна заброшенного собора, возведенного почему-то не в столице графства, а в небольшом приграничном городке? Смогут ли несколько бродяг-разбойников, временно принятых на королевскую службу, найти ответ? И стоит ли спасения этот мир, единственной надеждой которого оказалась шайка Доброго Робина? Приключенческая фэнтези.

- Кайл Иторр
  -
  - Сказание
  - Вместо пролога
  - Ступень первая
  - Переход
  - Ступень вторая
  - Переход
  - Ступень третья
  - Переход
  - Ступень четвертая
  - Вместо эпилога
  - Сказание
- notes
  - 1
  - 2

Кайл Иторр
Адов пламень

Я не приму корону до тех пор, пока не пойму: человек ли развращает власть, или власть – человека.

Карл Эдвард Вагнер «Дорога Королей»

Сказание
Последний поход Тристрама

…Жил в юго-восточной Логрии отважный рыцарь Тристрам, и среди всех воителей Круглого Стола не было равных ему ни в храбрости, ни в силе, ни в доблести, кроме одного только Ланселота, славнейшего из славных. Служил, однако, храбрый Тристрам не Артуру Пендрагону, верховному королю Логрии. Меч его принадлежал Марку, правителю Гитина, дальнему родичу артуровой супруги Гвиневер…

Так обыкновенно начинаются легенды об этом великом рыцаре, чья история наверняка известна многим достаточно хорошо, чтобы лишний раз к ней не возвращаться. О рыцаре, чье имя, наряду с именем жены короля Марка, златокудрой Изельде, давно стало нарицательным. И обозначают два этих имени, произнесенные вместе, одновременно несколько видов любви – и пьяняще-счастливую, и грустную неразделенную, и губительную для обоих.

Но здесь речь не об этом.

…Не раз король пытался избавиться от своего верного, но слишком могучего вассала, отправляя его свершать все новые и новые подвиги, однако доблестный рыцарь сокрушал все преграды, возвращаясь с победой. Да и много ли сыщется в мире такого, что не под силу тому, кто одолел черного дракона Морхальта и стал другом красного дракона Пендрагона!..

Так говорили о Марке и Тристраме. Так некогда говорили в древней Элладе о микенском ванакте Эврисфее и Геракле. Так, возможно, говорили о самом Артуре Пендрагоне и Ланселоте Озерном. Так могли бы сказать даже о римском диктаторе Сулле Счастливом и юном Гае Кесаре из рода Юлиев. Люди часто любят строить сомнительные аналогии, особенно когда для этого нет никаких оснований.

Но здесь речь, опять же, не об этом.

Здесь – о том, что обыкновенно сказителями упоминается с крайней неохотой и вскользь. О том, как и почему погиб славный Тристрам. Точнее, почему он был обречен погибнуть, ведь чья именно рука и в какое именно место нанесла удар – важно только для любителей совершенной исторической точности, а в легендах как раз ей-то и не место.

Итак, если мысленно перенестись немного назад, в год 524-й по христианскому летосчислению – пускай сей календарь и не в ходу у западных гэлов, ни тогда, ни теперь, – можно услышать

нечто интересное. Конечно, если знать, где и как слушать…

Было их двое на этой земле, лишь двое – она и он.
Было их двое: она – во мгле, он – светом и тьмой рожден.
Мглистой прохладой ласкали глаза под темным златом бровей,
И если ее проливалась слеза – он кровью платил своей.

Но пока его не узнает она —
ее не узнает он.
И черная встала меж ними стена,
чье имя – Морхальт-дракон.

Было их двое на острове том, в броне, что темна как ночь.
И только один, человек иль дракон, уйдет невозбранно прочь.
Было их двое, остался – один. Весь в ранах и без меча,
Черной заре путь закрыл паладин, прогнавший из глаз печаль.

И тогда могла бы понять она,
зачем он ушел из тьмы.
Но кровавая взмыла над ними волна
артуровой войны.

Было их двое пред Круглым Столом, красный дракон Пендрагон —
И рыцарь, что спас Камелота престол, клыком кабана уязвлен.
Было их двое, вассал и король. Король – и чужой вассал.
Каждый из них отыграл свою роль, и полдень багряным стал.

Хоть другой ласкает тело ее,
она мыслью была лишь с ним.
Но напоено ядом седое копье —
и не жить уже вместе им.

Было их двое, король и вассал. И отдал король приказ:
«Белый саксонский дракон восстал и грозою идет на нас.»
На север уехал в далекий поход рыцарь из Лионесс…
Месяц прошел, и полгода, и год. И все не приходит весть.

Жены привычны своих ждать мужей,
а девы – своих женихов,
Неспешно ведя счет оставшихся дней
и свой защищая кров…

Было их двое, и белый дракон со стяга рычит на дождь.
Хенгист, что саксов наследовал трон, и Хорса, военный вождь.
Было их двое, драконьих детей, что вышли наперерез
Белому вестнику смерти своей, Тристану из Лионесс…

А старый дракон, что остался жить,
уж с югом войны не вел.
Лишь поклялся убийце за все отплатить,
и в зимнее небо ушел…

Слухи ходили от северных скал до ласковых южных морей,
Слухи о битве, в которой металл был мягче, чем крылья фей,
Оба ль они там конец свой нашли, или один – как узнать?
Или сошлись – и потом разошлись, властные сами решать?

Но она верила в лучший удел,
и год за годом ждала,
Что небо пришлет соловьиную трель,
и спрыгнет рыцарь с седла…

Слухи сказаньями стали потом, мифами, детской мечтой.
Каждый желает, чтоб звался «дракон» сраженный его рукой.
Каждый желает, чтоб любящий взгляд (пускай и чужой жены)
Встречал, когда он возвратится назад с очередной войны…

Дикий яблонев цвет, и ладья без весла,
и безмолвный хрустальный грот.
Далеко-далеко с ним Исильд уплыла,
и дракон больше их не найдет…[1]

…Тристрам так и не вернулся в Гитин. Одни говорили, что белорукая Изельде, саксонская принцесса и колдунья, всадила меж ребер рыцаря осиновый кол, чтобы выбить из его сердца любовь к Изельде Златокудрой, освобождая там место для себя. Другие уверяли, будто Тристрам победил и белого дракона саксов, после чего, смертельно раненный, улегся в ладью без руля и ветрил, и отплыл на волшебный Авалон в ароматах яблоневого цвета. Третьи мрачно сообщали, что непобедимый герой Тристрам был ранен священной реликвией саксонских королей, золотым копьем, истинное острие которого в старые времена сделали не из железа и не из бронзы, а из ядовитых львиных когтей; Тристрам разметал саксонскую армию, устранив нависшую над Логрией угрозу великой войны с северными врагами, а после – умер от ран. Четвертые же – потешались над ними над всеми, напоминая, что Изельде Златокудрая, тот самый символ «вечной любви» Тристрама, прожила с Марком Гитинским еще семь лет и померла родами, ни разу не вспоминая о существовании какого-то там рыцаря…

Так о Тристраме рассказывали не барды и менестрели. Так рассказывали люди, обычные люди, которые знали и уважали легенды, но не стремились сами творить их. Люди эти не пытались убедить ни самих себя, ни других, что слова их непременно будут услышаны и восхвалены грядущими поколениями. Они даже не пытались выдать свои повествования за чистую правду, которая-де противоречила легендам, созданным по заказу владык.

Они просто рассказывали байки.

…Говорили еще, будто Артур Пендрагон, прослышав о предательском деянии Марка и гибели Тристрама, приказал Вивиане, Хозяйке Озера, наложить проклятье на всех виновных. Однако волшебница отказала владыке Логрии, ибо виновные, по ее словам, покарали себя сами.

– А последнюю кару, – добавила она, когда король ее уже не слышал, – свершит меч Тристрама, восстав из тьмы и пламени во имя спасения того, что назовут любовью…

Вместо пролога
Рука Ноденса

Этот край стал единой державой довольно давно. Когда Бран, Аларик и остальные вожди Большой Орды, сокрушив предпоследние легионы защитников италийской столицы некогда могучей Империи, занимались много более важным делом, чем собственно планирование предстоящего сражения – а именно, договаривались, кому какие кварталы Великого Города потрошить, дабы не создавать ненужных междоусобиц до полной и окончательной победы, – так вот, в эти исторической важности дни младший кентурион гастатов Лотар поднял мятеж против богоравного кесаря (тому, впрочем, уже было все равно) и увел около двух сотен солдат Альпийского легиона на северо-запад. Сам по рождению горец из Урия, Лотар сумел провести их сквозь ущелья, где под обвалами не раз гибли целые когорты (разумеется, не без помощи коренных жителей альпийских нагорий, которые любили развлечения для изображать скальных духов, злобных и кровожадных). Легионеры Лотара без особого труда захватили с полдюжины поселений восточных гэлов и укрепились там.

Этот случай никак не стал бы зародышем новой державы, первого детища умирающей Империи, не втрескайся Лотар по уши в старшую дочку местного друида, Морврин МакКолль. Легионеры часто выдвигались вглубь Галлии, и поначалу их походам всякий раз сопутствовал успех – и всякий раз гэлы, в обычное время живущие раздробленными кланами, если не вовсе отдельными родами или семьями, заключали военный союз «пока имперцы не закончатся» и дружно вышибали захватчиков.

По непонятной причине знаменитый принцип «Divide et umpera» на гэлах срабатывал плохо. То есть он работал прекрасно, покуда речь шла о надежной защите рубежей Pax Mediterrania: не столь трудно было, заранее прощупав почву, подкупить или задобрить кланы, враждебные тому вождю, который как раз планировал пробиться в Империю и всласть там покуролесить, – после такого в доме потенциального грабителя начиналось примерно то же самое, и ему более было не до вторжений. Но когда речь заходила о захвате чужой земли – земли, которую варвары-гэлы невесть почему считали своей, – бесполезны становились и угрозы, и посулы, и подкупы. Оставалось только говорить языком igni et ferro, языком силы.

Варвары уступали победоносному воинству Pax Mediterrania в

основных разделах военной науки, среди них отродясь не бывало ни латинских tactici,[2] ни эллинских strategos. И тем не менее, понятия не имея о тонкостях военной науки, ремесло военное гэлы знали отменно – то есть умели драться. К тому же они превосходили легионеров числом, да и клинки вождей и лучших воителей гэльских кланов обыкновенно бывали получше мечей имперской ковки. А уж что касаемо доблести – даже женщины и дети варваров, когда нужно, брались за оружие, и ненамного отставали в сражении от своих мужей, братьев и отцов…

Ну так вот, став женихом этой девчонки, Морврин, имперский захватчик и узурпатор Лотар чуть ли не в одночасье обратился для гэлов в их родича. Нет, с родичем драться оно конечно можно, внутриклановые усобицы случались едва ли не чаще, чем стычки между кланами, – но для такой драки никому и в голову не придет просить у соседа поддержки! Родня промеж себя сама разберется, в этом обычаи гэлов не расходились с имперскими порядками.

…Ну а дочка друида уродилась весьма неглупой особой и вскорости нацепила на Лотара ошейник, предоставив бывшему кентуриону считать, что это он тут командует. И поскольку все дружно согласились, что плохой мир будет правильнее хорошей ссоры, между чужаками-имперцами и гэлами медленно начало устанавливаться нечто вроде добрососедских отношений, а там и до дружбы недалеко.

Многие легионеры, последовав доброму примеру начальника, также взяли себе в жены местных девушек. Разумеется, на всех в округе не хватало, но тут уже воинская смекалка Лотара подсказала решение. Несколько набегов в соседские земли – к гэлам, саксам и альмам, – быстро исправили ситуацию. Сотрудники демографической конторы в Медиолане наверняка одобрили бы такой ход событий.

Смекалка состояла не столько в том, чтобы утащить у соседей несколько десятков девиц и женщин, сколько в правильном выборе этих самых соседей. В походе на Средиземноморскую Империю участвовали все племена варварского севера, но далеко не каждый клан гэлов, не каждый род саксов и альмов отдал своих сыновей под начало Аларика, Брана, Ульфгара и прочих вождей Большой Орды; исключением стали разве только готы с Истра и вандалы с Рейна, которые под предлогом этого похода перебрались на юг всем народом. Лотару лишь оставалось выбрать тех, кто УЧАСТВОВАЛ в походе: пускай, мол, не забывают, что набеги-налеты за славой и богатой добычей – оно дело нужное, правильное и полезное, да только свои-то дома и семьи защищать следует прежде всего…

Подобный гений стратегии и жизненной мудрости понравился новым родичам Лотара, и тесть-друид, сменив холодный гнев на столь же холодную милость, предложил кентуриону: попробуй завоевать себе титул правителя – подлинного правителя, к которому благоволят небеса, а не узурпатора и захватчика, какого лишь терпят, пока лучшего не появится. Лотар хмыкнул – всякий, кто не происходит из знатного рода, и тем не менее сумел завоевать для себя корону, благословлен небесами ab initio, – однако друида все же выслушал. Объяснения пришлись ему по душе, и бравый кентурион, изобразив на щите с помощью жены и тестя знаки седого Ноденса, в одиночестве отправился в поход, дабы свершить великий подвиг… Какой именно – считалось не то чтобы великой тайной, но поскольку ныне существует самое малое дюжина версий, одинаково интересных, но достоверных в различной степени – по-видимому, правды уже не доискаться. Да это и не важно, важнее то, что подлинный правитель-рикс – это непременно герой, которому царский венец дан небесами в награду за подвиги. Такому правителю подчиняются не из страха, а из чувства долга, и даже если сам рикс правит не столь мудро и праведно, как его предшественники – это ему обычно прощается.

Когда Лотар возвратился с победой, знаком его власти стал скипетр, стилизованный под серебряную руку, старинный атрибут Ноденса, хозяина Серых равнин и покровителя героев. Ноденса Аргентлама, как называли сурового гэльского бога изучавшие жизнь варваров имперские хронисты. Сами гэлы именовали его – Нуаду Ллау Эрайнт.

Таков же был и официальный титул короля-рикса Лотара. Серебряная Рука.

Но благодаря горловому акценту восточных гэлов и густой примеси легионерской Latina vulgata титул этот вскоре сам собой слился в одно слово. Ллорайнт, а чуть позднее – Lorraine, Лоррейн.

Так и возникло название державы, которая вклинилась между родовыми землями гэлов, италийцев, саксов и альмов, и доселе находится там…

Исторический экскурс сей приведен не для развертывания обширной и детальной экспозиции грядущего сюжета, но единственно для иллюстрации того, как день сегодняшний бывает связан с позавчерашним.

В основном – крайне слабо.

Ступень первая
Корона Льва

Мертвецы, не ведая усталости, шагали за ним по пятам.

Он спотыкался, падал, обдирая в кровь руки и лицо, снова ковылял, не в состоянии бежать, а лишенные жизни серые силуэты надвигались, глухо урча и протягивая в сторону добычи неуклюжие руки. Нет, не руки, чудовищные лапы, ногти обратились в настоящие когти, и хотя гнющая мертвая плоть не могла дать настоящих крепких мускулов – зато те мышцы и жилы, что пока сохранились, усталости не ведали.

Он упал в последний раз, и первый из мертвецов заворчал и вцепился…

…Он проснулся от собственного вопля.

Кошмар.

Всего лишь дурной сон.

– «Pater noster qui es in caelis…» – начал было он, голос дрожал, слова выскальзывали из памяти.

Деревянный брус щеколды треснул, дверь распахнулась.

В слабом лунном свете виднелся серый силуэт, и за ним – еще, и еще…

Слов не осталось, он просто вопил, дергался, метался…

Совсем не долго.

* * *

Дрын крутанулся в руках толстого монаха и разнес беспокойного скелета по косточкам. Лучница поднялась с земли, чуть кривясь от боли в левом боку, куда пришелся удар дубины.

– Поосторожнее, Мари, – проскрипел толстяк. – Вечно тебя заносит… Сама видишь, стрелы против них почти бесполезны.

– Святой отец, не впадайте в грех гордыни, превознося достижения небесной мудрости над потребностями земной юдоли, – язвительно проговорила девушка. – Кроме того, уж черепушку-то разнести из лука можно. Это любого обычно… успокаивает.

Монах не стал спорить: острый язычок Марион был ему хорошо известен. Один только Робин мог совладать с ней, да и то не всегда.

– Надо возвращаться, – сказал он. – Все что нужно, узнали. Работы слишком много на двоих и совсем неподходяще для всех.

Девушка кивнула.

– Да, Тромм, берем обычную компанию. Робин, Малыш Йэн… ну может, еще Хельми да Алан. Остальным лучше бы оставаться на месте, ведь это… поручение запросто может оказаться ловушкой.

* * *

Таверна пустовала. Хозяин Огден, в бороде которого с каждым днем прибавлялось седины, с угрюмой аккуратностью протирал столы. Обычно этим занималась Джиллан, но девчонка сейчас все время тратила на хворую бабку, и Огден управлялся сам. Да и к чему помощники – Тристрам почти опустел, даже путников уже неделю нет. С тех пор, как…

Дверь скрипнула, трактирщик поднял глаза. В дверном проеме, почти заполняя его собой, стоял светловолосый громила. Физиономия гостя не раз водила близкое знакомство с кулаками, палками и иными твердыми предметами, но когда на ней, как сейчас, светилась щербатая ухмылка – выглядел громила почему-то вовсе не грозным и страшным, так, милый рубаха-парень.

– Да у вас здесь что, мертвое царство? – подивился он, привычно пригибаясь, чтобы не снести лбом притолоку, и вошел внутрь.

– Почти что, – ответил Огден. – Ты тут недавно?

– Ну. Только прибыл, дай, думаю, горло промочу, а тут… Есть хоть чего выпить?

– Немного есть пока… – Трактирщик откинул крышку погреба и извлек бочонок, наполненный примерно на четверть. – Прошлогоднее светлое, больше не осталось. Уж извини.

Опорожнив в два глотка большую кружку, здоровяк удовлетворенно крякнул. Пиво промыло глотку и благополучно попало в желудок, после чего мысли посетителя обратились к другим, менее приятным вопросам.

– Да что тут творится-то, бес ему в печенку?

Огден вздохнул.

– Сядь, попробую объяснить. Хотя одному святому Райнальду ведомо, что за чертовщина здесь, вокруг…

– Не знаю как Райнальду, – послышался голос со стороны двери, – а вот мне бы хотелось послушать.

– Так заходи, Робин, – не оборачиваясь, бросил громила, – а ты, старина, валяй, рассказывай.

Без дальнейших упрашиваний новый гость – парень среднего роста, темноволосый, в куртке из плотного зеленого сукна, с

коротким мечом на поясе, – скользнул к столу и сел. Не спрашивая позволения, подвинул к себе кружку, наполнил, отхлебнул, поморщился, но продолжал потягивать пиво, пока Огден вел свой рассказ.

* * *

…Марион была внучкой одного из младших сыновей Магнуса, Готторма, и прозывалась спервоначалу «леди Марион». В смуте, что последовала за распадом Новой Империи, даже столь отдаленное родство могло послужить надежной опорой претенденту на престол любого из Четырех Королевств, в крайнем случае – на титул герцога или князя. Казалось бы, участь ее была предрешена: выйти замуж за достойного, надеть царский венец или княжескую диадему и править вверенным ей и мужу краем мудро и справедливо, то есть в меру своих способностей.

Вот только Марион никогда не желала восседать на троне, помахивать скипетром и вершить державные дела. Связавшись с шайкой малолетних «лесных удальцов», в четырнадцать лет она удрала из дому и пустилась во все тяжкие. Научилась бить белку за сто шагов, а оленя – с четырехсот; в подарок на шестнадцатый день рождения Робин, атаман ватаги, преподнес девушке лук, сделанный эльфами Альбиона. Стоило это ему, вероятно, почти всей его доли годовой добычи, но атаман не вел счета деньгам…

…Йэн, несмотря на рост и могучее сложение, был не старше Робина, которому не столь давно стукнуло двадцать четыре. Родом откуда-то из западной Галлии, он толком не помнил собственного дома; с детства бродил где вздумается, добывая пропитание когда честным трудом, когда обычным грабежом. Йэн одинаково легко управлялся с топором дровосека, кузнечным молотом и громадной дубиной, которую отчего-то звал «посохом пилигрима». Великан-гэл оказался сущей находкой для веселой компании Ротта – Хельми Красного, – которая наводила шорох в поселениях, на лесных тропах и горных дорожках Швица, Шваба, Бауэра, Рейнланда, Вестфалии, Лоррейна и франкского Альмейна. Чуть позднее, когда отряд возглавил Добрый Робин, Вильхельм Ротт и Малыш Йэн стали его первыми помощниками…

…Тромм не был рукоположен и носить звание «святого отца» не имел права. Преподобный Освальд, аббат Вестмюнстера, был крайне низкого мнения о будущих служителях святой церкви, которые нарушают обеты воздержания, не соблюдают пост и

подают своим поведением дурной пример всем прихожанам, тогда как священнику, напротив, надлежит быть для них образцом смирения и праведности. После недолгих разбирательств причетник Тромм был изгнан из монастыря и исключен из списков ордена блаженного Бенедикта. Исключен – заочно, потому как упомянутый причетник скрылся, не дожидаясь суда, и попутно прихватил с собой кое-что из церковной утвари и облачения.

На бродячих монахов разбойники нападают нечасто, но Тромму однажды не повезло. Или напротив, повезло чрезвычайно – ибо среди шатии, что вывалила на швабскую дорогу, был Малыш Йэн, который предложил служителю святой церкви честный выбор. Мол, выкладывай какое ни есть золотишко сразу, и тогда уйдешь целым и невредимым, с полным нашим уважением; ну а если желаешь обороняться – ты, отче, вижу, крепкий малый, – что ж, пожалуйста, тогда в обмен на свои богатства ты получишь пригоршню синяков и пару трещин в ребрах, кости обещаю не ломать. Монах возвел очи горе, вверяя себя воле всевышнего, после чего так саданул Йэна под ложечку, что тот сел и таращился на драчливого «пилигрима» с минуту, прежде чем смог вымолвить хоть слово. Не столь много времени спустя они стали лучшими друзьями; зачисленный в шайку Робина Тромм принял на свои мощные плечи тяжкую обязанность – заботу о духовном воспитании «вольных лесничих», дабы не погрязли они в ересях, что распространялись по землям Европы, аки чума…

…Робин, как и Марион, принадлежал к знати, но не к самой старшей ее ветви. В роду Лох-Лей многие имели рыцарские шпоры и пояс, но знамени и герба добиться не пришлось никому. Нельзя, правда, сказать, чтобы добиться этих почестей так уж старались – вассальные обеты, лены, феоды и прочие атрибуты рыцарства как объединяющего символа общества в Лоррейне далеко не столь распространились, как у их соседей с севера, востока и юга – саксов, альмов, франков и италийцев. По этой части Лоррейн оказался ближе к западным соседям, гэлам.

Тем не менее, Робин искренне полагал себя рыцарем и держаться старался так, как оно и подобает настоящему рыцарю. Лет до двенадцати. А потом… потом банда солдат удачи походя разорила старый замок Худ, где жила семья Робина, и ушла на север, оставив позади огонь, несколько тел и израненного мальчишку, сброшенного со стены в замковый ров.

Как он выжил, Робин никому и никогда не рассказывал. Однако неполных четыре месяца спустя юный оборванец с седыми

висками пробрался в замок Гисборн, отхватил у командира охраны (который ранее был главарем той банды наемников) уши и нос, а двух других участников былой потехи пригвоздил к стене казармы их собственными пиками. Сэр Ги Гисборн объявил награду за голову наглеца, только за наградой той так никто и не явился. Кроме самого Робина, однако это уже совсем другая история…

Четверо из шести вожаков известной на пол-Европы «вольной компании хранителей лесных угодий» не просто так разгуливали по городку со странным названием Тристрам. Задавая вопросы, они зачастую уже знали ответы. Заглядывая в тайники – догадывались, что именно там найдут. И продолжали поиски, если называть это таким образом.

Они делали все это, потому что сейчас – были не вожаками «вольной компании», а чем-то вроде совсем иной вольной компании – наемниками. Платили им не золотом и серебром, требовали – не снести чью-то голову и не взять цитадель; однако чувствовали они себя именно наемниками. Солдатами удачи. А точнее, солдатами неудачи, потому что не по доброй воле пришлось взяться за такое…

Знали об этом лишь они четверо, да еще двое других предводителей, что пока оставались в лесу, с отрядом, – Алан-из-Лощины и Красный Хельми, Алан Таль и Вильхельм Ротт. И те, кто отдал приказ. «Лесная вольница» не ведала ничего, и проведать никак не должна была. Для разбойников-головорезов в этом деле места просто не имелось.

Задание не нравилось никому из них, еще меньше нравилось чувствовать себя подчиненными кому-то. Потому ведь все они когда-то и ушли в леса, став изгоями и разбойниками, чтобы не зваться «слугами».

Но выбора – не было.

* * *

– Значит, говоришь, дело вышло такое, – подытожил Робин, – этот ваш епископ – как там его звать, Лазарус? – ушел вниз с отрядом храмовой стражи, да так и не вышел. И с тех самых пор по округе начала шастать нечисть, верно?

– Все точно. Хуже того, неделю назад тут неподалеку король Леорикс охотился, сыну показывал, как на медведя ходить… Вот ночью эта нечисть принца Альбрехта и уволокла.

– Львенка?! – присвистнул Йэн. – Вот гадство… Но охота

охотой, ну хоть какая-то охрана у мальца должна была быть!

– Вроде была. Трупы их нашли, один успел сказать, что видел… Ясное дело, Леорикс взбесился – Королю-Льву и по малым поводам много не надо, а тут такое, – ну и рванул в подземелья почитай в одиночку. Там и сгинул.

Робин покачал головой.

– Ну, даже и не знаю… Король-Лев был лучшим из всех рыцарей, какие мне попадались. Мы ж встречались как-то, помнишь, Йэн?

– Угу, как же. Едет, понимаешь, по закоулочкам такой себе детинушка локтей пяти с гаком, и думает: раз он в черных доспехах без герба, так его никто не узнает. А что во всей Европе людей размеров Леорикса наперечет – это ему в голову не приходит…

Трактирщик осторожно усмехнулся. Робин, однако, нахмурился и стал загибать пальцы, что-то подсчитывая и беззвучно шевеля губами. Потом коротко кивнул.

– Можно попробовать. Йэн, я тут по дороге кузню видел, она же вроде как и оружейная – загляни да сообрази насчет всякого разного. Ты себе хотел эту, как его… бригантду заказать, ну так вперед. Я пока вернусь к нашим архаровцам, предупрежу кого следует.

– Уже, – послышался сиплый голос из открытой двери. – Марион все сделает. Мы с ней только что из собора.

– И что там, Тромм?

– Как и говорили. Рассадник нечисти. Поймать бы строителя этого гнезда да повыдергивать ему все что не след… – Монах плюхнулся на скамью, перебросив Йэну посох. – Держи свой дрын; как будешь в оружейне – прихвати для меня булаву понадежнее, и щит какой-нибудь. С дубиной там не очень повоюешь.

Малыш Йэн фыркнул, встал и выразительно качнул тяжелым дубовым посохом, окованным на конце железом.

– Это вот получше и палицы, и щита. Но как хошь. Еще что?

– Посмотри, не сыщется ли болтов, – сказал Робин. – Стрелы-то у нас есть, а вот Алану с его новым арбалетом…

* * *

Городок и в лучшие-то времена можно было за полчаса обойти кругом. Теперь жилых домов в нем оставалось едва полдюжины. Да еще на острове посреди речки почему-то высилась одинокая развалюха, над которой курилась струйка

дыма.

– Огден, а там кто живет? – кивнул Робин в сторону хижины.

– Ведьма. Да не, ты не думай, она не из тех, за кем эти Ловчие из «Молота» охотятся. Так, травами целебными промышляла всегда да заговорами. У нашего-то лекаря, Пепина, любые раны да болезни в момент заживали, а вот сглаз снять, оберег сварганить для удачной охоты или чего еще такого, – тут Адрея мастерица. Коли вы впрямь решились ТУДА… поговори с ней, авось да поможет чем. – Трактирщик потеребил бороду. – Правду сказать, наши-то ее всегда побаивались, хотя видит небо, от нее они только добро и видели.

– Схожу, – согласился Робин. – Тромм, ты как?

– Негоже смиренному служителю Господа нашего вступать в сделки с приспешниками Врага, каковые под личиной ворожеев да колдунов имеют обыкновение скрываться, – изрек монах, важно поднимаясь. – Не я с тобой иду, сын мой, а ты сопровождаешь меня.

Добрый Робин, предводитель разбойничьего отряда, за чью голову среди франков обещали от ста до двухсот крон, а в Бауэре – равный вес золота, усмехнулся и преувеличенно низко поклонился своему «духовному наставнику», после чего оба покинули таверну.

Мостков через речку перекинуть никто не удосужился – видимо, вода в Мозеле не поднималась особенно высоко даже по весне, сейчас же через брод без труда мог пройти и пятилетний ребенок. Как минимум один такой ребенок, кстати говоря, уже прошел: светлоголовая девчушка, что-то напевая себе под нос, сидела по самые уши в высокой траве и увлеченно играла с куклами, изображая, похоже, ни много ни мало как цельный королевский двор в лицах, со всеми интригами, балами, турнирами и сплетнями. Она не заметила незнакомцев, проходивших в двух шагах от ее укрытия, а ни Тромм, ни Робин не собирались зря мешать ее важным делам.

На пороге хижины сидела, плетя кошачью колыбельку, черноволосая женщина средних лет, с необычно белой для крестьянки кожей. Простое темное платье из обычного домотканого холста, но на плечи накинута богатая шаль – синий персидский шелк с золотом; крепкие чулки и башмаки, как у любой из деревенских хозяек среднего достатка, а на груди – брошка и пара булавок с сапфирами, за которые купеческий обоз со всем товаром купить можно.

– Посмотрели и будет, – не поднимая взгляда, проговорила женщина. – Коли есть что сказать, вперед, а нет – не держу, дорога открыта.

– Правду ли говорят… – начал было Тромм.

Тут Робин, у которого предчувствия работала значительно лучше языка, прервал монаха:

– Ты – Адрея, которую здесь называют ведьмой? Нам сказали, что ты можешь помочь тем, кто собирается ВНИЗ.

– Так меня действительно зовут, – молвила Адрея, – и помочь таким я тоже могу. Если у них есть чем думать. Дуракам-то помогать без толку… – Угольной молнией сверкнул взгляд из-под занавеса распущенных волос, и ведьма тут же вновь опустила голову, хотя навряд ли от смущения. – Добрый Робин, значит, да Тромм-Забияка. Вам бы я охотно помогла; только ведь вы уже решили идти туда, а значит, не отговорить…

– О чем ты? – Тромм отнюдь не стыдился своего прозвища, но чтобы первый встречный-поперечный узнавал его с одного взгляда – такого он не любил. – Ты что, знаешь об этом соборе что-то?

– А чего ж не знать. Найти бы того, кто его возводил, да оторвать все лишнее, начиная с головы – а еще лучше, этой самой головой заканчивая…

Услышав из уст Адреи свое же недавнее пожелание, монах не то чтобы вовсе отбросил подозрительность, но спросил уже без напускного презрения:

– Расскажи – если можешь, конечно. Мудрость небесная порой нуждается в поддержке мудрости земной.

Ведьма вновь сверкнула очами, которые оказались уже не черными, а темно-синими, чуть заметно улыбнулась и пожала плечами.

– Могу и рассказать, ничего трудного тут нет. Но показать, оно и мне проще будет, и вам полезнее. Коли не боитесь.

Тромм возмущенно перекрестился массивными дубовыми четками, которые использовал главным образом в драке, вместо кастета, и выпятил грудь колесом (увы, объемистое брюхо слегка подпортило бравый вид монаха). Робин хмыкнул и наклонил голову.

– Давай. Если это поможет.

Когда Адрея выпрямилась во весь рост, она оказалась на полладони выше их обоих, что, впрочем, удивления не вызвало – ни Робин, ни Тромм не числились среди великанов, не то что Йэн и Хельми. Ведьма удалилась в хижину и через несколько минут снова появилась снаружи, в руках ее покачивался начищенный до блеска медный котелок, воды в котором было чуть больше половины. В прозрачную жидкость ведьма бросила щепотку-другую сушеных трав и порошков, и добавила несколько невнятных слов. Монах – так, на всякий случай – перекрестил

Адрею и ее котелок, прошептав часть молитвы об изгнании злых сил, сколько сумел припомнить. Когда в Вестмюнстере читали лекции об экзорцизме, причетник Тромм зачастую мирно спал, так что теперь он больше полагался не на свою память, а на милосердие Господа, Он безусловно видит и ведает нужду смиренного грешника и не откажет снизойти, если это действительно нужно… а слова – они всего лишь слова, они для людей, а Тот, Кто наверху, и так поймет.

Ни одна злая сила не объявилась, и Тромм несколько успокоился. Быть может, эта дщерь Евы не столь глубоко погрязла в грехах и ее незачем причислять к ворожеям, каковых надлежит не оставлять в живых…

– Одна из многих ошибок переводчиков Завета, – заметила на это Адрея, продолжая помешивать воду в котелке. – В оригинале-то, на языке Нефилим, написано – «M'khashespah lo-tichayyah», на латыни этому следовало бы звучать как «Venefici non retinebintur in vita». «Отравители не должны оставаться живыми», то есть… А многомудрый Иероним, когда переводил святые писания на язык Империи, поставил в этом месте «Maleficos non patieris vivere», «Колдунам не позволяй существовать». Что вы наверняка и слышали, когда священники говорили о Слове Божьем…

– Ты богохульствуешь!

– Думай как хочешь. Правду словами не укрыть. Слова – они всего лишь слова и для людей…

– Оставь, Тромм, – вступился Лох-Лей, – не время для этого. Да и не место…

Монах с запозданием осознал, что обсуждать тонкости Святого Писания с ведьмой (которая наверняка к тому же еретичка), в ее собственном доме, да еще в тот самый момент, когда она ворожит для них и в помощь им, – не самая умная вещь на свете, ведь имеется зло куда зловреднее каких-то там ересей… Адрея усмехнулась и также не стала продолжать спор.

– Смотрите внимательно, – сказала она, – и лучше не двигайтесь.

Вода подернулась серебристым налетом. Затем почернела.

…Волосатые существа, больше похожие на обезьян, чем на людей. Две тяжеленные дубины в их руках сталкиваются с оглушительным треском. Еще удар, и еще… Наконец сучковатая дубина глубоко раздирает одному левое плечо, раненый припадает на колено; его противник, со светлой уверенностью чувствуя себя победителем, заносит оружие для последнего удара – и с воплем падает, повергнутый наземь взмахом лапы молодого пещерного льва, который возжелал присоединиться к чужой забаве…

…Сутулое и кривоногое создание очень отдаленно напоминает человека. Грубо обколотый камень со сквозной дырой насажен на палку и примотан к ней полосками кожи. Каменный топор с хрустом пробивает череп. Победитель с горделивым рыком наступает на труп врага – и белокрылая дева-ангел вручает ему знак власти, массивный нефритовый жезл, в который вставлены львиные клыки…

…Медный молот высекает из белого утеса снопы разноцветных искр; кружа подобно хороводу, они поднимаются все выше и выше, к угольно-черному небосводу, который доселе не ведал и не желал ведать иных оттенков. От ударов утес крошится, из его глубин начинают проступать очертания человеческой фигуры. Вот человек виден почти целиком, лишь кисти и ступни его по-прежнему заключены в каменное узилище. Человек открывает глаза и пытается произнести что-то, но молот с размаху бьет его в грудь и застревает там. Из раны толчками струится кровь – сперва темно-багряная и густая как патока, затем красная, чуть пожиже, алая, словно вино, розовая, как окрашенная рассветом вода – и наконец, ослепительно-золотая, которая уже не течет, а кипит, испаряясь сама собою. Безликий молотобоец выдирает свое орудие из раны и брезгливо швыряет его в небеса. Окровавленный молот прошибает дыру в хрустальном своде, теряя при этом рукоять, и становится дарующим свет и тепло солнцем…

…Черный от старости, но покуда острый и прочный бронзовый клинок вонзается меж лопаток высокой фигуры, протыкая мантию, желтую и серую. Возглас изумления? предсмертный хрип? Из раны веером брызжет пламя. Убийце недостает ловкости и проворства, руки его обращаются в бесполезные куски плохо прожаренной плоти; которыми, однако, ему еще предстоит возвести храм, точнее, гробницу, куда только и можно поместить убитого, потому что земля не сможет носить его после смерти, как носила при жизни…

…Железная дверь отходит от серого скального косяка с истерическим визгом ржавых петель. Трехрогий череп, насаженный на хрустальный шпиль, весело улыбается тем, кто посмел потревожить Нижний Мир – наивные, они так надеялись на защиту символа, золотом вышитого на их белых одеждах. Крестовидного символа, похожего на искаженный знак солнца…

* * *

Хризвальд, чаще прозываемый в округе просто Грызем, росту был скорее среднего, но сложением громиле-Йэну не уступал.

Усы и бороду кузнец не носил, предпочитая бриться, голова его много лет как облысела, зато ниже шеи он почти весь зарос темной шерстью. Местами на торсе и руках светились подпалины – и то, с огнем да железом работая, трудно от таких уберечься. А кузнец еще и разгуливал голым по пояс – жарко, видать, ему было. Особенно у наковальни.

– Бригантина, значит, – протянул Хризвальд. – Муторная это штуковина, а на тебя так вообще… попробуй лучше вот это.

Йэн не без сомнений посмотрел на кузнеца, однако отказываться не стал и попробовал влезть в предложенный жилет. Удивительно, в плечах обновка оказалась как раз, и даже чуть длиннее, чем нужно. Прочная кожа, усыпанная мелкими железными пластинками, и от палицы укроет, и от меча, и даже от топора. Не хуже кольчуги или альмейнской «дощатой» брони. Не чета полным доспехам, понятно, ну так нельзя ведь все сразу иметь, тем паче доспехов таких тоже – не у каждого десятого рыцаря водится.

– Это кто ж такого росту-то сыскался? – спросил Малыш Йэн.

– А сам не докумекаешь? Леорикс, кому еще. Это была его запасная… я подлатал чуток, полдюжины бляшек заменил да скрепы в поясе. На, возьми еще шлем.

Нахлобучив войлочный колпак, Йэн надел сверху и вторую обновку. Железная шапка немного сжимала виски, но была определенно удобнее того котелка, который он обычно одалживал у Тромма.

Кстати, о Тромме…

– Грызь, а щита какого и палицы у тебя не найдется?

– Ща глянем… булава точно была, – волосатые руки кузнеца извлекли из сундука маленькую, метательную палицу, затем добрались и до оружия посолиднее. – Держи. Щит есть, но он не очень… Каркас там уже старый, если что – долго в бою не продержится.

– Все лучше, чем ничего, – Йэн сунул булаву и небольшой круглый щит в мешок. – Ну, спасибо. Выручил. Жаль, болтов нет.

– Сделать-то я мог бы, да ведь тебе сейчас…

– Не мне. Ну, неважно. Если чего нужно – свистни, всегда помогу.

Еще раз они обменялись рукопожатием, способным сплющить подкову, и распрощались.

Малыш Йэн неспешно зашагал на окраину Тристрама, к опушке леса; место встречи было назначено именно там. Хризвальд-Грызь задумчиво запустил пальцы в заросли шерсти на груди, почесался, хмыкнул и скрылся в кузне.

* * *

– Не, я туда не пойду, – отказался Алан. – Мы с Миком тут приглядим за порядком, пусть Ротт развлекается. А, Хельми? Ты все жаловался, что я самые интересные дела перехватываю, ну так вот тебе работенка.

Бывший атаман хмуро взглянул на менестреля единственным здоровым глазом (мелочь, на днях с Йэном выясняли, кто на дубинках лучший). Увидел он, как и ожидал, весьма ехидную ухмылочку. Никаких сомнений, его опять нагло перехитрили.

Впрочем, Вильхельм не возражал. Приключения – вот главное, ради чего он вообще вел «неправедную» разбойную жизнь. Не из-за денег, их-то за чертову дюжину лет Ротт скопил достаточно, чтобы выкупить у какого-нибудь тана-голодранца из Вестфалии или Фризии небольшой замок. Придет день, так он и поступит. Лет где-нибудь через двадцать. А пока что – следовало идти навстречу всякому событию, какое только могло приключиться, пусть даже это почти наверняка окажется очередная неприятность.

«Приключиться», по мнению Вильхельма, весьма далекого от тонкостей италийской лженауки «линхвистики», значило совершенно не то же самое, что «произойти», и относилось только к вещам, которые попадались далеко не на каждом шагу. Ни повеление Святоши Яна и епископа Хюммеля, ни ситуация в Тристраме к таким не относились – даже если Марион, по своему обыкновению, все чуть-чуть приукрашивает (дабы не оскорблять ее словами «нагло врет» – это чревато). Само поручение, тщательно скрываемое от остальной шайки, саксу не нравилось чрезвычайно, но уж коли за него пришлось взяться – получить от этого надо все что только возможно и невозможно.

– Добро, – бросил Ротт. – Тогда ватага пока побудет на тебе. В крупные дела не ввязывайтесь, а по мелочи – сам смекнешь, не маленький вроде как. Мари, ты остаешься?

– Еще чего! – раздалось из шалаша. – Попробуй только меня туда не пустить – прирежу, клянусь всеми святыми! – Выскочив наружу, Марион обвела картинно-сердитым прищуром толпу разбойников, держа кинжал наготове. Кое-кто ухмылялся, кое-кто откровенно гоготал, но перечить ей не стал ни один; себе дороже.

Девушка успела переодеться, на ней теперь поблескивала кольчужка, с рукавами до локтя и усиленным плетением на груди и плечах. Несколько месяцев назад шайка Робина «раздела» византийский обоз, и Марион в счет своей доли добычи позаимствовала у раненого оруженосца его броню; юнец, понятно, не соглашался, однако нож у горла быстро растолковал будущему

византийскому «паладину», что жизнь, она будет немного ценнее кошелька и доспехов. Подходящие для женщин кольчуги встречались нечасто, посему приобретением своим Марион весьма дорожила и надевала отнюдь не в каждую «экспедицию». Как раз теперешняя затея, впрочем, была не «каждой»…

– Ну, вырядилась, – фыркнул Алан, который брони не признавал и считал поэтому всех закованных в доспехи жалкими трусами (в первую очередь сие касалось рыцарского сословия). – Прямо-таки картинку рисовать можно.

– Хочешь – рисуй, – отрезала девушка, – не возражаю. Как-нибудь потом займемся, как время будет – напомнишь.

Менестрель покачал головой.

Раз у тана брабантского, Роя,
Умыкнули жену два героя.
Утром воры к ногам
Его бросились – тан,
Мы не вынесем этого воя!

Стишки Алана, может, и не были образцами изящного искусства, но народу нравились. Сама Марион не выдержала и рассмеялась, разбойники же просто легли от хохота.

* * *

– Это старое место. СТАРОЕ, Робин. Под собором – подземные коридоры, проложенные теми, кто старше человека…

– Черви.

– Не знаю, да и тебе не советую доискиваться. И в глубине этих коридоров что-то упрятано. А может быть, КТО-ТО. Мне ведомо многое, но не это. Прими совет: когда почувствуешь, что впереди ждет разгадка – беги со всех ног!

– Трусостью не одержать побед, Адрея, – заметил Тромм.

Ведьма скрестила руки на груди.

– Только идиот лезет на рожон.

– Или герой, – усмехнулся Робин.

– А это одно и то же. Герой – это идиот, которому посчастливилось вернуться живым и выдумать сказку о своем подвиге. Я, знаешь ли, не могу ожидать, что мне каждый раз повезет настолько. Конечно, если ты всякий раз на трех игральных костях выкидываешь девятнадцать, тебе мои советы не нужны.

– Все-все, сдаюсь! – поднял руки вверх Робин. – Чем ты еще

можешь нам помочь? Историей этих подземелий пусть летописцы занимаются, нам она едва ли пригодится.

– Полезным может оказаться все, ну да речь не о том… Достаточно ли крепка в тебе вера, Тромм?

Монах, поджав губы, покосился на ведьму, но решил ответить честно.

– Не знаю. Своих обетов я не нарушаю, а уж о заслугах моих судить только Господу.

– Я тебе не мать-исповедница. – Адрея вздохнула, покопалась в поясном кошеле и извлекла самую обычную на вид костяную иголку. – Скажи лучше, удержишь ли ты в себе… средство, который может оказаться спасительным, если применять его с умом и расчетом, но может и принести немало вреда, если попадет не в те руки?

– Я никогда не предавал чужих тайн!

– Повторяю, я тебе не исповедница. Ты обладаешь даром, способным пригодиться ТАМ, внизу. Это твой дар, не мой – но двери его замкнуты, и сам ты долго бы еще подбирал к ним ключики, а я знаю, как открывать такие запоры. Дар этот сможет сохранить жизнь и тебе, и кому-то из твоих друзей, а может статься, и нечто большее, чем жизнь. Но нужна твердость и вера, или дар обернется проклятьем.

Тромм почувствовал, что во рту у него начался пожар, как утром после большой попойки; в голове застучало, но голос монаха звучал по-прежнему спокойно.

– Можешь показать?

Вместо ответа ведьма выбросила вооруженную иголкой руку вперед и больно кольнула Тромма в грудь, против сердца.

– In nomine Uni mori sanctum est!

«Умереть во имя Единого – свято.» – эхом отозвалось в ушах монаха.

– Что за… – он было отскочил, но сразу же понял, ЧТО. Знание теперь было с ним… да оно, по правде говоря, всегда было с ним. Даже до того, как община в Вестмюнстере приняла в свои ряды молодого послушника.

– Только против тех, кого уже нельзя вернуть обратно, – с нажимом проговорила Адрея. – Иначе станешь таким же.

* * *

Когда гости ушли достаточно далеко, ведьма небрежно выплеснула «варево» в речку – ничего опаснее лютиков, подорожника, ржавчины, песка и мела она в котелок не

подсыпала. Сейчас – нужды не было. И так все видно. Лучше бы не видеть, конечно, да только это ничем не поможет, а так – кто знает?

В пустом котелке тоже можно многое увидеть. Хотя бы о тех, кого потянуло обратиться к ней за помощью.

Вот – «Добрый Робин», последний сын старого рода Лох-Лей, – рыжий лис с двумя белыми полосками вдоль пушистого хвоста; вертит им туда-сюда, следы заметает. Пока от гончих да охотников уходить надо, все в порядке, но стоит в ловушку угодить – и прости-прощай шкурка родная, пойдет на воротник чьей-нибудь жене… А капкан уже снаряжен, зубьями железными в кустах скалится – и ты, дурень-лис, ведь прямиком к нему бежишь, думая, что сам выбираешь свой путь!..

Вот – Забияка Тромм, большой и осторожный еж, блуждает в предрассветном тумане и ждет непонятно чего. Направо пойдет – обрыв, налево – тоже, а вперед боязно. Иголки встопорщил, попробуй только тронь! – а не понимает, что никому и трогать-то его не нужно, в ручей спихнул ногой, и вся недолга. Если помешает, если слишком задержится на тропинке, где многие ходят босиком и опасаются наколоться…

* * *

Скелеты подобрались бесшумно.

Или при жизни они были охотниками и следопытами, или смерть и то, что случилось потом, подарила им схожие способности, – но передвигались они, словно скользя над землей, даже пыль не скрипела, а уж ее здесь имелось вдосталь. У людей, впрочем, хватало более насущных забот, кроме как выяснять, почему ходячие мертвецы-"беспокойники" именно такие, какие они есть; и первой заботой было – выжить.

Марион приходилось труднее всего: девушка умела драться, и сабля ее не раз уже доказывала это всем, кто засомневается. Увы, никто не мог заранее знать, что против беспокойников не только стрелы бесполезны, а и острый византийский клинок, даже в умелых руках. Резать на голых костях было попросту нечего, а дробить их – не столько проворство требовалось, сколько грубая сила. Хорошо хоть, кольчуга спасла, и пока Марион кое-как отмахивалась от двух скелетов, Вильхельм и Йэн разобрались со своими противниками и пришли ей на помощь. Топор Ротта – тяжелый, односторонний, на длинной рукояти, – оказался не менее хорош в такой драке, чем посох Йэна или

булава Тромма. Монах и Робин, двигаясь бок о бок, пробивали дорогу, остальные прикрывали им спину; испанский меч Робина беспокойников пронимал не действеннее сабли Марион, зато короткий посох со свинцом, залитым в оба конца, крушил голые кости с одного удара. Надежный аргумент и для живых, и для мертвых.

«Бывают аргументы весомые, а бывают – увесистые,» – шутил иногда Алан, когда слышал подобные утверждения. А слышал он их часто, ибо чуть ли не на каждом привале веселая компания архаровцев обсуждала, шумно и «в лицах», насколько действенно то или иное оружие в том или ином случае… «Архаровцами» шайку окрестил мельник Мик, уверяя, что на языке Загорья это значит «горные орлы».

Покончив с отрядом скелетов, они остановились передохнуть.

– Мне это кажется, или тут становится темнее? – заметил Ротт.

– Пес его знает, – ответил Йэн. – Ну, если темнота – самое худшее, что нас ждет…

– Не худшее, – проворчал Тромм, снова поднимая булаву.

Откуда-то вывалилась фигура, очень похожая на предыдущих скелетов, но у этого беспокойника кости прикрывал панцирь из кожи и металлических блях, а в руках были круглый щит и секира. В глазницах мертвеца мерцали багровые искры.

Секира поднялась и указала на Вильхельма.

– Вызов на поединок? – хмыкнул Робин.

– Пусть, – буркнул Красный Хельми, отпихивая Йэна, чтобы освободить место для замаха топором. – Он хочет драки – он ее получит.

Секира беспокойника рванулась вперед, целя в основание шеи; Ротт отклонился, ударил сбоку, но наткнулся на вовремя подставленный щит. Мертвец ловко развернулся, уводя оружие противника в сторону, выпустил секиру, скользнул рукой к поясу и всадил между ребер разбойника нож. Сакс покачнулся, отмахиваясь топором, однако мертвец отскочил и подхватил свое оружие еще до того, как у Вильхельма окончательно подкосились ноги.

– А, раздроби кости твоей плешивой мамаши святой Дунстан! – выкрикнул монах, швырнув булаву в мертвого бойца. Тот легко уклонился, но тут с ладони Тромма сорвался сгусток голубовато-белого света и разнес мертвеца даже не на части – в пыль. Зазубренная секира и помятый панцирь одно краткое мгновение висели в воздухе, потом с лязгом упали на каменные плиты. Туда же повалился и щит, блеснув остатками белой эмали на черном – остатки креста, какой носили воины храма.

Марион первой подоспела к упавшему. Ротт оказался жив, даже сознания не потерял; рана смертельной не была, хотя наверняка болела зверски. Вот только сил у могучего разбойника оставалось меньше, чем у котенка, и с каждым мгновением сил этих убывало…

– Выбираемся наверх, живее, – приказал Робин. – Мари, указывай дорогу. Йэн – неси его, мы прикроем тыл.

* * *

Над вычерченной в песке схемой зависли тощие руки с обломанными ногтями. Несколько камешков-фишек пришлось выбросить, но в резерве оставалось еще достаточно. Более чем достаточно.

Игрок покосился на кучку мелкой речной гальки и хихикнул. Здесь на любое войско хватит, да только нет войску хода в Тристрам. Не заметит его, мимо по дороге пройдет. На пергаментах – все как полагается, вот он, городок Тристрам из Страсбургской епархии, вот chartea всего района, вот список обо всех податях, Тристрам везде там отмечен как полагается; обоз купеческий будет проходить, путник какой, один или с компанией – все честь по чести, городок как городок. Маленький, бедный, почти что деревня, ну так и место ни для перекрестка торговых путей не годится, ни для постройки цитадели, чтобы там сидел какой барон с гарнизоном и оборонял край… А будет мимо войско идти – не увидит ничего. Речка течет, развалюха какая-то на островке стоит – и все.

Удачное место.

Не зря сюда Тристрам из Лионесс сквозь саксонские армады пробивался. Пробился. И не ушел.

Удачное место…

Подброшенный медный грош завертелся в воздухе и упал на середину схемы. Изображение почти стерлось, но еще можно было разобрать голову римского орла и выбитую дату – DXXIV Anno Domini.

* * *

Пепин понял все сразу, объяснений не понадобилось.

– Клади на лавку, осторожнее… девочка, ты останься, поможешь, а вы все – пшли вон отсель!

Марион спорить не стала, хотя не любила, когда ее звали

«девочкой». Впрочем, лекарю простительно – лет ему было хорошо за семьдесят, он бы Огдена-трактирщика не постеснялся «пареньком» назвать. Хотя руки Пепина не дрожали, сутулость не выглядела печальным следствием преклонного возраста, а морщин на узком лице насчитывалось немногим больше, чем у того же Ротта, – лекарь был очень стар. На голове почти не осталось волос, жидковатая бородка белела свежевыпавшим снегом, а бледно-зеленые, чуть навыкате глаза… Не то чтобы они были «источниками вековой мудрости», как порой выражались сказители, но говорили о возрасте своего хозяина больше, нежели все остальное вместе взятое.

Скупыми, выверенными до мелочей движениями Пепин разодрал кусок полотна на полосы, окунул одну в резко пахнущий спиртом прозрачный раствор и бросил через плечо:

– Вынимай нож, только медленно!

Марион послушно потянула за рукоять. Ротт захрипел, сжимая края лавки, но не пошевелился. Когда острие вышло из раны, лекарь присыпал ее каким-то порошком и приказал раненому:

– А теперь стисни покрепче зубы – и не попусти тебя святой Эгмонт даже вздохнуть, пока не скажу!

Вильхельм кивнул, и тогда Пепин запустил в рану палец, обернутый проспиртованной полосой ткани. Ноги Ротта дернулись, лицо исказилось от боли; лекарь осторожно вытащил окровавленный палец, показав вцепившийся в полотно осколок металла.

– Теперь все хорошо. Заканчивай перевязку, девочка – а ты можешь возблагодарить своего покровителя, что жив остался. Знаю я эти клинки, будь они прокляты… Еще когда служил в войсках Магнуса, у меня друг умер от такой раны.

Пока Марион бинтовала грудь сакса, Пепин швырнул ткань в камин, на тлеющие угли. С шипением полыхнуло пламя, затем в камине вновь остался лишь ровный, красно-серый жар.

– Кто… – выдохнул Вильхельм, закашлялся, сплюнул и вновь заговорил: – Кто делал такие клинки?

– Храмовый орден. Говорят, италийцы этому у мавров научились, но думаю, врут. «Перст Господа» называется – у такого ножа хрупкое острие, оно от удара обламывается и остается в ране. Если не извлечь сразу же, уйдет вглубь и пропорет все, что только можно. Человек и умирает, а храмовники с соболезнованиями кивают: Господня кара, мол…

Ротт скривился, потом озабоченно нахмурился. У Марион округлились глаза, рука сама собой потянулась ко рту – подавить возглас, что рвался наружу. Обоим им живо представилась

фигура беспокойника в орденском панцире – и не рядового брата-воина, щиты с храмовым крестом имели право носить лишь сержанты и командиры постарше…

* * *

– Хватит, – Робин рубанул воздух ребром ладони. – Никакого мне больше геройства. Двигаем напролом, как таран, крушим всех и вся. Тромм, ежели вдруг что – не стесняйся… ну ты понял, о чем я.

– Верно! – поддержал Йэн. – Мари, а ты бы лучше вовсе не высовывалась – укрывайся между нами да из лука бей. Если там не только такие мертвяки шастают… не убьешь, так хоть отвлечешь и нам поможешь.

Ротт фыркнул.

– Одно сражение видел, так уже великим тактиком себя возомнил!

– Почему вдруг одно? – притворно обиделся Малыш. – И вовсе даже не одно, а целых три! Штурм Донаркейля, битва под Рейнхембахом и заварушка в Зеленой лощине, или как ее – ну, еще когда Алан там жил… Вполне приличные сражения – скажешь, нет?

Вильхельм махнул рукой. Переспорить гэла, если тот твердо намеревался стоять на своем, мало кто мог. Даже если повод для препирательств – разбитая скорлупа выеденного два года назад гусиного яйца.

…Темные помещения собора дышали тяжкой угрозой, воздух словно был полон незримых глаз, хлеставших по спинам тех, кто вновь посмел осквернить своим присутствием это некогда святое место. Тьма становилась все гуще и осязаемее, и хотя на пути их не попадался пока ни один ходячий скелет или иные беспокойники – Тромм уже почти готов был взять назад свое недавнее заявление, что тут ожидает нечто похуже темноты. То есть монах ни разу не сомневался, что такое «нечто похуже» вполне возможно, но ему казалось, что если это самое Нечто вылезет наружу…

Додумать эту мысль он не успел.

Было по-прежнему темно. Давний запах тлена и пыли не исчез и даже не стал слабее, но к нему добавился новый. Малоприятный, но знакомый. Так могло бы вонять на заброшенной скотобойне.

Потом смрад крови и гнили ударил почти осязаемым

потоком. Марион вскрикнула и пустила стрелу. Почти сразу, словно цель находилась шагах в десяти, раздался звук входящего в плоть наконечника и раздраженное ворчание.

– Yin Lles! – раздалось непонятно откуда.

Люди оказались в центре светового колокола, шагов пятнадцати в поперечнике и восьми – в высоту. За чертой света, едва различимое в полумраке, высилось Нечто.

Живущие в темноте обычно не любят даже неяркого освещения, однако это создание было исключением. Все так же ворча, Оно сделало пару шагов вперед – и остановилось, давая пришельцам возможность насладиться созерцанием Его облика. Поскольку, по Его мнению, сие зрелище было последним, что они увидят в этой жизни…

– Назад! – хлестнул по нервам приказ Ротта.

Ноги кормят не только волка, но и его друзей-приятелей – лесных разбойников. Вряд ли сами чемпионы легендарной Олимпии в состязаниях по бегу смогли бы одолеть полторы сотни шагов по коридорам быстрее, чем это проделали Робин и его компания. Световой конус скользил за ними.

Существо, невзирая на габариты, вовсе не было неуклюжим, и восьми шагов форы Тромму, который мчался последним, едва-едва хватило, чтобы проскользнуть в дверь-решетку, Йэн с лязгом задвинул засов, люди почувствовали себя почти в безопасности и взглянули на Существо уже не с глубинным ужасом, а прикидывая, как бы понадежнее уложить такую тварь.

Существо взирало на них с ответным голодным интересом.

Когтистые лапы – достаточно мощные, чтобы разодрать пополам взрослого быка, – сомкнулись на железных прутьях и потянули. Раздался жалобный скрип; мастер, который ковал решетку, навряд ли предназначал ей роль крепостных ворот, и уж конечно понятия не имел о таких вот Существах.

– Ну все, – заявила Марион, – ты меня достал.

И всадила в грудь Существа стрелу. В упор, из восьмидесятифунтового лука – ни кольчуга, ни броня-бригантина вроде той, что Йэн носил, ни вымоченный в соляном растворе холщовый панцирь, ни даже более устойчивые к стрелам чешуйчатые и дощатые латы хозяина не уберегли бы. Цельнокованая кираса, и то подалась бы, приди наконечник не под углом, а прямо. А уж человека без брони такой выстрел прошил бы навылет.

Стрела утонула в бурой плоти на пол-древка; Существо раздраженно рыкнуло, почесалось, словно после комариного укуса, и снова принялось раздвигать решетку.

– А ну, вместе!

Вторая стрела ударила в морду, похожую на помесь свиного рыла с помятой ослиной задницей. Марион метила в глаз, но промахнулась и раскроила Существу нос и скулу (конечно, если это были именно нос и скула – на человеческие они походили весьма мало). Робин полоснул мечом по одной лапе, Ротт всадил топор в другую – лезвие частично ударило по решетке и получило несколько зазубрин, но и Существу явно досталось. Отдернув лапы, Оно задумчиво вылизало раны длинным, более чем в локоть языком (кровь, густая и черная, остановилась почти мгновенно); и пока Марион доставала из колчана следующую стрелу, в правой лапе Существа откуда-то возникло оружие пренеприятного облика. Так мог бы выглядеть мясницкий топорик-секач, если бы мяснику требовалось разделывать цельную китовую тушу.

Марион выстрелила опять, поразив на сей раз шею Мясника. Тот не обратил на это никакого внимания, занес свой секач – и с размаху рубанул по двери. Решетка простонала, раскроенная чуть ли не наполовину. Еще два таких удара – и…

– Йэх-хха! – выдохнул Йэн, который успел выкатиться сквозь пролом – для него-то и такая дыра была достаточно широка, – и обрушил свой посох на «ногу» Существа, под колено.

Удар такой мощи сметал закованного в латы рыцаря либо с лошади, либо вместе с лошадью. У Мясника не хватило наглости устоять на ногах, и Он покачнутся, едва не рухнув. Секач вновь взмыл в воздух, целясь уже в Малыша Йэна, но тут вновь сказала свое «тванг» тетива лука Марион – и стрела пронзила запястье Существа, пройдя навылет. Жуткое оружие выпало из руки Мясника; Йэн ударил вторично, в ту же ногу. На этот раз Существо грузно повалилось – и тогда Ротт, который выскочил следом, раскрутил на бегу свой топор и всадил лезвие Ему в затылок. Мгновением позже подоспел Робин, вонзив клинок куда-то в спину Мясника.

Даже демон от такого подох бы на месте. Существо, истекая вонючей слизью, начало приподниматься. Булава Тромма обрушилась на разбитый уже затылок, но Мясник словно не заметил и этого. Малыш Йэн въехал концом посоха Ему в физиономию; клыки Существа сомкнулись и зажали тяжелый дрын, будто в тисках. Дубовый посох в ладонь толщиной хрустнул как гнилая палка. Опять поразили цель топор Вильхельма, булава монаха и меч Робина, опять Мясник лишь заворчал в ответ на раны. Тромм уже было собрался УДАРИТЬ, однако тут Йэн воткнул обломок посоха в горло Существа – как раз туда, куда угодила одна из стрел Марион, – и с силой провернул его там. Раз, и еще раз.

Жуткие когти Мясника, которые уже почти сомкнулись на плечах Малыша Йэна, прокороздили леориксову броню – и бессильно опустились. Испустив последнюю порцию вони, тело осело наземь.

* * *

– Взят первый. Счет открыт.

– Не будешь спорить, что чистой тут победу не назвать?

– Не буду; никакого договора я не желал об этом заключать.

– И полагаешь, им пройти удастся до самого конца?

– Навряд ли, Из. Но пусть пока идут. Уж разобраться сумеем мы, кого отвергнет НИЗ…

* * *

Темнота не то чтобы исчезла вовсе, но как-то боязливо попряталась по углам-закоулкам. К победителям Мясника никто и подойти не смел, даже если какая-то нечисть в соборе еще обитала. В последнем, впрочем, вряд ли усомнился бы сам Томай Неверующий. Однако у исследователей почему-то не возникало никакого желания положиться на миролюбие здешних… жителей.

Взамен сломанного оружия Йэн, орудуя секачом Мясника, вырубил из решетки железный прут длиной в два с половиной локтя и толщиной около полутора пальцев. Для лучшего захвата он обмотал тряпкой один конец, и получилась неплохая палица. Сам трофейный секач годился разве только «на похвастаться» при случае: слишком уж массивный и тяжелый даже для Малыша Йэна, но бросать добычу гэл не стал и приспособил за спину. Похвастаться таким – уже немало, для такого и потрудиться не грех.

В верхних помещениях собора не содержалось более ничего интересного. Строительство успели завершить лишь наполовину, в том смысле, что от Храма Господня тут была разве что оболочка. И то – лишенная драгоценной мишуры, которая, быть может, сама-то святостью и не обладает, зато способствует созданию ореола таковой.

Во время оно альмейнская ветвь святой церкви, ревностная блюстительница заветов патриарха Ария, яростно боролась против превращения Божьих обителей в ларцы с золотыми побрякушками, и требовала от священнослужителей соблюдения, прежде всего, обетов бедности и смирения – требовала этого

настолько сурово, что строгие арианские прелаты частенько взирали сквозь пальцы на менее значимые, с их точки зрения, обеты воздержания и целомудрия. Но после того, как четыре разнородные ветви христианства сплелись, так сказать, в цельный венок, помпезная пышность италийских и, особенно, византийских церковных обычаев возобладала над простыми и почти аскетичными привычками альмейнских священников. И к моменту крещения языческого Лоррейна, на двенадцатую осень после воцарения Магнуса на престоле франков, любая Обитель Господня – от последней придорожной часовенки до кафедрального собора, – просто обязана была смотреться чеканной золотой кроной среди навозной кучи всех прочих строений округи. Теперь, полных три четверти века спустя, трудно назвать причины добавления сего неписанного правила в каноны церковной архитектуры, но соблюдалось оно тщательнее многих старых традиций. Включая десять заповедей, не говоря уж о менее известных законах, изложенных в тексте Завета.

Тем более странно, как-то отстраненно размышлял Тромм, видеть эти стены непристойно голыми. Храмы неоднократно грабили; церковь сулила кары Господни на головы еретиков-воров, предавала проклятью их потомство до седьмого колена, провозглашала анафемы, – это все, разумеется, помимо и сверх мер воздействия физического, на которые князья церкви, будучи такими же земными князьями, как герцоги и таны, будучи такой же, как они, опорой земных законов, конечно же, не скупились… Да, храмы грабили, обдирая со стен эту самую «драгоценную мишуру», видя в ней не более чем уйму золота и серебра, которое так просто расплавить и обратить в звонкую монету; но в том-то и дело, что эти стены никто никогда не обдирал, они были голыми с самого начала. На них никогда не было мозаичных изразцов и вызолоченных и посеребренных барельефов со сценами из жития святых; никогда не стояли тут фигуры ангелов, Христа и мадонны из слоновой кости и красного дерева, никогда не оживляли скупую и строгую внутренность собора просветляющие душу рисунки-витражи из цветного венецианского стекла, никогда не стерегли покой мертвых плиты из драгоценной яшмы и мрамора…

Он остановился.

Поскольку монах шел впереди, как бы указывая дорогу, остановились и остальные. Робин медленно, осторожно осмотрелся, не обнаружил ничего подозрительного, перемигнулся с Роттом, получил в ответ молчаливое пожатие плечами и вопросительно пихнул в бок монаха – что такое, мол.

– Усыпальница, – выдохнул Тромм. – Ну конечно же! Идиот,

как я сразу не догадался!

– Думаешь, там… – Робин не закончил – ему тоже вспомнился ведьмин котел и то, что они там увидели. – Так, всем приготовиться. Монах, тебе особо.

…Алтарь скорее походил на простой жертвенник языческих времен – строгая усеченная пирамида на четыре грани, и даже равносторонний крест, врезанный в верхнюю часть алтаря, представлялся не символом распятия и воскресения, а простым знаком солнца, какие известны по всей Галлии. На западе, где доселе в почете старые боги, знак в форме такого креста отнюдь не зовут крестом – да и Лоррейн узрел свет Истинной Веры не столь давно, чтобы потерять возможность видеть что-либо помимо этого света. Тромм привычно перекрестился, вознеся краткую молитву святому Дунстану – и вместо хотя бы малой толики небесной благодати ощутил холодное презрение, исходящее…

– Осторожно!

Но Йэн уже открывал двери усыпальницы.

* * *

Кровь смывает и позор, и доблесть.
В смерть, как в жизнь, нагими входим мы.
И химера, что зовется «совесть»,
И седой укоры старины, —
Не слышны они за той чертою,
Что нельзя живому пересечь.
Что нас ждет – мгновение покоя,
Или вечность новых страшных сеч?

Все, что нами пережито прежде,
Все, что нам готовят впереди, —
Это нить по имени Надежда,
Что ведет нас дальше по Пути.
Кровь смывает радость и невзгоды,
Память тонет в алой глубине…
Смерть пришла, приняв у жизни роды,
Получая павших на войне…

* * *

Скелет восстал из открытого гроба, поднимая меч. Ржавый двуручный клинок с хрустом переломился.

Страж гробницы не отступил и встретил незваных гостей со сломанным мечом в костлявой деснице. Видно, он был полностью солидарен с первым паладином и полководцем Магнуса, Браном О'Доннелом, который часто заявлял: лучше сломанный клинок, чем вовсе никакого.

– Это же… – прошептала Марион.

Похожий меч все они видели в деле, однако оружие мало что доказывало. Да, тяжелый двуручник альмейнского образца, штука редкая – мало кому под силу такой таскать, – но ведь не меч они искали здесь.

Куда важнее был массивный обруч, что венчал череп стража-скелета. Широкий обруч из нарочито тусклой, словно бы покрытой копотью бронзы, с вызолоченными львиными лапами, которые приходятся хозяину на виски – точнее, туда, где у человека должны быть виски, в голове стража там зияли два отверстия…

– Клянусь распятием, Корона Льва!.. – воскликнул Лох-Лей.

Марион эхом отозвалась:

– Леорикс!..

Скелет остановился. Опустил обломок меча. Медленно, поскрипывая суставами, шагнул вперед и склонился над Робином – ростом он превосходил Малыша Йэна на добрую ладонь, именно таким при жизни был Король-Лев.

Вожак разбойников убрал меч в ножны, опустился на правое колено и покорно наклонил голову. Этого правителя он был готов приветствовать по всем правилам этикета, жив он там или мертв. Марион последовала его примеру, Йэн и Вильхельм ограничились неловкими поклонами. Тромм также решил поклониться, однако все же был готов в любой момент воспользоваться новообретенным умением. Живого Леорикса он уважал, и весьма, – и как короля, и как доброго собутыльника и соратника, когда еще не знал, что перед ним рикс Лоррейна, – но теперь перед ним был мертвец, беспокойник, а сходиться с такими ближе необходимого Тромм нисколько не собирался.

Скол меча уперся в каменные плиты и процарапал черту. Еще одну, и еще. Наконец скелет отступил назад, к гробу, и скрестил лишенные плоти руки на груди.

– «COLPA», – прочел монах, – «Рази»?…

Тромм перевел взгляд на Короля-Льва (теперь-то он был абсолютно уверен, перед ними стоял именно владыка Лоррейна). Тот кивнул с какой-то мрачной торжественностью.

– Requiescatis in pacem, Rex Lorraines, – вздохнул монах и

нанес удар. – Amen.

Переход
Коронация

Верден гудел, как пчелиный улей, только вместо меда и воска тут копились слухи и предположения. То есть никто особенно не сомневался, что на престол сядет принц Ян, также известный в народе как Святоша. Нет, не личные достоинства принца были причиной такой уверенности – Ян поспокойнее и более рассудителен, чем его сводный брат Леорикс, но во всем остальном Льву несомненно уступал. И уж конечно Святоша будет править не потому, что больше некому: даже если сын Леорикса, Альбрехт-Львенок, действительно погиб, да упасут от такого все святые, – Ян не единственный в роду Лотара Хромого, у кого есть права на лоррейнский трон. А ведь есть еще и такие потомки Лотара Хромого, которые более близкие родичи и покойному Леориксу, и его папеньке, другому Лотару, а что их матери и отцы не произносили брачных обетов у алтарей святой церкви – так ведь в законах Лоррейна, составленных как смесь гэльских и франкских обычаев с италийскими и альмейнскими сводами права, сей юридический казус прописан далеко не так прочно, как в Италии или у византийцев.

И все-таки борьбы за престол не будет. За место у престола и при дворе – да, конечно, это как водится, но не за сам престол. Ибо в Лоррейне есть другие претенденты на корону, однако нету сил, способных соперничать с теми, которые поддерживают Яна.

Силы эти не скрывались.

Не к лицу такое его преосвященной светлости Хюммелю, епископу Верденскому, святейшему и бесспорному главе лоррейнской церкви во всем, кроме разве что титула, – каковой безусловно придет, как только сойдет в могилу архиепископ Лудуна, девяностолетний Эрвард. Споспешествовать же этому Хюммель подчеркнуто не желал: зачем? он не торопится, он и подождать может, истинная власть и так в его руках, и князья лоррейнской церкви, когда придет время, назовут именно его имя, ибо других не знают.

До недавнего времени от света скрывалась другая сила, ее величество королева-мать Изельде, третья и последняя жена Лотара Святомордого, которая настолько прочно держала в своих руках двор, что умудрилась это заглазное прозвище старого короля сделать его официальным титулом, еще пока тело ее покойного мужа только готовили к погребению. До недавнего времени – да, но не теперь. Ведь маменька всегда будет всячески

помогать любимому и ненаглядному сыночку, и уж конечно, убедит своего любовника – ах, простите великодушно, верного и преданного друга, – сделать то же самое…

Потому-то они Яна Святошу и поддерживали. Потому-то он и будет новым риксом.

Нет, вопрос престолонаследия был скорее не «кто», а «как». Об этом-то и спорили, на это-то и делали ставки, где из рук в руки могло перейти скромное состояние.

Взойти на престол, принять звание рикса – означает, в частности, принять в свои руки символ власти над искомым краем. А тут имели место некоторые… загвоздки. Цепочка которых тянулась уже лет так триста…

Если вкратце, дело было так:

– Самая древняя из регалий лоррейнских владык, скипетр Серебряной Руки, была украдена ловким арденнским воришкой, и когда прознатчики незадачливого Хильдебранда-Растяпы (это прозвище в летописи вошло еще при его жизни) взяли похитителя, Рука Ноденса уже оказалась перепродана в Альбион, таинственному древнему племени Рожденных-под-Звездами, которых гэлы называли эльфами, служители церкви – демонами, а прочие вообще старались лишний раз не поминать. Разумеется, вора прилюдно и устрашающе казнили, но скипетра это не вернуло.

– Хильдебранд заказал у италийских мастеров новый скипетр, из драгоценного горного хрусталя, однако уже его дочери Катрин вновь довелось выбирать для Лоррейна символ власти – из-за небрежности слуги от скипетра осталась лишь жалкая кучка осколков (виновника, естественно, запороли насмерть, но это уже ничего не могло поправить).

– Катрин избрала Солнечный венец, и обруч чистого золота с орнаментом в виде солнечных дисков и лучей служил лоррейнским правителям полтора столетия, пока меч Магнуса не разрубил его вместе с черепом Ивина Дальнозоркого. Сверхъестественное умение рикса прозревать находящееся вдали не предупредило его: ты совершишь роковую ошибку, о король, предав Магнуса Франкского в его походе против саксов. Кампанию Магнус проиграл, однако обрушился затем на вероломного соратника силами чуть ли не всех франков и альмов, и присоединил к своей Новой Империи почти весь Лоррейн, за вычетом горной Аосты. Впрочем, несколько лет спустя император франков и ее включил в состав вассального королевства, наследником которого сделал малолетнего Лотара, сына Ивина.

– Новая Империя мирно распалась после смерти Магнуса, не

сразу, но довольно быстро. Лотар Хромой положил символом Возрожденного Лоррейна царя зверей, льва, и вручил мастерам самолично сделанные наброски для нового герба, знамени и короны. От Лотара Хромого трон перешел к старшей его дочери, Элен, а от той – к единственному ее сыну, Лотару, отцу Леорикса и Яна (а также полудюжины незаконных детей обоего пола). И вот теперь Корона Льва, разделив судьбу прошлых регалий лоррейнских монархов, похоже, канула в небытие вместе с Леориксом…

Леорикс на месте Яна, не мудрствуя лукаво, положил бы новым символом власти в Лоррейне меч или рыцарскую пику. Королю-воину иного в голову не пришло бы. Но Ян, которого с детства готовили в служители церкви, и лишь случай решил иначе… что-то придумает он?

Вот об этом и спорили.

В Вердене любили спорить.

В Вердене прекрасно понимали, как же им повезло, что трон перейдет из рук в руки без гражданской войны и смуты, какие раз за разом сотрясают ту же Италию, и гэльские края, и саксонские княжества. Оттого-то и делали ставки по пустячному в общем поводу, и знали, что даже проиграв – сильно печалиться не будут. Золото и серебро – это всего лишь золото и серебро, их можно растратить, скопить и растратить снова.

Война потребует иной платы, и хотя для любого воина, солдата и рыцаря плата эта привычная и не самая высокая в мире – но раз уж есть возможность не платить и получить то же самое мирным путем, глупо спорить с таким подарком судьбы. Пусть на трон садится тот, кто может сесть. Если править он будет дурно, если Лоррейну покажется, что новый рикс недостоин своего титула – вот тогда и грянет война, чтобы снять с него этот титул вместе с головой, а пока… пока пусть все будет так, как будет.

Нестройно прогудели трубы. Ворота дворца отворились, приглашенные почтить своим присутствием коронацию устремились внутрь. Устремились и те, кого не пригласили, однако алебарды гвардейцев быстро восстановили порядок. Охотников переть грудью на острия в толпе не оказалось, чему гвардейцы только порадовались. Кому оно нужно, побоище в день восшествия на престол нового владыки?…

* * *

Изельде почти никогда не была настоящей королевой. Лотар

женился на семнадцатилетней дочери аахенского тана после того, как его вторая жена, Берта, умерла родами (девочка, Карен, выжила, но пару лет спустя не перенесла лихорадки). Вначале Изельде полагала, что сумеет обуздать этого лоррейнского кабана или хотя бы найти с ним общий язык, но вскоре поняла, что от кабана Лотар унаследовал не только некоторые черты внешности, но и упрямство. Изельде была необходима ему как красивая кукла и наглядное свидетельство того, что пятидесятидвухлетний монарх еще кое на что способен (как будто другие наглядные свидетельства не бегали чуть ли не по каждому городу Лоррейна!) – ничего иного Лотар от нее не требовал, и ничего иного не позволял.

Вскоре родился Ян, Лотар немного угомонился и предоставил Изельде самой себе. Пять лет спустя он благополучно сошел в могилу. Трон после не очень долгих споров занял Леорикс, четвертый из сыновей Лотара от первой жены, Денны. В линии претендентов Леорикс шел вторым (двое старших братьев и сестра умерли еще до того), однако убедил непосредственного наследника, Эрвина, отказаться от родового права в его пользу. Потому что иначе, без обиняков дал понять Леорикс, получишь вызов на поединок до смерти – а молодой Лев уже тогда владел любым оружием лучше многих ветеранов. У которых, собственно, и учился.

Эрвин, не желая умирать раньше назначенного ему срока, отошел в сторону, Леорикса короновали столь подходящей ему Короной Льва. Изельде окончательно ушла в тень – Леорикс ничего против нее не имел, просто ни королева-мачеха, ни маленький Ян ему были не нужны.

Зачем Льву понадобился трон, Изельде никогда не понимала. Ощущением самой власти он не наслаждался, бремя государственных забот тянул честно, но без горячего азарта, какой бывает, когда разбираешься со сложным делом, которое никто до тебя разрешить не мог; ну а восседать в неудобном золоченом кресле единственно ради того, чтобы прозываться Dux Bellorum – кроме войн, Леорикс практически ничем не интересовался, – какой в том смысл? Эрвин, стань он риксом, сам назначил бы младшего брата на пост главнокомандующего, вручив серебряный шлем и щит – они и шли Льву куда больше королевских регалий…

Но как бы то ни было, а за двенадцать лет правления Короля-Льва Изельде успела так поднатореть в дворцовых интригах, что решилась устроить переворот и взять власть в свои руки – от имени Яна, который номинально займет трон. Сперва она потихоньку устранила прочих законных отпрысков Лотара, что

было, в общем-то, безопасно, если действовать с умом и тонкостью – а это Изельде умела. Потом попробовала нанести решающий удар, освободив престол Лоррейна. Это было чуть больше пяти лет назад, Изельде рассчитывала стать регентом от имени несовершеннолетнего Яна; но заговор сорвался, Король-Лев вопреки всем стараниям благополучно возвратился из Эрушалайма – и полетели головы. К счастью для Изельде, голова прецептора храмовников Тарнхальда, Альбрехта де Меельсхазена, слетела без долгих разбирательств, уж слишком глубоко он влез и слишком явно подставился, – а из всех заговорщиков один только глава храмовников знал о роли Изельде как вдохновляющей силы заговора…

В теперешнем исчезновении Леорикса прямой ее вины не было, однако упустить такой случай Изельде никак не могла. Семнадцатилетний Ян сразу занял бы трон, а что без слова своей дорогой любимой мамочки он и пальцем не пошевелит – кто об этом знает, кроме нее самой и Хюммеля, который ей обязан епископской митрой, жизнью и кое-чем еще? Ни одна живая душа в королевстве не видела в Изельде личности. О, она могла бы показать им, НАСКОЛЬКО они ошибаются, вполне могла… да только значительно лучше будет – молча заниматься своим делом. Триумф без зрителей мало чего стоит, но раскрытая не вовремя тайна стоит еще меньше.

А тайна была из числа тех, что убивает. Верно, прямой вины Изельде в том, что случилось с Леориксом, не было.

Однако посмей кто-либо из умеющих чуять запах лжи спросить королеву о том, имеет ли она отношение к происшедшему, – по Вердену прокатилась бы настоящая волна паники. А то и волна крови.

* * *

– Зачем явилась? – хмуро вопросил через решетку старший надзиратель.

– Читать умеешь? – Марион извлекла из широкого рукава пергамент. Оттиск перстня-печатки Хюммеля страж сразу узнал, и дверь открылась мгновенно.

Как ни странно, надзиратель оказался немного грамотен, и после десятиминутной борьбы с текстом одержал славную победу. Удовольствия, правда, эта победа ему не доставила.

– Освободить этих головорезов Хорта и Виклифа? Но зачем?

– Ты меня спрашиваешь? Епископ мне не говорил. – Марион не лгала, Хюммель ее в глаза не видел – все дела велись через

Робина. – Ты как, будешь выполнять приказ его светлости, или…

Что последует за «или», тюремщик хорошо знал. Очень хорошо. Даже если сам никогда с этими последствиями не встречался.

– Щас приведу, – буркнул он и скрылся в темноте верденских застенков, куда девушка и не собиралась следовать за ним. У нее была дополнительная задача, которую выполнить надлежало как раз таки без свидетелей. Нельзя ведь при них снимать слепок с замочной скважины… Да, сейчас Марион пришла сюда с письменным приказом об освобождении, но в другой раз такого приказа может и не последовать. А вытащить кого-то из верденских застенков – это потруднее, чем в них попасть…

Не прошло и получаса, как появились Виклиф-Нюхач и Хорт-Вепрь – закованных в кандалы, их подталкивали в спину два надзирателями. Грязные и ободранные, они все же были живы. Уже хорошо: Тромм опасался, что Хюммель давно успел отправить обоих на виселицу и попросту подставляет того, кто заявится с приказом об освобождении. Что ж, монах ошибался не раз, ну да эта ошибка его не огорчит.

– Идем, – приказала она бывшим узникам.

Еще не вполне осознав, что свободны, те пошли за ней.

Разбойники, два месяца сидевшие в темных подземельях, от света и воздуха ослепли и опьянели, слышать – слышали, и даже понимали, а вот признать Марион пока не могли. Чему она была только рада. Хотя на нее розыск никогда не объявляли, в отличие от Робина, Ротта, Йэна, Тромма и даже Алана, – лишний раз светиться не стоило. Совсем не стоило.

Не потому, что без нее некому будет разведывать потайные ходы в цитадели и сокровищницы различных замков, входя через главные ворота в числе обычных гостей. Марион нравилось ходить по краю пропасти, которую никто, кроме нее, не видит, – однако еще больше ей нравилось просто жить.

* * *

Поохали-поахали, радостно поздравили друг друга и самих себя, взаимно похлопали всех по всем частям тела (от чего Марион уклонилась, ибо такое позволяла лишь Робину и, порой, Алану). Затем Робин приказал двигать куда подальше от Вердена. Лучше бы к Тристраму, где осталась вся шайка, но главное – убраться от места коронации.

– Зачем? Думаешь, первым указом Яна будет «немедля изловить Робина Доброго»? – Йэн презрительно сплюнул, сбив

неосторожно поднявшийся над травой подорожник. – Ну, благодарен по гроб жизни он нам, ясное дело, не будет, даже Леорикс бы не стал…

– Я не знаю, зачем, – оборвал Робин. – Знаю только, что надо. И поживее, слышите?

Этого Йэну хватило. Особенно суеверным он не был, но о полезном умении Робина предчувствовать опасность знал по опыту. Как и остальные. Потому, храня настороженное молчание, компания двинулась на восток, вдоль тракта, ведущего в Альмейн – как раз неподалеку от него располагался Тристрам. В трех днях пути, около развилки, что уводила к Страсбургу.

Естественно, пилить три дня без передышки разбойники не желали, и остановились в знакомой придорожной гостинице, хозяйка которой, Велма, кое-чем была обязана «вольной компании» Робина, а точнее, Ротта, это случилось еще в его бытность вожаком. Вильхельм сразу же поднялся с хозяйкой наверх, в ее комнату, отрабатывать приют для всей оравы; прочие, весело перемигиваясь, уплели сытный ужин и уже было собирались отправиться на боковую, как вдруг…

– Слышали? – Марион спрыгнула с колен Робина и скользнула к окну. – Точно, скачут! Галопом летят прямо… Гвардия, клянусь святой Диланой!

– Выметаемся, – кивнул Робин в сторону черного хода. – Не знаю уж, по наши души али нет, но рисковать…

– Я пока останусь, – упрямо сказала девушка. – Предупрежу Хельми. Возьми мой лук, Робин. Прикинусь местной… заодно разузнаю, в чем штука. Меня ж никто не знает, ничего страшного.

Спорить было явно не время, тем более, что Марион уже взлетела по лестнице и стучалась к хозяйке. Едва последний из разбойников прикрыл за собой заднюю калитку, как в зал, едва не сорвав с петель прочную переднюю дверь, ввалился капрал. Весь взмыленный, как и его лошадь. Пятерка солдат моментально оцепила зал, перекрыв черный ход и окна, прощупывая колючими и настороженными взорами всех, кого угораздило сегодня оказаться здесь. Капрал, с одного взгляда выделив Марион в закапанном жиром переднике служанки (девушка порадовалась, что успела прихватить с вешалки эту тряпку для маскировки), хрипло спросил:

– Здесь были Робин и его шайка?

Марион сделала круглые глаза.

– Нет, господин капитан, с полгода уж никого из них тут не видели. От сестры недавно слышала – она в Аосте скобяную лавку держит, бывали, может, Элен, третий дом у северных ворот? – что Алан-Менестрель вовсе подался в Италию…

Гвардеец с досадой сплюнул.

– Проклятье святого Ги на голову этих тупорылых!.. Слушай, девка, а ты мне не заливаешь?

– Да как посмела бы я, господин?… – Марион присела в глубоком реверансе; полезно, что на ней вместо «охотничьего костюма» сейчас обычное платье, с вырезом и стянутым с боков лифом, так что мужикам есть куда поглазеть и отвлечься от совершенно лишних и посторонних мыслей. – Не встречала я их тут. Конечно, только ежели впотьмах мимо прошли, тогда…

– А где Велма? – Ничего удивительного, ее все знали, кто хоть раз проходил мимо постоялого двора.

– Так недужна она, капитан, с полудня пластом лежит… Но коли надо, пособлю ей спуститься, она то же самое скажет.

Капрал махнул рукой.

– Пес с ним. Все одно этого дьявола ночью не догнать… Спутался с Малым Народцем, его только святой Эбен теперь взял бы…

– А что такого случилось-то? – Марион надеялась, что тон ее достаточно похож на интонацию деревенской кумушки-сплетницы, которая, чтобы свежие новости вызнать, со смертного одра поднимется. – Неужто этот охальник ажно во дворец-то пробрался?

Гвардеец с секунду раздумывал, стоит рассказывать или нет, потом решил, что слухи все равно к утру доберутся сюда, потом припомнил строжайший приказ «молчать как рыба об лед», потом посмотрел на поспешно поднесенную Марион большую кружку с добрым темным элем…

– Святоша-Ян мертв, – проговорил он, утирая усы. – Прямо на коронации умер. Хюммель только корону на него надел, а Ян зенки-то закатил и… Поговаривали, яд, сперва стали грешить на Хюммеля. После уж сообразили: на короне проклятье лежало. Епископ чуть не рыдает, признался – это он пообещал Доброму Робину награду, коли тот разыщет, куда покойный Леорикс задевал корону… Вот и разыскал, скотина паршивая, – самому ничего, Хюммеля, видать, сан защитил, а Ян… Э, да что Ян! Теперь же, считай, все королевство проклято!

Марион не понадобилось делать испуганный вид. Она действительно перепугалась. ТАКОГО переплета с ними точно еще не случалось… это тебе не замок Гисборн грабить, пробравшись потайным ходом…

За такой «подвиг» с них живьем спустят шкуры, если только поймают, а ловить будут. Усердно. И укрыться негде, слишком многие – и сами они в том числе – верят, что корона есть сакральный знак связи правителя с небесами. И понять, что собой

символизирует проклятая корона, – тут много ума не нужно…

Ступень вторая
Пламя

Спрыгнув с седла, рыцарь всадил в землю меч, преклонил колени пред импровизированным крестом и повторил свой обет, как делал уже не раз за последние месяцы. Слова шли от чистого сердца, он ничего не скрывал и ничего более не просил, потому что ничего иного не желал.

Небеса, как всегда, молчали.

Рыцарь оставался в позе смирения до самого заката, пока была надежда на ответ, но не получил его и на этот раз.

Затем он расседлал коня, пустил его пастись, а сам снял шлем, повесил его на рукоять меча и запалил костер. В рыжеватом свете пламени открылось лицо довольно молодого человека, однако золотисто-русые волосы на висках были тронуты сединой, а лоб прорезала глубокая складка; следы горя, которому бессильны были противостоять вся его доблесть, честь и отвага… Лат он, как и большинство странствующих рыцарей, не носил, ограничиваясь прочной курткой из воловьей кожи с нашитыми поверх железными пластинками и кольцами, причем железо это отнюдь не было надраено до блеска. Только шпоры на каблуках и бляхи широкого рыцарского пояса отсвечивали бледным золотом в пляшущих бликах костра.

Поужинав краюхой хлеба, остатками пойманного вчера кролика и луковицей, он допил вино из фляги и наполнил ее водой из ручейка. Завтра появится какой-нибудь городок, там можно будет разжиться снедью… а нет, тоже не беда, умереть с голоду в лоррейнских лесах мог кто угодно, но не он. «Кому суждено болтаться на виселице, тот не утонет», порой говорили бывалые люди. Лично о себе рыцарь твердо знал, что погибнет в бою. Причем не от секиры, копья, стрелы или палицы, – его поразят мечом. Но не таким, как его собственный; рыцарь давно уже видел этот клинок во снах, так отчетливо, словно наяву: не прямой двуострый меч, какой знала и ценила вся Европа, не тяжелый тесак-фальчион, какими порой любили рубиться италийцы, не хищная фальката иберов в виде широкого серпа, даже не изогнутая полумесяцем сабля полудиких кочевников Загорья или клюв-ятаган жителей дальних азиатских степей. Он видел – двуручная, в черно-желтую полоску рукоять с ехидным оскалом золотой драконьей морды; золоченые иероглифы узкой лентой струились по лакированной черноте деревянных ножен; слабо искривленное, отдаленно похожее на косу лезвие

вороненой стали; взмах, что опережает и взор, и мысль – и тело, его тело, рассеченное от плеча до бедра, пыльным мешком оседает наземь еще до того, как выступит первая капля крови…

Сон рассеялся сам собою. Не открывая глаз, он повернулся набок, словно случайно кладя ладонь на рукоять кинжала. Тишина. Осторожно встал, готовый броситься либо наземь, либо в сторону подкрадывающегося из засады врага. Но вокруг не было никого, да и Борн де Трир, верный боевой соратник, мирно дремал, опустив голову. Однако рыцарь привык доверять ощущениям, пускай и столь неясным, потому нацепил шлем и обнажил меч, оставив ножны все так же воткнутыми в землю. Сцепил ладони на эфесе и направил острие к темному небу, подернутому седой пленкой облаков.

Даже сквозь кожу перчаток он ощутил жар, исходящий от навершья меча, где хранился единственный его талисман, не считая нательного крестика. В могущество святых мощей, щепок креста Господня или камней из стен Соломонова храма рыцарь не очень-то верил, повидав немало шарлатанов, которые уверяли, что лишь их реликвии – истинно подлинные, а все прочие торговцы таковыми – жулики и обманщики… Но то, что скрывал тайник в рукояти его меча, было по-настоящему святым. Святым для него и ни для кого больше.

Рукоять стала такой горячей, как если бы рыцарь держал за бока котелок с кипящей водой. Стиснув зубы, он стоял, не опуская клинка. Так с ним уже бывало; нечасто, но бывало. Только стойкость, только вера могли помочь сейчас. Рыцарь помнил, что произошло в первый раз, когда он едва не сдался потоку боли, и был готов на все, чтобы это не случилось вторично.

Пришедшее из горячего марева видение скорее удивило его, нежели заставило встревожиться. Потому что у видения на сей раз было лицо, и лицо вполне узнаваемое.

– Прости меня, Ровин, – прошептал рыцарь. – Снова я предаю твою память… и теперь, увы, на верный путь мне не вернуться.

«Cum di benedicto, Wilfrid», – послышался тихий женский голос.

Он не знал, было ли все это на самом деле, или просто пригрезилось, потому что он хотел, очень хотел услышать что-нибудь именно в этом роде? И именно от той, прядь чьих волос хранил как талисман?…

Вильфрид осторожно сдвинул защелку и еще осторожнее открыл коробочку тайника. В раскрытую ладонь вместо золотистого локона потекла струйка пепла.

* * *

Когда переполох прекратился и люди смогли осознать, что остались в живых (по крайней мере, пока), Хаген, старшина обоза, взял вожжи в свои руки. Со свойственным многим северянам презрением к чинам и титулам он приказал всем пассажирам (сиречь тем, кто прибился к обозу ради не всегда правдивого ощущения безопасности путешествия в большой компании) живо выметаться из повозок и освободить место для раненых. Одна из пассажирок, впрочем, была удостоена более вежливого обращения, однако не потому, что седоусый Хаген признал ее. Дело было скорее в тех обстоятельствах, при которых он ее увидел в прошлый раз.

Человек, которого за шиворот вытянули с того света, навряд ли не запомнит того, кто сделал такое. Если не вовсе лишен признательности. Хагена мало волновали разные там тонкие материи, но собственную шкуру он ценил весьма – другой-то не имелось. Неудивительно, что ради этой лекарки, Рейвик (или как там ее) старый сакс был на многое готов. И уж обращаться с молодой женщиной как с собственной любимой дочкой – что, в самом деле, могло быть проще?…

Сама Рейвик его, очевидно, не узнала, да и не до того ей было. Хаген не обиделся – у них обоих сейчас дел хватало.

Альмы звали ее – Ребекка, и так же или очень похоже звучало ее имя на родственных диалектах франков и саксов. Но ее собственные предки говорили иначе. Ривке.

Имена она помнила.

Лица – нет, не всегда, по крайней мере почти не держала в памяти всех тех, кого спасло ее целительное искусство. Такого она не могла при всем желании. Слишком уж много их было, этих лиц.

Запоминались те, кого спасти не удалось. И не то чтобы Ривке этого так уж хотелось, но на своих ошибках надо учиться. Не все оплошности можно исправить, зато их можно не повторить. Если запомнить, чего именно не следует повторять.

Когда Ривке говорили, что кому-то помочь уже нельзя, целительница только досадливо отмахивалась и бралась за работу. И иногда поднимала человека со смертного ложа – разумеется, не за минуту и даже не за два часа, как потом говорили спасенные, но поднимала. Кое-кто называл ее ведьмой – произнося это слово очень тихим и неразборчивым шепотом, чтобы слух не дошел до одного их этих самых спасенных. Потому как случись такое, любителю поиграть с огнем за чужой счет

немедля свернули бы шею.

«Поиграть с огнем» в данном случае было вовсе не иносказанием. К надменным обладателям чародейских и сходных способностей отношение у простого люда было всегда сродни боязливой осторожности и бессловесному почтению, причем последнее чаще порождалось именно первым. Иные из этих обладателей, случалось, заходили в своем высокомерии слишком далеко, буквально ТРЕБУЯ поклонения, присваивая себе титул Властелина, к каковому титулу обыкновенно добавлялась паратройка эпитетов, как то «Грозный», «Ужасный», «Безжалостный», или попросту «Великий». На любого такого всегда находилась управа, обыкновенно – в лице выходца из доведенного до отчаяния простого люда, который пробирался всеми правдами и неправдами пред темны очи Властелина и высказывал ему все, что о нем думают окружающие. Сия неприглядная правда должна была повергнуть Властелина в прах; если же этого не происходило, герой делал вывод, что Властелин носит свой высокий титул совершенно незаслуженно, после чего пускал в дело верный свой меч, топор или что у него там при себе имелось. Понятное дело, герои нередко умирали, не доводя дело до конца, но в конце концов очередному «спасителю человечества от сил зла» удавалось нанести завершающий удар. Рассказы об этой последней битве мгновенно облетали всю округу, обрастая дюжинами всех мыслимых и немыслимых подробностей, и в конце концов, попадая в руки мастера слов, становились подлинными мифами…

Да, так было всегда. Эти правила игры принимались и чародеями, и простыми смертными. Но чуть более ста лет назад, когда святая церковь наконец покончила с внутренними неурядицами и стала единой, в игру Власти и Властелина вступила новая сила. Вступила с барабанным грохотом, мычанием медных труб и заунывным стоном прочих музыкальных инструментов. Новая сила, которая звала себя – святая церковь. Желающая ли власти для себя, как полагали многие, отрицающая ли всякую земную власть, помимо власти царя небесного и его вассалов, как заверяли сами Несущие Слово Божие, – важно не это.

Важно то, что бороться с властью и Властелинами церковь сочла необходимым, используя при этом методы более чем странные. В самом деле, ну разве правильно это – рубить крепкую яблоню только потому, что часть ее плодов, упав на землю, начала гнить? А именно такую политику неуклонно и последовательно проводили в жизнь избранные служители святой

церкви, окрестившие свое детище «Malleus Maleficorum».

Первоначально для объединения убежденных борцов с Властелинами в частности и злокозненными чародеями вообще предполагалось название «Inquisitio Sanctum», однако альмейнские иерархи убедили своих италийских, испанских и византийских собратьев, что имя – особенно имя столь важного ордена – должно звучать уже само по себе; «Святое Расследование» – ну что в этом особенного, кто пойдет сражаться с силами тьмы с подобным кличем на устах? а вот «Молот Злодеев» одним только своим названием привлечет сотни жаждущих сразиться с этими злодеями под знамена матери-церкви. Ну а свидетельствами своей успешной работы «Молот» считал трупы тех, кто погряз в инфернальном зле чародейства, и степень успеха в основном определялась как раз количеством этих трупов. Посему малейший слух о том, что некая персона занимается колдовством, волшебством, ведовством, ворожбой, гаданием на чайных листьях, руноплетением, астромантией или тому подобными штучками-дрючками обыкновенно завершался маленьким мирным сожжением еретика-малефика, либо громким повешеньем малефика, который раскаялся в грехах своих и публично отрекся от всех сатанинских покровителей. Иногда, делая уступку местным обычаям, вместо сожжения применяли иной способ казни: выправляли жилы на колесе, сажали на кол, варили в масле, живьем раздирали между молодыми деревьями, и тому подобное. Ибо для закоренелых еретиков ни одна казнь не может зваться слишком жестокой, считали мудрые и милосердные основатели Malleus Maleficorum…

Нет, обо всем этом Ривке как раз не думала. Хотя некогда крупно пострадала от рьяных Ловчих «Молота», не случись одного хорошего друга – спалили бы ее на медленном огне без всякого снисхождения. Однако даже это испытание не заставило ее скрывать свой дар. Ривке по-прежнему исцеляла всех, кто нуждался в ее помощи, прекрасно зная, что во всякий час…

Но добрые дела сослужили Ривке не менее добрую службу: ни один слух о сверхъестественном умении целительницы попросту не достиг ушей охотников за колдунами. А если и достиг – помнящие добро люди быстро пообрывали эти уши.

Возможно, вместе с головами.

Для гарантии.

* * *

Кошель рыцаря содержал больше меди, чем серебра, да и медных-то монет в нем было меньше полудюжины. И все же Вильфрид остановился на постоялом дворе, беспрекословно выложил грабительскую плату за прокорм коня и уход за ним (хозяин с большим подозрением относился и к саксам, и к рыцарям, а уж сакс при рыцарском поясе и шпорах подозрения заслуживал вдвойне) и, попивая эль, прислушался к разговорам.

Слухи о смерти Леорикса лишь заставили Вильфрида хмыкнуть. Сколько уже раз Короля-Льва зачисляли в мертвецы! Только за те годы, когда юный Вильфрид был его оруженосцем, такое случалось раз пятнадцать. Слухи о том, что Святоша Ян, сводный брат Леорикса, помышляет о коронации, также не были чем-то новым, Яна прочили на трон Лоррейна еще пять лет назад, когда Король-Лев «слегка задержался», год не возвращаясь из дальних странствий. Да и кого на престол сажать, если не последнего единокровного брата! Конечно, Лотар Святомордый оставил еще с полдюжины бастардов, но хотя и знать, и жены простили старому королю подобное пренебрежение законами священного брака (с кем, в конце-то концов, не случается!), права этих детей в отношении наследования всерьез не рассматривались. Скорее уж трон, случись что с Яном, займет кто-нибудь из прямых потомков Лотара Хромого – в одном только Лоррейне их было не меньше десятка, а уж если по окрестным княжествам пошарить…

Король-Лев был не слишком умелым правителем, ему бы во главе войска идти на штурм вражеской твердыни, либо с горсткой соратников оборонять собственную крепость, – о большем Леорикс и не мечтал. Ну разве что настоящая баталия, когда с каждой стороны бранного поля развеваются плюмажи и знамена не менее пятидесяти тысяч лучших воителей любой державы (неважно, христианской или не очень), – ради такого Король-Лев, пожалуй, отдал бы свой титул, да вот только никто не предлагал.

Однако зловредной судьбе не было угодно даровать Леориксу столь сладостного удела. То есть в битвах-то он не раз бывал, провел славную (и безуспешную) кампанию в Загорье; даже принял участие в, мягко говоря, сомнительном походе византийцев и италийцев к Гробу Господнему. Таковой предполагалось вместе со всем стольным градом Эрушалаймом передать в более достойные, сиречь христианские руки, да только Нефилим, хозяева Земли Обетованной, придерживались другого мнения – и христианское воинство столкнулось не с горсткой высокоученых знатоков книжной премудрости, которые и копье-то за нужный конец держать не умеют, а с армией дамасского эмира, присланной для захвата той же самой земли… И пока

христианские и мусульманские воители резали друг друга на куски, Нефилим спокойно стояли в стороне, как делали всегда. А потом от имени командиров обоих воинств отправили послания в Византий и Багдад, мол, дело сделано и справедливость восстановлена. А как-то так само собой получилось, что все, кто жаждал славы и сражений, уже друг друга зарезали и со славою упокоились в Земле Обетованной, а те, кто предпочитал более материальную добычу в виде золота, земель и титулов, в неразберихе приказов и волокиты растратили все потребные для такого силы. Так восстановилась справедливость, а подложные послания, донесения и отчеты обернулись чистой правдой… В общем, хотя битв и сражений Королю-Льву выпало немало, но все это было далеко не то, чего он желал на самом деле…

Обеспокоил Вильфрида третий слух, который хоть и был связан с первыми, но рассказывал его другой человек.

– Слышали, небось, об отряде Доброго Робина? Ну так парочку его ребят взяли с месяц назад, и объявили, что их повесят, ежели Робин не явится ко дворцу лично и не поднесет епископу Хюммелю Корону Льва, чтобы тот мог нацепить ее на Яна!

Робина Лох-Лей в свое время Вильфрид встречал, и повидал в деле его «веселую компанию». Вообще говоря, тогда же их встретил и Леорикс, причем сошедшийся с разбойниками довольно близко – он даже возглавлял их в одной стычке. Когда они сражались против другого, более опасного разбойника, который хоть и носил баронское звание, но от законов рыцарской чести и родовых обычаев отошел много дальше рыцарей большой дороги…

И все-таки даже «добрые» разбойники остаются разбойниками, которые прежде всего соблюдают свои законы лесного братства, а уж потом все остальные, если те не слишком им мешают. Выкупить жизнь и свободу двух своих людей ценой Короны Льва – на такое Добрый Робин может и пойти…

Он уехал так скоро, как только смог. Где искать Робина, Вильфрид, естественно, не ведал. Где сейчас обретается Леорикс, он тоже не знал, однако на этот вопрос ответ можно было найти.

Когда рядом не было никого, рыцарь вытащил из-за голенища стилет в ножнах, закрыл глаза, обнажил клинок – и положил его на ладонь. Щекотка… дрожь… Острие указывало на юго-восток и подрагивало даже тогда, когда он перехватил стилет за рукоять. Из рук не рвалось, но дрожало ощутимо.

Леорикс был близко. Оружие подосланного убийцы-ассассина, которого Вильфрид в свое время разрубил на кусочки, спасая господина, чувствовало жертву. Жертву, которую было

призвано уничтожить. Неважно, что и хозяина стилета, и кузнеца, который его сделал, и даже заказчика этого убийства много лет не было среди живых. Убить оружие сложнее, чем человека – а главное, к чему его убивать, когда без участия человека самый острый меч не опаснее метлы?

«Что ж, клинок зла хоть раз послужит делу добра,» – чуть заметно усмехнулся рыцарь. Видит небо, у него оставалось так мало поводов для веселья – и было бы просто грешно отказывать себе в этом удовольствии сейчас.

* * *

Городок Тристрам, коли верить легенде, был основан одним из рыцарей Круглого Стола. Тех самых.

Обоз прошел мимо, не останавливаясь, разве что воды набрали. Ривке, однако, покинула телегу. Здесь она должна была задержаться.

Городок казался покинутым. Тут не так уж давно жило более тысячи человек, теперь же – едва дюжина, судя по тому, сколько домов имели нежилой вид. И еще чувствовалось НЕЧТО… Ривке затруднялась сказать, что именно, но знала точно: дольше необходимого задерживаться она здесь не станет. Даже на минуту. Закончит дело – и уйдет, хоть бы и в одиночестве. На дороге ее ждет в худшем случае встреча с рыцарями этой большой дороги, сиречь грабителями, так ведь грабители – люди, простые и понятные, кто хуже, кто лучше; управиться с ними можно, если знать как, а Ривке не первый день жила на свете. Тристрам же выглядел вскрытой могилой, готовой в любой миг сомкнуться над головой неосторожного путника, любопытство которого превзошло осторожность…

«Сюда, – пришел ободряющий Зов. – Не бойся. Днем здесь тихо.»

Перебравшись через неширокий и до крайности мелкий рукав речки, что носила имя Мозель, Ривке оказалась перед старой хижиной. Вернее, за ней, потому что вход находился с противоположной стороны. Еще несколько шагов – и она нашла то, ради чего пришла сюда. Точнее, ту.

– Как тебя зовут, дитя? – Женщина не выглядела такой уж старой; с некоторой натяжкой, Ривке могла бы дать ей лет сорок, причем сорок лет сытой и спокойной жизни, без скорбей и излишних забот. А то некоторым достается настолько суровый удел, что они в пятнадцать на все пятьдесят смотрятся… Тон, однако, у женщины был таким, словно двадцатипятилетняя Ривке

была моложе нее самое меньшее впятеро.

– Ребекка, госпожа Адрея. – Поскольку вопрос был задан на языке Альмейна, Ривке назвалась именно так.

Адрея вдруг хихикнула.

– Ривке, ну зачем же искажать свое имя в угоду чужому наречию, – это уже было сказано на довольно чистом арамейском. – Неужто ты думаешь, что я не узнаю истинную кровь?

– Не уверена, что понимаю.

– Значит, Мириам умолчала обо мне. Чрезмерная предосторожность…

У Ривке чуть расширились глаза.

– Но… как?! Пятнадцать лет назад Мириам была уже совсем старухой, не могла же ты быть той самой…

– Могла и была. Это я обучала ее, как она обучала тебя. Хочешь понять, почему я так выгляжу – зайди внутрь.

Ривке не без опаски переступила порог. Навстречу из полумрака хижины шагнула темная фигура, окруженная огненным ореолом. Ривке отпрянула назад, то же самое сделала и фигура.

Сообразив, в чем тут штука, девушка негромко рассмеялась и снова двинулась вперед – медленно, чтобы успеть рассмотреть свое отражение в подробностях. Однако подробностей не было – только языки пламени, неслышно смеясь, колыхались вокруг ее темного силуэта.

– Видишь цвета? – спросила Адрея.

– Оранжевый, чуть-чуть зеленого и голубого, золотистый…

– Внимательнее и глубже.

Ривке послушно всмотрелась.

– Прозрачный белый – не как снег, скорее что-то вроде прозрачной слоновой кости… Искры красного, черного и янтарного… Вроде бы все.

Адрея вздохнула.

– Жаль, времени мало, я б научила тебя видеть как следует, зрением ты не обделена… Впрочем, ладно, главное для тебя сейчас – суметь кое-чем воспользоваться. Видеть потом научишься сама, пока что – учись смотреть.

– Смотреть куда?

– В пламя. Оно – это ты.

Девушка мало что поняла, но честно попыталась отождествить себя с огненным хороводом. Если здесь, вокруг головы, больше всего голубого, а сердце окружено белым… И тут ее, что называется, осенило – в пламени на мгновение мелькнул золотисто-лиловый росчерк, подобный молнии.

– Zohar. Сияние.

– «Опасное сияние», – кивнула Адрея. – Ты не столь невежественна, как считаешь сама.

– Но ведь я никогда не видела этой книги!

– А тебе и не нужно. Это знание у тебя в крови, и я не шучу. Ты ведь не из Нефилим, ты из Иврим. Не Сошедшая, а Перешедшая. Думаешь, племя Исра-Эль давно исчезло, растворилось среди более сильных и напористых? Нет, дитя. Бог Яхве действительно некогда избрал Себе воинов, нарекши их род – Воины Бога, Исра-Эль; да только воинству Его не должно выступать стройными шеренгами на равнину Мегиддо в ожидании Последней Битвы. Когда-нибудь, если верить пророкам, настанет черед и для этого, но избрал Он воинов Своих не затем. Вы, ваш народ… вы нужны были Ему – и нужны посейчас, – чтобы сражаться так, как только и может сражаться горстка воинов в окружении противника, который многократно превосходит числом и не испытывает нужды в средствах. Guerillas.

Последнее слово было испанским, однако Ривке хорошо знала этот язык; значило оно – тех, кто ведет войну скрытую и скрытную, тех, кто не ведает условного деления на «честный» и «нечестный» бой, тех, кто сражается без надежды на славу, почести и богатства, даже без надежды на лучшую жизнь. Тех, кто ведет войну не ради победы – а ради того, чтобы враг потерпел поражение.

Девушка чуть не села. ТАКОГО ни один из толкователей-geonim уж точно не говорил!

– И не скажет.

– А почему я должна верить тебе?

– Мне ты как раз ничего не должна. В том числе – и верить. Верь себе одной, и то с оглядкой – тогда не обманешься. – Адрея вновь хихикнула, темно-синие ее глаза стали почти сапфировыми. – Правда, иной раз обмануться стоит.

– Почему ты рассказываешь мне это?

– Просто так. Чтобы ты поняла: то, во что веришь ты сама, и то, во что верят другие, может не просто не совпадать, но и не иметь ничего общего с тем, что есть на самом деле. И, ради всех Богов – не спрашивай у меня, что это значит, «на самом деле»!

* * *

Вильфрид остановился на перекрестке совсем не потому, что сомневался в выборе верного направления. Для таких вот сомневающихся тут специально стоял старинный камень-

указатель (как раз о таких говорилось в легенде об Артуре: «Прямо поедешь – добро потеряешь, направо поедешь – коня потеряешь, налево поедешь – дома прибью. Твоя Гвиневер.»). Надпись на камне была более полезной, нежели в легенде, и сообщала, что одна из дорог ведет к Вердену, а вторая – в Страсбург через Тристрам. Рыцарь в указателях не нуждался, у него собственный был – стилет, который тянул его как раз по направлению к Тристраму.

Остановил Вильфрида самым аккуратным образом нацеленный в его грудь легкий урийский арбалет и вежливый оклик хозяина этого арбалета – «кошелек или жизнь». Как минимум еще двое наблюдали из кустов, готовые, если надо, из зрителей перейти в участники традиционного спектакля; рыцарю совершенно не хотелось рисковать своей шкурой без нужды.

Отцепив кошель, он бросил его арбалетчику.

– Это что, все? – засомневался тот, даже не потрудившись подобрать приобретение, весьма малую ценность которого явно оценил с одного взгляда. – А как насчет чего-нибудь посерьезнее? Камешки в сапогах прячешь, небось, а в воротнике цепочку какую золотую зашил…

Вильфрид рассмеялся. Громко, искренне – давно уже он так не веселился.

– Шпоры и пояс просто позолочены, – наконец ответил он. – Клянусь святым Ги, парень, я б сам не отказался от пары драгоценных побрякушек; в случае чего пояс бы не пришлось затягивать.

Разбойник разочарованно опустил арбалет и разрядил его.

– Опять паладин-голодранец попался…

Клинок Вильфрида мгновенно вылетел из ножен и пощекотал ухо чересчур разговорчивого разбойника.

– Будь повежливее, приятель, – сделал рыцарь строгое внушение, убирая меч в ножны. – Сегодня я добрый, но в другой раз…

– Добрый, добрый, – поспешно согласился арбалетчик, – ну в точности как наш атаман…

Ага, подумал Вильфрид.

– Атаман? Робин Лох-Лей? Он-то мне и нужен.

– Да ну? Постой-постой… где ж это я тебя видел-то…

Рыцарь подозревал, где именно. Замок Донаркейль, где его держали в плену, как раз и штурмовала шайка Доброго Робина – при поддержке самого Леорикса, который хоть и был один, под безымянной личиной бродячего Черного Рыцаря, но даже в одиночку Король-Лев стоил добрых двух дюжин бойцов. Вильфриду физиономия парня не казалась знакомой, однако это

ничего не значило.

– Ха, вспомнил! – Разбойник ухмыльнулся – широко, с неподдельной радостью. – Сэр Вильфрид из Ивинге, сын Седрика Роттервальдского. Как же, помню, хорошо ты тогда разделался с тем храмовником, Вильбуром… на турнире в Аосте почти все наши на тебя ставили.

– А раз вспомнил – проводи-ка меня к Робину, будь любезен.

– Никак невозможно, добрый сэр. Нет его сейчас, отправился куда-то на запад. Должен через несколько дней вернуться, хочешь – обожди. Поживешь у нас, стол и кров в счет старого знакомства – каков у нас кров, ты, правда, сам знаешь, но пояс затягивать не придется, обещаю…

Рыцарь, поразмыслив, кивнул.

– Добро. Принимаю приглашение. Веди… кстати, приятель, тебя звать-то как? Мне просто для удобства обращения.

– Хошь – просто Аланом зови, хошь – Аланом-из-Лощины. Мне едино. Идем, сэр рыцарь, только с лошадки-то слезь – тропинка у нас не так чтобы шибко наезженная.

– Это конь, а не лошадь, и зовут его Борн де Трир. С ним обращаться следует куда вежливее, чем со мной – я-то отходчивый, а он нет.

Алан кивнул, не слишком удивленный. О рыцарских боевых скакунах ходили легенды, и в этих легендах было куда больше правды, нежели вымысла. Вероятно, вильфридов конь и не мог вынести ударом копыт, как тараном, крепостные ворота, но наверняка обладал многими полезными в сражении качествами. Проще было поверить в это, нежели усомниться в словах рыцаря. Проще – и безопаснее.

* * *

Девчушка уже не могла рыдать и только всхлипывала. Ривке опустилась перед малышкой на колени, вытерла заплаканную мордочку и ласково спросила:

– Что стряслось, Селия? Кто тебя обидел?

Слезы снова хлынули потоком.

– Те-е-о… они забра-али-и Тео… плохи-и-и-е-е…

В конце концов Ривке удалось уяснить, что «они» отобрали у девочки маленького плюшевого медвежонка и утащили его с собой. Куда и зачем – малышка толком не могла сказать. Бред какой-то, подумала бы Ривке, если бы… если бы не странные, совсем свежие отпечатки на взрыхленной почве, которых тут еще утром не было. А перед тем по земле словно бороной прошлись,

причем так тщательно, как обыкновенно на гречишном поле не делают.

Девушка задумчиво шла по этим следам, что уводили к большому муравейнику, и вдруг осознала, что муравейник становится все больше и больше, вырастая прямо на глазах… нет, это не муравейник рос, это она уменьшалась!

Развернувшись, Ривке бросилась бежать. Странное колдовство немедля потеряло силу, она вновь была такой, как прежде. С облегчением вздохнув, девушка обернулась, чтобы посмотреть на странное место чуть повнимательнее – с безопасного расстояния, – и едва не столкнулась нос к носу с жутким шестилапым чудищем, какого даже составители откровенно неправдоподобного «Bestiarium Irreales» не сподобились бы выдумать.

Уже потом Ривке сообразила, что чудище было обыкновенным рыжим муравьем, только почему-то размером с хорошего быка. В тот момент она просто завизжала. Да так, что чудище присело на четыре задние лапы, настороженно пощелкивая во все стороны усами и готовясь отражать неведомую, непонятную опасность. Однако опасность пришла с неожиданной для него стороны – до полусмерти перепуганная Ривке каким-то чудом вспомнила, что «она есть пламя», и ударила клинком из этого пламени, без труда разрубив голову чудовищного муравья.

– Ну, знаешь! – раздался возмущенный голос Адреи. – Не для того я объясняла, кто ты такая и что умеешь, чтобы ты тут из себя родную дочку архангела Микаэля строила!

– Да никого я не строю, – отмахнулась Ривке.

– Тогда скажи на милость, зачем эти громкие и яркие представления? Убиваешь, так убивай, тихо и неприметно. А такое – просто путеводный маяк для Ловчих. Им плевать, как ты используешь силу: если получат хоть тень свидетельства, что она у тебя есть – считай, костер обеспечен. Не боишься их?

– Не боялась и не боюсь.

– Храбро. Глупо, но храбро. Ну а теперь посмотрись-ка в зеркало еще разок.

Ривке вновь увидела вокруг себя огненные языки, такие же, как в первый раз… нет, не такие же! Вместо трех язычков красного пламени теперь было лишь два.

– Поняла?

– Но это же значит…

– Точно. Чем больше тратишь, тем меньше остается. Вроде тех же денег. Только если ты окажешься без денег, это еще далеко не конец света, новые можно заработать, да и без них проживешь,

если умеешь; но если иссякнет сила, ты всем сердцем пожелаешь, чтобы этот конец наступил, однако он не придет…

Ривке упрямо вскинула голову.

– Значит, так и будет. Если трястись над каждой искрой и никому ее не отдавать – какой прок от силы?

– Ровно такой же, как если разбрасывать ее направо и налево, не думая о последствиях. Но в первом случае куда меньше вреда.

Переспорить Адрею не удавалось даже Адептам Грауторма, мастерам и магического искусства, и сугубо тайной эллинской науки «болтологии», именуемой также схоластикой; позднее сию науку переняли и небезуспешно применили в деле христианские проповедники. Так что с Ривке ведьма сейчас не спорила, ЭТО для нее спором не было. Так, просто вела легкий разговор на общие темы.

Девушка осознала это и изменила тон:

– Хорошо, а как надо?

– Смотри в зеркало, – прежним менторским тоном приказала Адрея.

…Смотри, девочка, да повнимательнее – авось увидишь себя, какой можешь стать, если только захочешь. Что тебе титулы да богатства, что тебе даже царский венец! – пламя не носит корон, Ривке из Лудуна, а ты – пламя, чистое, зажженное небесной молнией, ты перепрыгиваешь по ветвям деревьев, оставляя на них свою метку, но не сжигая дотла… если только какое-нибудь из деревьев не попытается тебя удержать силой, вот тогда пламя обнажает вторую свою сторону – разрушительную…

* * *

Жизнь в разбойничьем лагере протекала на редкость мирно. Охотились, ягоды, грибы да корешки собирали, отсыпались – то ли после прежних передряг, то ли готовясь к новым, а скорее, и то и другое одновременно. Конечно, дозорных выставили со всех сторон, и путников порой останавливали с благой целью облегчить их слишком тяжелые кошельки. Но этими делами занималась любая банда, лесная вольница Робина Лох-Лей всегда славилась более крупными «операциями». У Вильфрида и раньше возникало подозрение, что без Робина и его таланта организовать людей этот отряд вскорости обратился бы в две-три рядовых шайки, какие заканчивают или на виселице, или на каторге – невелика разница, впрочем. И теперь он еще раз уверился в этом: временные командиры вольницы, Мик-Мельник и Алан Таль,

дисциплину-то поддерживали, чтобы люди не разбрелись и не зарвались, но не более.

Делать, кроме как ждать, пока атаман вернется, было решительно нечего. Бездельничать сакс не любил, а посему на следующее утро после «поселения», как рассвело, отправился побродить по окрестностям. То есть это он сказал «побродить»; сам-то Вильфрид точно знал, куда и зачем направляется, но не считал необходимым сообщать об этом всему свету. Просто по старой привычке.

…Мозель был не особенно полноводен, рыцарю не составило труда перебраться на тот берег – вода приходилась лишь немногим выше пояса. Преодолев небольшой, скользкий скат, он обнаружил сразу три вещи. Во-первых, это оказался на самом деле остров, отделенный от берега (и, соответственно, от городка, названного в честь рыцаря Тристрама) узкой, мелкой протокой. Во-вторых, на острове кто-то жил, поскольку на северной его оконечности прилепилась хижина, над которой вяло курился дымок. И в-третьих, не далее как в полудюжине шагов от него стояла, по-кошачьи зажмурившись и подставив улыбающееся лицо лучам утреннего солнца…

– Ребекка!

Девушка вздрогнула, выстрелила испуганным взглядом в сторону неожиданного возгласа, и сразу же расслабилась. Улыбка вновь осветила ее лицо.

– Приятный сюрприз, сэр Вильфрид Ивинге. – Ни мягкий акцент, ни сама она ничуть не изменились за пять лет. – В добром ли здравии твоя супруга, леди Ровин?

Рана уже не болела так, как в первые месяцы. Однако лицо рыцаря все равно выдало достаточно, чтобы Ребекка поняла: увы, не суждено было этим двоим «жить долго и счастливо».

– Ровин… умерла семь месяцев назад… – запнувшись, проговорил Вильфрид. – Вроде от горячки… не знаю. Лекари, священники, – все без пользы оказалось. И не шарлатаны, а сделать ничего не смогли.

– Прости, пожалуйста, – тихо произнесла девушка. – Мне жаль, что так получилось… будь я тогда там…

Рыцарь покачал головой.

– Меня ты спасла, но то была лишь обычная рана от обычного копья. Ровин же забрали… – он не договорил. – Аббат Колгрим сказал, что это – расчет, расплата за…

– Не верю, Вильфрид, – твердо заявила Ребекка.

– Я тоже не верю, – почти шепотом согласился он. – Не может, не должен Суд Стали, Суд Чести взыскивать плату – да

еще ТАКУЮ плату… Я защищал тебя не от воли Господней, а от ордена храма. И защитил, доказав, что никакая ты не колдунья…

Девушка вздохнула

– Таким, как они – ничего не докажешь. Ни словами, ни мечом… Ловчие, гончие псы Malleus Maleficorum, изничтожают всех и вся, кого только заподозрят в колдовстве. А они с храмовниками одного поля ягоды… уж и не знаю, кто из них хуже.

– Ну нет, Вильбура я терпеть не мог, но он был рыцарем, пусть даже храмовником и франком. А Ловчие… то, что мне о них доводилось слышать, чертовски малоприятно… Но, во имя святой Диланы! – вскипел вдруг Вильфрид, – неужто нельзя поговорить ни о чем другом? Пять лет не виделись все-таки!

* * *

Ривке никогда и не надеялась… то есть нет, надеялась, конечно, что рыцарь из Ивинге когда-нибудь станет ей не только другом. Она надеялась на это, примерно как вор надеется однажды найти на дороге мешок новеньких цехинов. Да, он из благородного саксонского рода, а она – Иврим, у которых «благородства» не существует (точнее, оно не исчисляется теми же критериями, что у прочих народов Европы, слишком давние корни имеет это племя – каждый из них, ныне живущих, имеет в предках не одну дюжину героев, царей и вдохновленных Богом пророков). Да, он христианин, верный сын церкви, он блюдет заповеди и почитает обычаи; а она – Иврим, которых сия святая церковь ставит на одну ступень с неверными-язычниками, лишь немногим выше еретиков. Все это было между ними.

А еще между ними было то, что следовало бы назвать «влечением», когда двое сходятся неосознанно, повинуясь некоему зову, велению – сердца, души, какой-то третьей силы…

А еще между ними был старый замок Донаркейль в порубежьи в предгорьях Швица, где их обоих держали в плену барон-разбойник Фрон де Беф и его сообщники – рыцарь-храмовник Вильбур и мятежный сенешаль Лоррейна Морайг Брасс; замок Донаркейль, под обугленными развалинами которого нашли свой последний приют и барон, и сенешаль, и несчастный Ицхак – старый отец Ривке.

А еще между ними были разложенный костер, что ожидал только искры, дабы принять колдунью в свои горячие объятия, и священное ристалище Тарнхальд, вокруг которого в мрачном безмолвии стояли стражи храма, солдаты Леорикса и толпа

простолюдинов. Ристалище, где за жизнь, честь и свободу девицы-Ивриим бились насмерть доблестные христианские воители – оруженосец Короля-Льва, сэр Вильфрид Ивинге, который еще не полностью оправился от ран, и сильнейший из лоррейнских рыцарей храма, сэр Бриан де Вод-Вильбур… покрытое белым песком ристалище, на которое пролилась кровь храмовника, отменив вынесенный судом Malleus Maleficorum вердикт о сожжении колдуньи Ребекки, именуемой также Ребеккой из Лудуна.

А еще между ними была царственная леди Ровин, прямая наследница королевского рода Элезингов, леди Ровин, которую Вильфрид Ивинге любил с детства, настолько любил, что рискнул отцовским гневом и наследством, ибо у отца были иные представления о том, за кого надлежит выйти замуж дочери саксонских королей, раз уж тану Роттервальда выпало быть ее воспитателем. Ривке не завидовала ни ее благородству, ни красоте, ни положению, потому что не считала себя ни ниже, ни хуже, а обладать высокой царской властью никогда не жаждала; но она не могла не завидовать дару любви, полученному Ровин от сына тана Седрика.

А еще между ними – и вот это Ривке просто обязана была похоронить в себе, – встала смерть Ровин.

Правду сказали Вильфриду, его жена не умерла бы, не защищай он колдунью на Божьем Суде, на Суде Стали. На суровом суде, который всегда выносит справедливый приговор, который не зависит от улик и доказательств, что позволяют несовершенному человеческому правосудию на краткое мгновение приподнять повязку с глаз Фемиды; и приговор этот всегда и неукоснительно приводится в исполнение. Иной раз – руками людей, которые не подозревают, что стали вершителями высшей воли. Иной раз – руками людей, которые прекрасно знали, что и почему делают. Иногда же – вовсе обходясь без посредников-смертных, без содействия этих мощных, но очень уж своенравных и непослушных инструментов.

Леди Ровин умерла, потому что девица-Ивриим Ребекка из Лудуна, несправедливо обвиненная в колдовстве – что неопровержимо доказал на Суде Стали своим копьем и мечом сэр Вильфрид Ивинге, – БЫЛА колдуньей…

* * *

– Я не могу считать твой ход обманным.

– Прекрасно, не считай. Лишь результат покажет, кто

достоин.

– Слишком рано. Еще закрыты створки Белых Врат.

– Откроют – поздно будет, Вир. Не стоит все ставить на один коронный трюк.

– Сам знаю. Но без трех бочонков крови – меня достанет Повелитель Мух…

* * *

Нора, судя по виду, уходила глубоко. Рыцарю не очень хотелось – точнее, очень НЕ хотелось, – лезть туда. Однако отказать Ребекке он не мог. И тем более не мог – отпустить ее в логово неведомой опасности в одиночестве; уговорить же дочь Иврим не соваться, куда не надо, было и вовсе делом невозможным.

(Особенно – потому, что она сама не знала, зачем ей туда надо. «Потянуло», только и понимала девушка. Знала, что это глупо, себе в этом призналась, но другие подобного от нее не услышат!)

Подготовив связку факелов, Вильфрид съехал по осыпающемуся земляному склону, все время держа руку вблизи от кинжала, не обнаружил внизу близкой опасности и дважды свистнул, разрешая спускаться Ребекке. Отряхнув платье, девушка осмотрелась. Ни следа камня или дерева, лишь плотная, утоптанная глина. Четыре прохода, уходящие куда-то в темноту; два из них достаточно велики, чтобы следовать по ним вдвоем, третий – даже обширнее, там свободно проехал бы и верховой. Четвертый – просто лаз, вроде звериного: по всей вероятности, его можно было преодолеть ползком. Если только дальше он не сужался. Если в тесноте этого лаза не поджидает своего звездного часа какая-нибудь тварь, достаточно мелкая, чтобы свободно там драться, и достаточно злобная и сильная, чтобы покончить с человеком, когда тот застрянет.

– Туда, – указала Ривке на самый большой проход. Гигантские муравьи могли пройти и по двум меньшим, но встречаться с ними там было бы весьма нежелательно. Она не была воительницей, однако уж столько-то в тактике сражений понять могла.

Когда света стало слишком мало, рыцарь высек искру, запалил факел и передал его спутнице. Ривке не стала говорить, что могла бы создать и свет, и огонь самостоятельно. Незачем.

Проход, расширяясь, уводил все глубже и глубже. Откуда-то спереди стали доноситься шуршание, пощелкивание и скрипы.

Навстречу пока не попадалось ни одной живой (или мертвой) души, но Вильфрида это не обнадежило. «Легче в начале – труднее в конце», говаривал Седрик, и рыцарь по собственному опыту знал правдивость отцовской фразы. Впрочем, появилась она задолго до Седрика, но кто был настоящим автором, владетель Роттервальда не знал, да и знать не хотел.

И когда неверный свет факела наконец выхватил из темноты некое шевеление, Вильфрид испустил вздох облегчения. Муравей, пусть и размерами с крупного быка, был ему не страшен.

Нападать первым рыцарь не стал. Когда огромное насекомое, раскрыв «челюсти», качнулось в сторону незваных гостей, Вильфрид аккуратно полоснул его по морде, отсекая левый ус. Нет, он не знал, что эти отростки для значительной части насекомых – как глаза для людей; просто уж больно соблазнительная мишень попалась. Второй удар разрубил хитиновый панцирь муравья сразу за головой; затем рыцарь отразил щитом выпад челюстей, вновь всадил меч в рану и как следует поковырял там, как будто не плоть противника резал, а копал траншею походной лопаткой. Тут Ривке подскочила и ткнула факелом в основание последнего уса. Муравей что-то невнятно проскрежетал (впрочем, язык насекомых людям все равно известен не был), взвился на дыбы, как раненый конь, впечатался головой в свод тоннеля… и рухнул.

– И много тут таких? – спросил Вильфрид, глядя на труп.

Ответа он в общем-то не ждал; Ривке и не ответила. Она зачем-то склонилась над мертвым муравьем, изучая лужицу жидкости с острым ароматом. Из человека крови вытекало куда больше, почему-то подумал рыцарь.

– Запах, – наконец сказала девушка, окуная в жидкость несколько тряпиц. – На, пристрой на пояс или еще куда. Авось не будут принимать за чужих, если что. Глаз-то у них нет… должны же как-то своих различать.

Вильфрид кивнул, хотя и не совсем понял Ребекку, и повязал одну тряпицу на пояс, вторую – на предплечье, третью – на колено. Запах был резким, но не слишком неприятным. Терпеть можно.

Ривке также нацепила на платье пару тряпок, смоченных «кровью» муравья, и указала вперед.

– Идем. Уже чувствую, не так много осталось.

Действительно, не прошло и нескольких минут, как догорающий факел озарил вход в пещерку из молочно-белого хрусталя.

«Ближе,» – пришел зов.

– Стоять! – одновременно воскликнула Ребекка.

Рыцарь, впрочем, и сам не собирался подчиняться неизвестно чьим словам. Которые вдобавок и словами-то не являлись, потому что не были сказаны вслух…

– Выходи, – тихо, уверенно приказала Ривке.

Свет от двух факелов скрестился на рваном черном отверстии в дымчато-белой поверхности. Внутри послышался шорох. Но и только – никто и ничто наружу не лезло.

– Выкурить? – спросил Вильфрид.

– Надо бы, но как?… Даже не думай! – заявила она, когда рыцарь выразительно качнул мечом. – Вот выберется, тогда…

– Хорошо, – согласился сакс, вытащил из связки новый факел, зажег его, а старый швырнул в черный проем.

* * *

Смерть не бывает легкой, суть ее – боль и страх.
Пусть не бывает долгим путь в первозданный прах,
Пусть не бывает долгим путь в вековечный мрак…
Смерть – не бывает легкой, коль умирает враг.

Верить в удел загробный – это игра живых.
Мертвые цену крови знают без всяких книг…
Мертвые цену крови платят в последний миг,
Верить в удел загробный времени нет у них.

Дверь отворив однажды, можно идти всегда.
Только пройдет не каждый вихри огня и льда.
Только пройдет – не каждый, даже имея Дар,
Дверь отворив однажды в ту роковую даль…

Смерть не бывает легкой. Легких путей тут нет.
Много не будет толку в час проживать сто лет,
Много не будет толку в прошлом искать ответ…
Смерть не бывает легкой, коль угасает свет.

* * *

Из муравейника вырвался столб искрящегося пламени. Адрея безнадежно прищелкнула языком, потом нахмурилась. Следов использования силы в этом огне не было. Странно. С другой стороны, даже приятно: раз уж она, находясь в двух шагах, не

может ощутить силу, ни одному из Ловчих этого также не удастся. Если там вообще есть сила. А если нет, еще лучше.

«Можешь не делать – не делай», говорила ее старая наставница, Вэл-Эдх, которая до последних своих дней отстаивала свободу лигурийской пущи: сперва от иберов, потом от воинов Империи, потом от испанцев… Касалось это «делай», конечно же, использования силы, хотя ведьма порой думала, что лигурийская пословица может быть отнесена вообще ко всему на свете.

Правда, это была лишь половина пословицы – еще Вэл-Эдх, вздохнув, добавляла: «А уж коли делаешь – делай раз и навсегда». Тоже не самая глупая манера действовать.

Что ж, коли Ривке уже теперь усвоила правила Вэл-Эдх, она достойна большего, нежели Адрея собиралась передать ей вначале. Конечно, не вообще всего, что Адрея подарить могла, доверять Ивриим слишком много было бы ошибкой… но все же – большего, чем получила от нее любая из прежних учениц. Потому как более чем вероятно, что она – последняя.

Ведьма постелила рогожку под осиной и села, прислонясь спиной к надежному стволу. Ждать предстояло самое малое до утра, а в ее возрасте совершенно незачем мариновать себе одно место в холодной росе. Целительна это роса, целительна, тут Пепин прав, но любое лекарство в большой дозе – тот же яд. Даже плохонький знахарь это ведает, а Пепин был вовсе не плох.

…Пепин Легкая Рука, надежный табурет, на который можно сесть, дать передохнуть ногам и потом продолжать путь, а он – останется стоять, поджидая следующего, кто будет нуждаться в отдыхе. А если вдруг кто попытается этот табурет использовать как оружие в трактирной потасовке, то сам же и уронит себе на голову. Тяжел больно да неподатлив, для чего сделан – тем и занимается. Ему хватает…

* * *

Ривке откашлялась и наконец смогла протереть глаза. Закопченное лицо ее спутника, сперва искаженное тревожной гримасой, расслабилось. Белые зубы сверкнули в усмешке.

– Ох, видела бы ты себя, – молвил он. – Точно как абиссинка, волосы только длинноваты.

– На себя посмотри сперва, – фыркнула девушка. – Черно-рыжих и в преисподней-то не сыщешь.

Покончив тем самым с взаимными комплиментами по поводу

внешности, оба сосредоточились на том, что осталось от пещерки из белого хрусталя, который явно не был хрусталем (а теперь уже – и белым). Воткнув факел в стороне, Вильфрид подкрался к спекшейся, дымящейся груде, на всякий случай прикрываясь щитом. Ткнул острием меча. Вонь горелого мяса усилилась, но не более.

– Если хочешь копаться в этом, лучше бы сходить за мотыгой… – с досадой заявил он, оборачиваясь.

– Осторожно! – вскрикнула Ривке.

Рыцарь инстинктивно поднял щит, но удар, которого он заметить не успел, пришелся в голову. Вильфрид зашатался и рухнул.

«Ближе,» – приказало Существо, похожее на гигантского богомола, черно-зеленого, покрытого кое-где багряными бородавками.

Ривке заколебалась.

Богомол неловко подцепил когтями длинный меч и приставил к груди лежащего. Конечно, меч был обычный, северного типа, с закругленным для режущих ударов кончиком, колоть им неудобно… но рисковать девушка никак не могла. Вызывая в сердце образ бледно-оранжевого целительного пламени, она шагнула к Существу – только так можно было добраться до рыцаря.

Наклонилась, осторожно пощупала пульс на шее. Жив, хвала небесам. Осторожно, чтобы ни искорки не вырвалось наружу…

«Ближе,» – вновь потребовал Богомол, словно не зная других слов. Хотя и это было не словом, только мысленным приказом. На сей раз – действительно приказом. Потому что на шее Ривке словно затянулась петля и подтянула ее вперед.

Девушка сделала еще шаг, но не прямо к Существу. Она обходила его слева направо, упорно борясь с превосходящей силой, уступая за раз не больше ладони, а то и не приближаясь к центру смертельной спирали даже на пол-пальца. Однако Богомол не ведал усталости, он все тянул и тянул на себя незримую веревку. Еще один виток, последними крохами сознания решила Ривке, и…

…остро отточенный метательный топор, сверкнув в бликах факела, отсек лапу Существа, в которой был зажат меч. Богомол развернулся всем телом, но Вильфрид успел раньше и подхватил оружие, брезгливо стряхнув обрубленную конечность. Удар Существа пришелся в щит и оставил заметную вмятину; клинок описал коварную петлю, рассекая вторую лапу.

Высвобожденная из мысленных пут, Ребекка отскочила, споткнулась и кувыркнулась куда-то в сторону.

– Я в порядке, – тотчас донесся ее голос, – бей, Ивинге!

Рыцарь оскалился в лицо чудовищу, если считать лицом безжизненную бородавчатую маску, и направил конец меча в подбрюшье. Хитин был крепок, однако добрая лоррейнская сталь оказалась крепче.

«Ближе,» – снова приказал Богомол, опираясь на одну лапу и надкрылья, и изготовив к удару три покуда целых конечности.

– Ровин! – заорал Вильфрид, бросаясь вперед.

Выпады Существа были подобны зазубренным молниям, но рыцарь не уступил ни в скорости, ни в точности. Меч рассек одну лапу, выщербил хитин на туловище, пробороздил «шею» и уткнулся в жвалы. Хр-румк! Отскочивший Вильфрид полубезумным взглядом уставился на косо обломанную полосу стали.

– Не надо! – закричала Ребекка, когда рыцарь отбросил измятый щит и левой рукой извлек из сапога стилет.

– Ивинге!!!

Боевой клич Вильфрида оглушил ее, но не Богомола; тот с той же бесстрастностью готовился нанести встречный удар. Готовился – и не успел, потому что бросок рыцаря проворством был подобен знаменитым боевым прыжкам героев гэльских легенд – еще тех, дохристианских времен. Кулэйнов Пес, Фион Могучерукий, Килох Свинопас, – призраки их смотрели сейчас в спину рыцаря из Ивинге и одобрительно улыбались…

Обломок меча впился в «плечо» Существа, крошась сам и кроша хитин, а стилет вонзился в безликую голову, прямо над жвалами. Повиснув всей своей тяжестью на рукояти стилета, Вильфрид разворотил всю переднюю часть тела Богомола, не обращая внимания на раны, которые умирающее чудовище еще наносило ему…

* * *

– А у меня для тебя вот что есть, – улыбнулась девушка, извлекая из-за спины потрепанного, недавно отмытого медвежонка.

– Ой, Тео! – завизжала Селия, бросаясь к своему верному другу. – Ты живой!

Прижав к щеке плюшевую игрушку, малышка прислушалась к слышным одной ей словам, поцеловала медвежонка. Ривке, по-прежнему мягко улыбаясь, уже уходила, когда Селия вдруг строго сказала:

– Тео, а это что за бяка? А ну выкинь немедленно! Вот так,

хороший мой, не надо с собой тащить что попало…

«Бяка» тихо звякнула, падая на землю. Девочка побежала к реке, то ласково тиская медвежонка, то читая ему выговоры. Ривке подняла «бяку», и холодок пробежал у нее по спине.

Каким-то чудом к шерсти Тео, которого она откопала в муравейнике, прицепилась медная бляшка в форме рогатого черепа. Маленькая, чуть больше ногтя, но сделанная чрезвычайно искусно и тонко. Девушке показалось… да нет, она просто была уверена, что этот череп является ключом.

Ключом от неких дверей, которые открывать нельзя, но как видно, придется.

Ключом, которого не было, не могло быть на игрушечном медвежонке, которого она вот только что сама оттирала в реке илом и песком. Не бывает, не может такого быть.

И когда случается то, чего быть не может…

Теперь понятно, почему ее потянуло в это гнездо… Ривке с тоской подумала, что куда проще, легче, человечнее было бы – вообще никогда не связываться с этой «силой», чем бы она ни являлась на самом деле, никогда не слышать о ней, не видеть пламени.

Однако проклинать свой странный дар не стала. Ибо прежде всего была чистокровной Ивриим, а это племя две с половиной тысячи лет как живет по принципу: все, что ни делается, делается к лучшему. Пока этот принцип себя вполне оправдывал – Ивриим пережили многих из тех, кто пытался внушить им иные, правильные понятия о верном способе восприятия жизни… Разве только Нефилим, которые были еще старше, покуда жили и здравствовали – но только потому, что они и сами придерживались того же образа мыслей.

Переход
Тристрам и Изельде

На западной дороге появился здоровенный отряд, одной охраны больше сорока человек – причем почти никого помимо охраны! Дозорные затаились: останавливать подобную ораву и требовать у них: «кошелек или жизнь» – на такое мог бы пойти разве что вдрызг пьяный дракон. Или один из тех тупых и могучих великанов, какие частенько попадаются в сказках (притом только в сказках, в отличие, скажем, от упомянутых драконов, пьяных или нет).

Часовые не очень удивились, когда увидели в середине процессии настоящую италийскую карету, с алым львом на дверях. Королевский герб Лоррейна. И то, кто ж еще с такой помпой-то будет разгуливать, как не король? Разве что королева.

Но когда они рассмотрели, КТО едет позади королевского кортежа, по округе разлетелись слухи один другого неприятнее. Именно разлетелись, со скоростью пущенных стрел.

Хуже всего было то, что основа-то этих слухов весьма походила на правду. В самом деле, во время оно Леорикс предлагал Доброму Робину перейти к нему на службу. Тогда молодой атаман лесной вольницы отказался. Но кто знает, что на этот раз предложил ему Король-Лев (или кто-то другой, приближенный к трону Лоррейна)? Самому Робину Лох-Лей, Марион, которая так и не позабыла о своем законном титуле «леди», и большим охотникам до приключений, почестей и доброй выпивки Красному Хельми, Тромму-Забияке и Малышу Йэну, – уж не случилось ли так, что…

Вопросов было значительно больше, чем ответов, потому что последних не появлялось вовсе.

* * *

Они пришли сами. Под покровом ночи.

Когда Хюммель показывал Робину тайный ход к своим покоям, строго предупреждая, что вообще-то держит его на запоре, а снаружи всегда имеется стража, – епископ и не подозревал, что Робину этот ход известен много лучше его самого. Потому как одно из его ответвлений уходило в комнаты королевских служанок (с некоторых пор их стали называть новомодным альмейнским словечком freileen); а лет десять назад

Робин, который уже стал разбойником, однако еще не растерял мальчишеского озорства, тайком встречался с одной из девушек… Потом орава юных лесных удальцов подалась в Швиц, там Робин познакомился с Марион и на других женщин с той поры не слишком заглядывался, – но расположение тайного хода в верденскую цитадель не позабыл.

Пробраться мимо фрейлин так, чтобы те не подняли тревогу, – задача, пожалуй, более трудная, чем вытащить яйцо из-под спящей малиновки, не разбудив пташку. Пришлось спеленать девушек так, что те и пискнуть не могли, а уж потом – объяснять, что никто не собирается грабить замок или покушаться на их честь и достоинство (первое фрейлин обрадовало, второе – не очень)… В общем, добраться до покоев леди Изельде ночным гостям удалось достаточно спокойно.

Почему именно Изельде, жена покойного Лотара и мать погибшего Яна? Да потому уже, что, когда епископ Хюммель давал то самое поручение Робину Лох-Лей, встречались они в пустой часовне верденского замка – Робин, Хюммель и два его охранника, больше там никого не было. Разумно, лишние свидетели в подобных делах совсем ни к чему. Но – снаружи за часовней, так, на всякий случай, наблюдала Марион; и почти сразу же после того, как Робин благополучно покинул место встречи, в часовню торопливо пробралась королева Изельде. И поскольку в слухах о том, что епископ не слишком строго блюдет обет целомудрия, упоминалось как раз таки имя Изельде, свести концы с концами было несложно. «Is fesit cui prodest», как говорили в Империи. А значило это, что Изельде – совсем не та крашеная кукла, какой представлялась со времен своего замужества, и какую желал иметь при себе Лотар Святомордый… Из всех обладавших в Вердене властью лишь она могла помочь им. Захочет ли, вопрос другой, но лучшего выхода не было. Только слово матери погибшего Яна могло дать им защиту. Хотя бы временную.

Потому они и пришли – готовясь снова стать наемниками и принять ненавистное бремя чужой власти. Сделать то, что прикажет Изельде.

Во искупление, сколь бы высокопарно это ни звучало.

Слова эти вслух не произносились, но думали все именно так. По глазам видно было. И тот, кто попытался бы успокоить разбойников, мол, полно вам, королевская служба ничуть не хуже смерти – рисковал напороться на пять ножей сразу.

* * *

– Конечно, Лох-Лей, вас обманули, – проговорила затянутая в белые одежды траура королева, – это не ваша вина. Только многие ли об этом знают? А еще важнее – многие ли этому поверят?

Робин не отвечал.

– Теперь, после признания Хюммеля, все беды, что вскоре обрушатся на Лоррейн, будут перекладывать на твою голову. Кто-то должен ответить за все. И хотя простой народ считает тебя героем, он так же легко подумает, что виновен именно ты.

– Уже думает, госпожа, – выдавил Робин.

– Тем более. Так что тебе остается или отдаться на милость суда – а ее в этом случае не будет, – или затаиться где-нибудь в глуши, исчезнуть, пока все не забудется. А это – на всю твою жизнь, самое малое. Или же – попытаться исправить то, что сделал.

– Я бы исправил. Но как, леди Изельде?

– Закончив начатое. Есть у меня подозрения… особенно – после того, что ты рассказал о Тристраме.

– Не понимаю.

– А я не могу объяснить. Придется нам отправляться туда вместе.

У атамана разбойников чуть челюсть не отвалилась от изумления.

– Здесь мне делать больше нечего, Лох-Лей. При дворе я никто и ничто, мой титул королевы здесь значит теперь меньше, чем для тебя – рыцарский титул твоего деда.

– И что, госпожа, мы отправимся вдвоем?

Изельде чуть не рассмеялась.

– Ты не НАСТОЛЬКО в моем вкусе.

У Робина вновь отвисла челюсть, а в голове пронеслось: хорошо, что этого не слышит Марион.

* * *

Изельде никому ничего не объясняла. По Вердену быстро разошелся слух, что королева отправляется в паломничество, замаливать грехи – из-за которых, мол, по ее мнению, и погиб молодой Ян. Слух так слухом и остался, потому что ни Изельде, ни ее паломничество, ни странный выбор спутников (всего одна служанка-фрейлина, полдюжины помилованных разбойников и сорок гвардейцев – треть верденского гарнизона!) никого не заинтересовали. Не до того было. Даже позабыли, что этих самых разбойников два дня назад искали, словно истинных виновников

всех бедствий человечества, начиная от искушения Евы змием в Эдемском саду.

Восемь претендентов на трон Лоррейна сошлись на том, что проклятую Корону Льва никто из них не желает носить, и поскольку королевство все равно нуждалось в новом символе власти, решили вернуться к старому, еще языческому обряду Вольного Поиска. Хюммель, которого оставили блюстителем престола в ожидании, пока первый из наследников возвратится с успехом, даже слова поперек не вымолвил.

О, в другое время у епископа наверняка нашлись бы гневные речи в адрес отступивших от христианских обычаев в угоду суевериям четырехвековой давности – за всю историю Лоррейна Вольный Поиск был проведен лишь единожды, и проделал это – Лотар Серебряная Рука, язычник из язычников, пускай и основатель династии. В другое время – да. Теперь же Хюммель самолично приказал извлечь из монастырских архивов записи об этом обряде, пригласил из Галлии мудрого друида и филида-законника, чтобы сверить архивные рукописи с народными легендами о седом боге-правителе Ноденсе, и благословил всех восьмерых героев вместе и по отдельности на великий подвиг. «In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti et in Nodentis Fatifacto,» – так и сказал.

На подвиг, что позволит снять проклятье, которое опустилось на страну в тот самый миг, когда проклятая Корона Льва опустилась на голову принца Яна. И неважно, что Вольный Поиск отличается от рыцарского странствия; кое-кто наверняка назвал бы это ересью, но знаток и книжных хроник, и земной мудрости, епископ был уверен: и Христос, и старые гэльские боги одинаково понимают, что обозначает «проклятье». И одинаково не терпят его…

Прекрасно зная обо всех причинах Вольного Поиска и шумихе вокруг него, Изельде, однако, не верила в успех этой затеи. Не потому, что 476 год по христианскому календарю, год падения Средиземноморской Империи и основания Лоррейна, был столь далек от нынешнего, 879. Четыре столетия, конечно, изменили лицо мира, но вовсе не так сильно, чтобы на нем нельзя было отыскать Око Земное – и увидеть то, что надлежит увидеть.

Нет, скорее дело было в самих претендентах на трон. В принципе, каждый из них вполне годился в короли… да, каждый из них мог бы править не хуже того же Лотара Святомордого.

Было бы чем – править…

* * *

У бедного трактирщика чуть приступ не случился, когда он увидел количество гостей, что решительно направлялись к «Подсолнуху». С небывалой прытью Огден промчался по Тристраму, затолкал Пепина в домик Джиллан – присмотреть за старой Маргой, – саму девчонку выпихнул наружу и наказал лететь со всех ног в лес, к расщепленному дубу, со слезной мольбой к «лесничим», что обосновались там – поскорее доставить в корчму пару оленей, кабана, медведя или еще кого-нибудь в этом роде, уж за ним-то не заржавеет. Без подобного подкрепления ведь и сам он непременно пропадет, и вся его семья, и еще одна семья, которая в другом городке…

Огден обернулся как раз вовремя, чтобы встретить в дверях первых гостей. В доспехах верденской гвардии и плащах с королевским львом.

– Освобождай самую лучшую комнату, – потребовал один, с капитанским плюмажем на круглом шлеме. – Окажется там хоть один таракан или клоп – болтаться тебе на ближайшей осине.

– Две минуты, господа хорошие, – засуетился трактирщик, – разумеется, лучшие покои для капитана гвардии…

– Лучшие покои для Ее Величества королевы Изельде Лоррейнской, – уточнил капитан с непередаваемой усмешкой.

Огден словно получил арбалетный болт пониже спины, с такой скоростью он взлетел наверх. Из четырех комнат лучшая уже была занята. Ну ничего, переберутся.

Он трижды постучал. Дверь тотчас отворилась, черные глаза гневно сверкнули.

– Чшш! Только заснул… Что тебе, Огден?

– Госпожа Ребекка… вам обоим надо сейчас же перейти в другие покои.

– Нельзя его поднимать.

– Надо, – взмолился трактирщик. – Сюда прибыла королева Изельде. Я никак не могу…

Девица повернулась, подошла к кровати, что-то зашептала на ухо раненому. Тот прохрипел:

– Надо, Ребекка. Хозяин… помоги мне.

Когда постояльцы перебрались в комнату напротив, Огден с грехом пополам убрал все следы того, что кто-то только что занимал эти покои, и поспешил спуститься вниз, где уже что-то вовсю скрипело, гремело и трещало.

Как и следовало ожидать, это гвардейцы переворачивали всю корчму кверху дном, потому что винная бочка за стойкой была пуста, а им с дороги чертовски хотелось выпить. Они не зло

срывали, нет – ПОКА нет. Просто искали погребок, какой имеется во всякой таверне, и где хозяин всегда прячет заначку. Погреб-то в «Подсолнухе» был, причем не потайной, гвардейцы обнаружили его в два счета – вот только никакой заначки там не оказалось, остатки светлого эля оприходовали Добрый Робин с компанией больше недели назад.

Огдену невероятно повезло, что как раз в тот момент, когда ему уже нож к горлу приставили, требуя выпивки, в распахнутую дверь вошла высокая светловолосая женщина средних лет, в белой с пурпуром накидке и белом траурном платье. В пышных волосах ее терялся небольшой серебряный венец.

– Миледи Изельде, – поклонился капитан, знаком приказав прекратить расправу (на случай, ежели подчиненные сами не успеют догадаться), – все устроено. Лучшая комната ожидает вас.

* * *

– Уходите, Алан. Мы вляпались по самое не хочу. Если выберемся – встретимся или в Роттервальде, или на развалинах Донаркейля… в общем, будем живы – пересечемся. Но сейчас мы только потянем за собой всех. Вы нам не поможете.

– Какого дьявола, Мари? Что мы, засаду устроить не сможем, отвлечь этих олухов, пока вы дадите деру…

Девушка покачала головой.

– Нет. Они нас не силой держат, захотели бы – ушли. Нельзя. Общее дело, поганое, а сделать нужно. Собирай наших архаровцев и дуйте отсюда – хоть на север, хоть на восток. Все на тебе.

– Но…

– Ты меня слышал.

Менестрель вздохнул.

> Коль решила лоррейнская дева
> Изойти черной желчью от гнева, —
> Ты не думай мешать;
> Ведь ее не сдержать,
> Только сдохнешь напрасно ты. Первым.

– Я родом из франков, Алан.

– Неважно, Мари. Бабы – везде бабы. Но если ты настаиваешь, готов заменить первую строчку на «коль задумала франкская дева»… – Увидев, что обычная насмешка не произвело впечатления, Алан сменил тон. – Ладно, будь по-твоему. Я уведу

ребят. Только учти, сдохнете там – я вас из пекла за шкирки вытащу!

– Договорились. – Марион сжала ладонь менестреля, приподнялась на цыпочки и легко поцеловала его. – Удачи.

– Погоди чуток. – Новый предводитель разбойничьего отряда нырнул в шалаш, покопался в мешке с барахлом, и наконец извлек на свет Божий весьма недурственную вещицу – тонкой работы ковчежец, золотой на серебряной цепочке. – Надень. Здесь прах с Гроба Господня. Не подделка, сам у Филиппа де Меельсхазена увел. Авось поможет… а нет, так просто носи.

* * *

– Клянусь святым Дунстаном, Ивинге!

Вопль Малыша Йэна был слышен, пожалуй, не за милю, но разнесся достаточно далеко, чтобы по всему Тристраму те, для кого это имя что-то значило, навострили уши. Ну а поскольку имя бывшего оруженосца Леорикса не было вовсе уж неизвестно при дворе, тех, кто заинтересовался, оказалось не так мало. Гэл, впрочем, внимания на такие тонкости не обращал: может, Йэн и слышал когда-то слово «этикет», но считал его новомодным ругательством. Слабым и невыразительным, как всегда у италийцев и тем паче в Византии, вот то ли дело – добрая арденнская да гитинская божба…

– Да отпусти меня, буйвол ты эдакий, – с трудом выдохнул Вильфрид, выскальзывая из дружеских объятий здоровенного гэла. – Ребра как надо еще не зажили, а ты со своими…

– Ладно-ладно, не ворчи. – Отстранив старого знакомого на расстояние вытянутой руки, Малыш Йэн наскоро оглядел его. – Ну, выкладывай, сэр рыцарь, что у нас на этот раз? Какую крепость штурмовать будем?

– О крепостях потом. Лох-Лей здесь?

– Угу. Идем.

– Погоди, дай хоть умоюсь…

– Зачем? Он тебе что, девка нецелованная?

Вильфрид хотел было сказать, что умывается он для себя лично, а не ради кого-то, потом сдался и рысцой последовал за долговязым гэлом. Чтобы сохранить в целости руку, которую Йэн в обрадованных чувствах как стиснул, так и забыл выпустить.

* * *

Городок, вполне вероятно, не зря носил имя героя – Тристрам.

На самом деле его звали Тристан, он был одним из воителей Медведя-Артоса, владыки легендарного края Ллогрис в западной Галлии; одним из тех знаменитых воителей, что вошли в легенды как «братство Круглого Стола». Однако гэльские предания гуляли по Европе уже далеко не первый век, изменяясь порой до неузнаваемости. Касалось такое и имен их героев. Не в последнюю очередь благодаря монахам-переписчикам, которые переводили языческие сказания на «речь благородных», сиречь на Latina vulgata. После такой вот «операции» ард-рикс Артос, к примеру, обернулся королем Артуром, Ллогрис – Логрией, а сам Тристан – Тристрамом…

Изельде особенно хорошо знала эту историю, потому что сама носила имя ее героини. Исильд Златокудрая, так на самом деле звали ту, в которую храбрый Тристан влюбился на погибель себе.

В свое время Изельде мечтала о том, как рыцарь Тристрам влюбится в нее, а она, зная сказание, которое, как все легенды, более правдиво, чем любая правда, – предупредит его об опасности и не допустит, чтобы все случилось так же, как тогда. Детские мечты… Теперь Изельде знала: предания и мифы, сколь бы жестокими они ни были, сколь бы ни страдали их герои от жизненных невзгод – все это призрачные, пустопорожние переживания рядом с хладной действительностью жизни. Которая всегда разочаровывает, потому что она не менее жестока и несчастлива, но куда более банальна и лишена той поэтичности, той мелодии, что придает возвышенность и красоту всем этим мифам.

Жизнь – жесткая и жестокая штука, думала Изельде, перебирая отполированные ясеневые четки. И иной она просто не может быть.

Ибо легенды, поучительные и запоминающиеся – такие, каковы они есть, – все они суть не более чем ложь. Жизнь, беспощадно правдивая в своей каменной твердости, учит лишь тех, кто видит правду.

А что очень многим людям не по вкусу правда, и они не желают ее видеть, – жизни ли в том вина?

– Нет, – сказала себе Изельде, – правду я как раз принять могу. Уже приняла. Вся загвоздка в том, что ЭТОЙ правды не желают и не пожелают видеть остальные. Что ж, значит, я должна отыскать другую.

Это не будет слишком сложно, ведь правда – это попросту истина, выраженная словами. Такими словами, чтобы ее мог

услышать человек, потому как сама истина для людей, к великому их счастью, недоступна…

Ступень третья
Книга Битвы

Адрея продрогла до костей. И ведь ночь вроде выдалась далеко не из холодных – конечно, месяц септембер был на исходе, однако до заморозков, по всем признакам, оставалось еще несколько недель. И вот поди ж ты, трясет, словно перед горячкой… Пришлось добавить к обычному травяному настою толику генуэзского бренди, чтобы наконец согреться.

Да, недаром ученые алхимики дали этой огневой жидкости название «spiritus», недаром оно совпадает с третьим именем Господа (последнее, конечно, имело еще эпитет «sanctus», «святой» то есть, однако не нужно было обладать дипломом semanthicus'a, чтобы понять их скрытую общность). После первого же глотка Адрея не только пришла в себя, но и поняла причину странного озноба.

Холод был внутренним, не внешним. И появился он, потому что рядом, очень близко – СЛИШКОМ близко даже, если честно, – обретался как минимум один из Ловчих. Один из тех, кто способен ощутить следы чужой силы на расстоянии и добраться по ним до самих обладателей силы; примерно так же гончая способна учуять заячий след и отыскать самого зайца.

Ловчие… Проклятые дети проклятых родителей…

Ведьма знала, к сожалению, слишком хорошо знала, кто они такие и почему делают то, что делают.

Этот секрет… он не просто Ловчим не был ведом – среди самих Иерархов Malleus Maleficorum лишь единицы посвященных знали правду. И тщательно оберегали ее от непосвященных. Не потому, что боялись, не верили в преданность Ловчих своему делу. Как раз напротив, возжелай сам Ловчий все узнать – ему сообщали сей секрет, без всяких проволочек, отговорок и нерушимых обетов молчания. «Молот Малефиков» не опасался тех, кто искал ответа у своих духовных наставников, ведь для того наставники и нужны.

Но «Молот» не любил, когда Ловчие начинали сомневаться в словах этих самых наставников, ища им либо подтверждений, либо опровержений на стороне. Таких недоверчивых, без оглядки на список былых достижений, карали быстро и безжалостно. Самым простым способом казни было – направить излишне любопытного на поиски Черного Властелина, что обитал где-то в Дальнем Загорье… Обреченные уходили, и не возвращались. Не

возвращались, конечно, не они одни, иначе какой был смысл в подобных поручениях? Иерархи «Молота Злодеев» – те, кто обладал настоящей властью, а не пустым титулом, – не были болванами, и потому не считали недоумками других. Ни собственных подчиненных, ни врагов.

Особенно – врагов.

Malleus Maleficorum хранил тайну как раз не от своих, а от чужих. От противников то бишь. От тех, кого звали малефиками – от чернокнижников, магов, колдунов, чародеев… в общем, от обладающих силой, вне зависимости от носимого ими прозвища.

И пожалуй, правильно делал, что хранил.

Ведь это их дети, брошенные по разным причинам на произвол судьбы, обнаруживали в себе талант искать родственное… искать – и находить, но ввиду тех же самых причин быть не в состоянии СТАТЬ этим самым родственным.

Адрея, некогда волею случая проникнув в сию тайну, также хранила молчание. Не потому, что ей была в случае чего обещана пощада: «Молот Злодеев» только потому не трогал ее, что доселе ни один Ловчий не уделял пожилой тристрамской знахарке слишком пристального внимания. И уж точно не потому, что думала, будто «Молот» свершает богоугодное деяние, истребляя под корень всех заподозренных в связи с колдовством, и способствуя работе «Молота» своим молчанием, она, Адрея, тем самым очищает свою душу от скверны той мизерной толики силы, которую была способна пустить в ход… Нет, одержимость – это не по ней, даже если это одержимость святым духом, которую церковники зовут «благодатью», и этих одержимых – «блаженных» – всячески привечают.

Просто ведьма и сама считала, что секрет Ловчих действительно лучше оберегать от чародеев. Конечно, большинство из них – себялюбивые, беспринципные сукины дети, чтобы не сказать хуже (вообще-то надо бы, зачем оскорблять ни в чем не повинных собак?). Все родственные чувства, как и почти всю человечность, не мудрствуя лукаво, из них выжигают еще в начале обучения, – а затем они, желая пройти дальше по своему черному Пути, завершают процесс, превращаясь вскоре в бездушные и бестрепетные тени самих себя.

Большинство – да. Но не все.

Первым глубоко плевать на то, что Ловчие, быть может, их собственные дети: случись противостояние, они либо переступают через чужой труп, либо сами ложатся трупами под ноги противника, вне зависимости от того, с кем доводится сражаться. Хоть бы и с самим собою (есть на их Пути и такая вот прегра-

испытание).

Однако те, из кого сила не полностью высосала человечность… ведай они, что бьются насмерть с собственной плотью и кровью – вот как раз они-то и могут дрогнуть и потерпеть поражение. А такого Адрея, которая недолюбливала чародеев, но и не желала им зла, допустить никак не могла. Ведь даже среди малефиков попадаются достойные называться людьми.

«Нетрудно молчать, когда никому, даже тебе, не нужны сказанные вслух слова,» – подвела итог ведьма, допивая горячий настой.

Если Ловчий прибыл по ее душу – она все одно не дастся живой. Дважды умирать мало кому приходится, здесь волноваться не о чем.

«А вот эту девочку, Ривке, надо бы предупредить. Кроме своего рыцаря, ведь и не думает ни о чем…»

Впрочем, за последнее Адрея девушку не осуждала. Будь сама хоть на двести лет моложе…

…Сэр Вильфрид Ивинге, помятый светильник, который надо почистить да заправить свежим маслом – и тогда он будет светить ночью не хуже солнца, и рядом с ним воцарится покой, мир, уют и тишина. А что в глубине этого светильника, как в сказаниях мавров, сидит злобный дух-джинн, которого не приведи небо пробудить – что ж, пускай этого джинна мавры и боятся… А для тех, кто обращается со светильником правильно, опасности нет – только польза, причем немалая…

* * *

– Одного не понимаю, – задумчиво проговорил Вильфрид, – почему, если Леорикс мертв…

– Что значит «если»? Я ведь тебе все рассказал.

– Да верю, верю, Лох-Лей. Но когда-то, в походе к Гробу Господню, мне достался один… трофей. Нож, которым должны были сразить Короля-Льва. Специально сделанный для этого…

– Ритуальный, заклятый на цель, – вставила Ребекка. – Слышала о таких. Чует свою жертву на расстоянии, а любая нанесенная им рана для этой жертвы смертельна. Но именно для жертвы и ни доя кого более, для остальных обычная сталь куда надежнее.

– Богомол бы с тобой не согласился, – усмехнулся рыцарь, доставая из-за голенища сапога давешний стилет. – Вот, тот

самый. И он до сих пор… чует, если это так назвать. Чует, где его цель, чует Леорикса. Так я сюда и пришел ведь.

Ребекка чуть скривилась.

– Не знаю. Что слышала, я тебе сказала.

Робин осторожно взял дрожащий стилет, вопросительно взглянул на Вильфрида («Да, вот так он цель и показывает,» – подтвердил тот), затем осмотрел оружие.

– Бес его знает. Металл какой-то странный… не сталь, не бронза. Грызя, может, спросить? Кузнец неплохой, как-никак. Все равно не мешает к нему заглянуть – у тебя ж от брони только клочки остались, да и с одним ножом ВНИЗ соваться как-то… В Шварцвальде я б тебе из наших запасов сам подыскал и броню, и клинок, но тут тайничка у нас нет, так что на Грызя вся надежда.

– Неплохо бы, конечно, – кивнул рыцарь, – только как я расплачиваться с ним буду? Идущим ТУДА в долг верить – это очень навряд ли, а с деньгами напряг…

– Идущим ТУДА, – усмехнулся главарь разбойников, – Грызь бесплатно дает, что надо. Он же местный, понимает, что пока не покончат с ЭТИМ – жизни в Тристраме не будет никому. Йэн, проводи его, да проследи, чтоб все в лучшем виде.

– Не вопрос, Робин, – поднялся со скамейки гэл, – айда со мной, Ивинге. Заодно и себе кое-чего сделаю… зря, что ли, пять лет на дедушку Киана горбатился…

* * *

Пока Йэн, выпросив у Хризвальда несколько негодных к работе железок, делал оковку и наконечник для своего нового дрына, кузнец изучал узкий клинок.

– Не знаю, сэр рыцарь, – наконец сказал он. – Не попадалась мне эдакая штукенция. Слышал, делали когда-то такую… черную бронзу, она крепче железа была. А однажды показывали моему папаше эльфову диковинку – по виду ну точно тебе серебряная заколка, цацка женская, но могла, зараза, насквозь пробить шлем или нагрудник. Но это… нет, не видел.

– Ладно, и на том спасибо. – Вильфрид спрятал стилет на место. – А как насчет меча какого, щита и брони?

– Меч найдем. Не первый сорт, но приличный. А вот доспехов цельных не осталось, придется по кускам собирать и подгонять. Примерь пока вон ту шапку и кожанчик, я нагрудник поищу…

Наконец рыцарь оказался облачен в длинную кожаную куртку с ватной подбивкой, на которую Грызь надел конструкцию из нескольких пластин и полос металла, чтобы прикрыть грудь,

живот и спину. Неуклюжая внешне, движений эта своеобразная броня, однако, не стесняла. Железная шапка (обычная, с войлочным колпаком-подшлемником) пришлась впору. Сыскался и меч: вполне пристойный широкий клинок, который побывал в деле, но сиял недавней заточкой.

– И вот тебе щит, – кузнец снял с крюка дубовый круг в два локтя шириной, переплетенный железными полосами. – Прелесть просто, куколка… Не то что эти италийские ублюдочные треугольники, на них только гербы и рисовать. Такой и всаднику послужит, а уж в пешей сшибке лучше просто не найдешь. Удачи, рыцарь.

– Благодарю, вот уж выручил так выручил, – Вильфрид перебросил щит за спину, поправил ремни и перевязь с новым мечом. – Отлично. Обещаю: получишь за все по справедливой цене, как только раздобуду хоть немного деньжат.

– Не обижай меня. Это ведь не просто так… для тех, кому ВНИЗ, мне ничего не жаль.

– Не обижай и ты меня, Хризвальд. Я никогда не отбираю того, за что могу заплатить.

Кузнец вдруг схватился за бока и загоготал.

– Не, вы его только послушайте! Сам Добрый Робин лучше не скажет! Он сперва за все платит, потом у него кончаются деньги – и он честно, как предупреждал, отбирает все, что пожелает!

Вильфрид также присоединился к веселью. Положительно, кое в чем они с Робином Лох-Лей были схожи. Подобное сравнение его нисколько не оскорбило: коли уж сам Леорикс не погнушался предложить Робину пойти на королевскую службу – чего стесняться ему, сыну небогатого саксонского тана, который добился всего, что имел, исключительно отвагой, мечом и толикой удачи!

* * *

Подождав, пока сонное зелье начнет действовать, Пепин осторожно укутал старушку в плед и вышел на улицу, вдохнуть немного свежего воздуха. Джиллан, конечно, убиралась как могла, но запах в комнате все равно стоял отвратительный.

Лекарь знал, как пахнет смерть, он встречал Хозяйку Серых стран во всех видах и обличьях – приходилось встречать, при его-то работе. Но знать совсем не значит любить и наслаждаться.

Да, всякое случается, коли прихватит – на запах внимания обращать уже не будешь. А прихватить может всякого, болячки – штука такая… голова не только от запаха кругом идет.

Вспомнив о словах Марги, Пепин нахмурил седые брови. Конечно, это может оказаться просто бредом, в ее состоянии и не такое привидится… и все же надо бы рассказать.

Далеко идти не пришлось – темноволосая девушка, подружка Робина Лох-Лей, как раз проходила мимо. Лекарь окликнул ее и предложил присесть рядом.

– Старую Маргу иногда звали блаженной, – сказал он, обращаясь вроде бы в пустое пространство. – И все же она иногда видела нечто… невидимое, что ли.

– Бывает, – безразлично произнесла Марион.

– Иногда это были просто видения, пустые, без всяких там предсказаний. И все-таки, думаю, это тебя заинтересует.

– Что – это?

Пепин достал грифельную дощечку, близоруко сощурился и прочел:

Мы пришли из начала времен,
Чтоб сражаться за Черный за Трон,
Чтоб достался священный огонь
Нам, изгоям ушедших племен.

Мы пришли из Эпохи Игры,
Где горят ледяные костры,
Где вздымаются к небу шатры
Покоривших иные миры.

Мы пришли из-за сумрачных гор,
Где сплетается мира узор,
Где Война, Глад, Погибель и Мор
Исполняют судьбы приговор.

Нам ли, смерти смотревшим в лицо,
Преклоняться пред алым дворцом,
Падать ниц пред железным венцом
И носящим его подлецом?…

– Ну и что это значит?

– Это то, что во сне слышала Марга. – Лекарь вздохнул. – Заснуть не могла, пока я не сел и не записал все дословно. А говорили это некие… личности.

Когда Пепин начал описывать более детально, у Марион мгновенно исчезло всякое безразличие. Может, история и была горячечным бредом чокнутой старухи, но она стоила того, чтобы ее выслушать.

И выслушать ОЧЕНЬ внимательно…

* * *

– Ну как, Ангус? – спросила Изельде. – Обследовали… подходы?

Капитан гвардии поморщился.

– Обследовали, госпожа… насколько возможно. Собор обшарили, в усыпальницу, как приказано, не совались. Чисто. Там – чисто, но в глубине что-то явно есть.

– Только собор?

– Да тут больше ничего такого и нет, риксенн. На юге, за речкой, и на западе – просто лес, тоже чистый: там банда Робина Лох-Лей обреталась последние недели, и похоже, никаких фокусов с нежитью не имела. Холмы на северо-востоке – вот там да, как идешь – пробирает, только местные в один голос говорят, в том краю Тристрама тише всего было. Так что из собора лезет… или уж не знаю даже отколь.

– Все с тобой ясно, – вздохнула королева. – Кроме своего топора, ничего не знаешь и знать не хочешь. Придется самой обойти. Выдели охрану, шестерых, и чтоб мне ни звука не издавали, если не разрешу. Ясно?

– Будет сделано. Когда?

– Утром. Сейчас я по городку пройдусь, одного-двух хватит. Лучше бы тоже кого потише.

– Как угодно. – Ангус выглянул из раскрытой двери и проорал на пол-Тристрама. – ВИЛЬМАР! ХОРСТ!

Через неполных шесть секунд капрал и солдат влетели в коридор, затормозив перед Изельде, что как раз выходила из комнаты.

– Оберегать. Полное подчинение. Молчать в тряпочку. Все ясно? – отчеканил капитан.

Правые кулаки гвардейцев глухо ударили о нагрудники чуть выше сердца, в голову выгравированного на металле льва.

– Прекрасно, – кивнула королева. – Держитесь чуть позади меня и не лезьте на глаза.

Конечно, каждый из солдат был почти на голову выше Изельде (она не была низкорослой, но и в гвардию Лоррейна карликов не набирали) и раза так в два пошире даже без доспехов. Нельзя не заметить таких громил, когда они за тобой хвостом ходят. Тем не менее, солдаты честно постарались выполнить приказание, оставаясь в четырех шагах позади своей риксенн. Конечно, «риксенн», сиречь «королева», было пустым

титулом, править Изельде и дня по-настоящему не правила – ни при Лотаре, ни, тем более, при Леориксе. Но и такой титул лучше, чем никакого.

Много лучше, если быть до конца откровенной. Без него ей некуда было бы деваться, кроме как принять предложение Конрада де Монтефенна, официально – младшего прецептора Тарнхальда, неофициально же – одного из Иерархов Malleus Maleficorum. От предложения этого, впрочем, Изельде не отказалась, слишком хорошо понимала цену и последствия отказа. Но принять его немедленно – то есть покончить с дворцовой сутолокой под благовидным предлогом «ухода в монастырь, под покровительство святой Марты» и занять предначертанное ей место в серых рядах тех, кого поминают не иначе как полушепотом и с оглядкой, в рядах Ловчих, – на такое она пока не была готова пойти. Возможно, после Тристрама, когда (и если) она исправит последствия неправильного хода, и в жизни не отыщется другого, достойного смысла…

Изельде осознала свою способность чуять колдовство давно, еще в отцовском доме. Она безошибочно могла различить двух сестер-близняшек, которые на пару изображали Страшную Злобную Колдунью Киприанн Вездесущую (иначе именовать ее было нельзя!). Вездесущую, потому как она умела появляться в двух местах одновременно, а раз сумела в двух, разумно считали люди, при надобности сумеет и в десяти, и в скольких угодно. Одна из сестер действительно кое-что умела, вторая просто была похожа на нее как две капли воды, ну а поскольку девушки были не вовсе обделены умом, они начали активную потеху – и народ забавляется, и самим кое-что да перепадает…

Хотя, быть может, Киприанн и ее сестра (так и осталось неизвестным, кого из них как звали) все-таки совершили большую глупость, вообще затеяв эту игру. Потому что именно она погубило обеих: одну сестру повесили как раскаявшуюся ведьму, вторая утонула при испытании водой и была признана невиновной. Изельде знала, что утонула-то как раз ведьма, но промолчала. «Молоту Злодеев» было видней…

С тех пор (а было ей тогда лет девять) Изельде начала понимать, кем является. Нет, она никому ничего не говорила. Не понадобилось – первый же Ловчий, заглянувший в Аахен, все понял. Своих опытные Ловчие, оказалось, чуют еще вернее, чем колдунов. В общем, тайный церковный орден взял Изельде на заметку, родные начали сторониться ее и при первой же возможности выдали замуж…

Впрочем, как раз эта самая «первая возможность» оказалась

очень даже ничего. Не всякий жених, пусть и втрое старше невесты, мог подарить ей престол. Не какой-то там престол «независимого» Заара, с потрохами закупленного саксами, или «вольного» Урия, который раз за разом переходил от франков к италийцам и обратно, – нет, престол сильной державы, что успешно оспаривала первенство в Европе у раздробленного Альмейна или дряхлой Италии. Гэльские королевства лишь звались таковыми, поскольку для гэлов король-рикс был не более чем «первым из равных», на какой-то шаг впереди кланового вождя. Саксы после гибели Седрика Элезинга-Этелинга и раздора между его потомками так и не восстановили былого единства; захват Рейнланда, Вестфалии, Брабанта и Фризии армиями Магнуса ничего не изменил в их внутренней грызне, как, впрочем, и распад Империи Магнуса, княжества все так же с пеной у рта выясняли, какое из них более достойно зваться сердцем саксонской державы. Франки после этого распада вовсе отказались от идеи единого королевства и королей не выбирали, а правил ими, как в старые времена, совет родовых старейшин. Испанцы, отражая упорное давление мавров и берберов, также объединили только военные усилия, а на деле оставались то ли четырьмя, то ли пятью самостоятельными державами. В Византии еще со времен Юстиниана не утихала междоусобица, изрядно обескровив восточную наследницу старой Средиземноморской Империи. А уж что там творилось к востоку от Альмейна и в Загорье, ведал один святой Эрик…

Неторопливое течение воспоминаний прервалось. Резко, сразу, как если бы посреди медлительного Мозеля в одночасье выросла гранитная стена.

Не осмеливаясь поверить такой удаче, Изельде посмотрела на женщину, которая выглядела немногим старше ее самой, но прожила на земле куда больше лет, чем отпущено простым смертным. Ведьма встретила ее темно-синим презрением, что тлело в слегка прищуренных глазах.

– Могу я… поговорить с тобой? – промолвила королева.

Презрение не исчезло вовсе, но отступило на задний план. Ведьма чуть поклонилась.

– Если желаешь.

– Если желаешь, ГОСПОЖА! – рявкнул из-за ее спины капрал (Вильмар, кажется). – Ты разговариваешь с королевой!

– Молчать! – подняла руку Изельде. – Налево кругом, сорок шагов вперед и ждать дальнейших указаний. Выполнять!

Гвардейцы нехотя подчинились.

Ведьма коротко хмыкнула.

– Госпожа Изельде, значит. Не думала, что Ловчие забираются так высоко. И о чем ты желала говорить?

– Для начала – как к тебе обращаться?

– «Ведьмино отродье», если я правильно помню манеры «Молота» – но ведь тебя такое не устраивает, риксенн, не правда ли? Здесь меня все зовут Адрея, так что если желаешь – это имя вполне подойдет.

Изельде кивнула.

– Вижу, бояться ты не желаешь.

– Жить вечно мне не дано, дважды умирать – не придется. А чего еще бояться? Королевской немилости?

– Ты не поняла, Адрея. Как раз такой ты мне и нужна. И если мы сойдемся – я вообще забуду, что видела тебя.

– Сойдемся в чем?

– В том, что необходимо сделать в Тристраме. Чтобы покончить… с тем, чего я не собираюсь называть по имени.

Ведьма издала странный звук – то ли пыталась сдержать смех, то ли просто сглотнула от неожиданности.

– Добро, королева. Думаю, мы договоримся. Только забудешь ты не меня одну, но и еще двоих.

– Даже так? – подняла бровь Изельде. – Тем лучше. Согласна.

– Тогда спрашивай, госпожа. Отвечу, коли смогу.

…И ответила. А чего ж не ответить, если спрашивает такая благородная госпожа, и вежливо спрашивает, без скидок на титулы. Знает Изельде из Аахена, Изельде Лоррейнская, сколь мало титулы значат, недаром в шипастом ошейнике Ловчего ходит, пусть этого никто и не видит… О титулах-то она знает, а о себе – нет. Играет в сложную да запутанную игру, против нескольких противников, с которыми не знакома и не желает знакомиться; саму себя как пешку использует, а того не замечает, что это пешка игроком управляет, хотя все наоборот ведь должно быть…

* * *

– Вплотную, значит? При своих иль вдвое?

– Ты знаешь, что мне нужно раздобыть.

– И думаешь, клинки твоих героев меня способны ранить и убить?

– Давай без риторических вопросов. Чтоб для тебя Черту нарисовать, необходимы яд и горстка проса.

– И все?

– И птице жизни не летать.

* * *

Колченогий паренек воровато оглянулся по сторонам, уверился, что за ним никто не следит, и нырнул в кусты. Скрип металла о камень, легкий щелчок – и тишина.

– Интересное дело, – заметил сидящий на дереве Робин. – Я его вообще не вижу теперь. Как сквозь землю…

– …провалился, – завершила Марион, которая устроилась веткой выше. – Похоже, нашли место. Не об этих ли подземельях тебя ведьма упреждала?

– Да вроде о тех, что за усыпальницей, где Леорикса нашли… он вход охранял.

– Леорикс, даже мертвый, на нас не нападал. Значит, он и после смерти был… скорее нашим. Пусть беспокойник, но свой, не чужой. И сторожил-то, похоже, вовсе не вход, а выход.

Робин присвистнул.

– А знаешь, это даже разумно. Кстати, потому и ножик Ивинге сюда тянул: Лев был человеком долга, что ему смерть! Вот незавершенное дело – штука серьезная… оно его тут и держит. Хоть скелетом, хоть призраком, хоть как. И коли он и вправду стерег выход, мимо него ОТТУДА ни одна тварь наружу не пролезла.

– Ну а я что говорю?

– Да, но тут штука серьезнее: смотри, все думают, что ВНИЗ иначе как через собор пути нет; в конце концов его, допустим, сравнивают с землей и заливают все бочками святой воды. Устраивают праздник в честь победы над великим злом – и тут через боковой выход выбирается очередная порция тварей и устраивает пьяным и веселым «истребителям нечисти» по-настоящему веселую жизнь… Совсем не так плохо придумано, Мари. Вызывай подмогу.

Девушка закрепилась понадежнее, достала из колчана стрелу с полосатым красно-черным оперением – это обозначало «сюда, скорее» – и вогнала ее точно над головой Малыша Йэна, тот только-только проснулся и как раз зевал на крылечке. Верзилагэл мгновенно рухнул наземь и перекатился в сторону, укрываясь за бочкой с водой; потом рассмотрел стрелу, выругался, встал и скрылся в доме – пинками поднимать Ротта и Тромма, больших любителей поспать.

Меньше чем через десять минут разбойники, прихватив с собой встреченного по дороге Вильфрида Ивинге, собрались под

временным жилищем Робина Лох-Лей, по совместительству – «секретом» для наблюдений.

– А кто этот мальчишка-то? – спросил Тромм.

– Вир его звать, или как-то похоже. Пастушонок здешний, сирота; родни то ли никогда не было, то ли много лет как померла. Огден его называл блаженным дурачком, лекарь – просто невезучим. Идеи будут?

– Взять и развязать язык?

– Это потом, Хельми. Сейчас что?

– Да просто посмотреть, что там. Щас сделаю.

– Только смотри, чтоб без этих мне…

– Не учи щуку плавать, Робин, – весело отозвался Вильхельм.

Напевая одну из песенок Алана (и неимоверно фальшивя при этом), Ротт углубился в кусты, спустил штаны и присел с вполне очевидной и более чем прозаической целью. Марион прыснула: уж в таком точно не заподозрят соглядатая.

Через некоторое время Вильхельм вернулся, и физиономия его была скорее озадаченной, чем встревоженной.

– Там прямо в земле как погреб сделан. Красная мраморная плита, в ней – люк, тоже мраморный, только белый, и петли как-то из мрамора вытесаны. И все это хозяйство в ширину едва с локоть будет. Таким погребом разве что Малый Народец сможет пользоваться.

Вильфрид подался вперед.

– Знаки заметил какие?

– Да обычная чертовщина, череп вроде вырезан на люке, а что?

Рыцарь обреченно застонал.

– Так я и знал. Снова под землю… ненавижу! Придется звать Ребекку, у нее ключ есть.

– КЛЮЧ?!! – хором воскликнули пятеро разбойников.

– Сама расскажет, если захочет. Ротт, не сочти за труд, разыщи ее и приведи. Все одно ты эту хреновину видел, тебе на ее вопросы и отвечать.

* * *

Сказать, что Ривке услышанное не понравилось, было бы преуменьшением. Она совершенно не рвалась в герои, особенно теперь, когда ее мечта уже почти сбывалась.

В герои не рвался и Вильфрид. Но от рыцарского кодекса чести он отступить не мог – и значит, не имел права покинуть Тристрам, пока с нечистью ВНИЗУ не будет покончено, и все ходы

наверх – не перекрыты. Если насчет гигантских насекомых, которые мирно сидели в своем заколдованном муравейнике, еще могли возникнуть какие-то сомнения, то здесь все было понятно и предопределено. Пробиться ВНИЗ, добраться до огненного сердца нечистой силы и раздавить его, чтобы покончить со всем. Раз и навсегда. Дело, достойное рыцаря. Да и не рыцаря даже, а просто человека, которого эта нежить достала по самые потроха.

Поскольку Вильфрид принял такое решение, Ривке приходилось следовать за ним. Он не знал, никак не мог знать, на что она на самом деле способна.

Зато сама она – знала.

И потому не смела следовать примеру Нефилим и оставаться в стороне. Как, безусловно, сделала бы, не будь все связано с Вильфридом Ивинге… жителей Тристрама ей было жаль, но ради них своей жизнью и душой она бы рисковать не стала.

Медный череп, как и следовало ожидать, в точности совпал с резным узором на камне. Раздался тихий щелчок, и небо над ее головой исчезло, обратившись в красно-белый мраморный свод.

– Ничего себе! – выдохнул рыцарь. – Эй, Робин! Марион! Тромм, Йэн, Ротт – есть кто?

– Остальные наверху, – безразлично проговорила Ривке, – они были чуть дальше… их это не зацепило. Только нас. Не стоял бы ты рядом…

– Ну уж нет, Ребекка! Уже говорил и могу повторить, одну я тебя ВНИЗ ни за какие коврижки не отпущу! – Вильфрид деловито огляделся. – Ну и что здесь у нас творится? Я бы сказал, это очень похоже на склеп.

Действительно, царство красно-белого мрамора больше всего напоминало гробницу какого-нибудь знаменитого вождя, а может, даже и короля. Узкая лестница с перилами спускалась в помещение, что представляло собой передний «приемный» покой. Два масляных светильника на медных треногах освещали гробницу неяркой краснотой предгрозового заката, и почему-то совершенно не давала копоти. Высокая белая плита, дверь в основную часть гробницы, наполовину поднята: если пригнуться, под ней вполне можно было пройти, чтобы «оказаться ближе к смерти» (как после двадцатой кружки эля выражаются грабители могильников, хвастая о своих подвигах и иллюстрируя рассказ необходимыми жестами).

Рыцарь нырнул под белую дверь, на корточках, меч из ножен. К счастью, к «секрету» Робина он прибыл уже в полном вооружении и теперь был готов ко всему.

Ну или почти ко всему. Скажем, повстречайся в подземельях

конница персидского султана с саблями наголо, сакс бы немного этому удивился. Но и только.

Ривке тихо проскользнула за ним и остановилась, осторожно выглядывая из-за щита. Вильфрид неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал.

Вдоль стен стояли сундуки, массивные и манящие – самый наивный посетитель заподозрил бы, что под каменными крышками что-нибудь ценное да скрывается. Но подозрения подозрениями, а шарить в этих сундуках рыцарь не собирался. Если сюда занесет Робина, он пусть свою голову и душу в заклад и ставит, а Вильфрид Ивинге не стремился платить за богатства такую цену.

Здесь также было относительно светло – под потолком на цепях горел такой же масляный светильник, как в первом покое. Однако еще в этом помещении имелось то, чего в предыдущем вовсе не ощущалось. Бессловесная, четкая угроза, адресованная незваным гостям. Каковыми гробница, вполне вероятно, полагала всех живых.

В дальнем конце камеры располагалась еще одна дверь из белого мрамора. На сей раз – открытая полностью, пара каменных клинышков держала плиту, чтобы ей не вздумалось закрыться. А сверху, над дверью – надпись, приглашение войти: черная, тщательно очищенная от пыли, дабы всякий вошедший без помех мог прочесть ее и сделать свой выбор.

– «Descentio in Gehennah»… – Ривке вознесла очи к небесам, но увидела только мраморный потолок в прихотливом узоре красно-белых прожилок. – Чего и следовало ожидать.

Чтобы подняться к небесам, надо сперва спуститься в бездну, утверждали иные легенды. Небеса им сейчас были ни к чему – но, похоже, в бездну нужно спуститься даже для того, чтобы просто вернуться на поверхность земли…

* * *

Жизнь бывает подлой и жестокой,
Смерть – честна, как острие ножа,
Но приход назначенного срока
Мало кто встречает, не дрожа.

Жизнь манит улыбкой и мечтою,
Но дает лишь яростный оскал.
Смерть же сообщает перед боем —
Всяк получит то, что сам искал.

Мы привыкли к лжи и страху жизни,
Мы страшимся, что обманет смерть —
И по завершеньи катаклизма
Вновь нас примет жизни круговерть.

Трудно верить тем, кого не знаешь,
Но узнать их лучше – не дано,
Если смерть нутром не принимаешь,
Если с нею не уйдешь на дно…

Смерть и жизнь, как шуйца и десница,
Друг без друга – слабы и пусты.
Вместе же, подобные зарницам,
День и ночь встречают у Черты…

* * *

Изельде без большого труда нашла вход. Одна из волчьих нор в северных холмах уходила явно глубже, чем следовало, и была на пару ладоней шире, чем нужно для самого крупного волка. Человеку, даже здоровякам вроде Хорста или Доминика, проползти по ней казалось вполне возможным. Но соваться первым не хотел никто. Оно и понятно: кому охота сражаться неведомо с чем в темноте и тесноте?

– Хорст, дай тесак, – попросила она.

Гвардеец молча вытащил оружие и протянул рукоятью вперед, хотя наверняка подивился такому приказу. Короткий взгляд на тяжелый, чуть изогнутый клинок, Изельде вполне удовлетворил, инструмент достаточно хорош и надежен.

Она шагнула вперед.

Тяжелые ладони опустились ей на плечи и аккуратно удержали на месте.

– Охранять, госпожа, значит охранять, а не отпускать одну невесть куда, хоть бы и в разведку, – с укоризной и даже искренней обидой проговорил великан-сержант, – нет чтобы приказать…

– Приказываю, Доминик. Ты со мной, остальные – назад, рассыпаться и занять круговую оборону. Выполняйте.

Проще было сделать так, чем объяснять и уламывать. Поодиночке, вероятно, Изельде могла бы провести их. Вместе – очень вряд ли.

Сержант вынул из-за пояса шипастую палицу, поправил вытянутый каплевидный щит. Прикрывая не столько себя, сколько королеву, он двинулся вперед, к норе, которая увеличивалась с каждым шагом.

Да, именно так. Вскоре дыра в склоне холма выросла до такого размера, что сержанту с его ростом в полных четыре локтя и три пальца лишь пришлось бы голову чуть-чуть нагнуть – чтобы плюмажем свод не скрести, проходил-то он как раз свободно. Еще несколько шагов, для уверенности… и пока тугодум Доминик не сообразил, что это не нора растет, а сами они уменьшаются, Изельде скомандовала:

– Стоп. Перекрой проход, чтобы и мышь не проползла. Сейчас приведу подкрепление и отправлю весточку Ангусу.

– Госпожа, лучше бы тебе вовсе снаружи остаться. Не женское это дело, по подземельям-то лазать…

– Если б из всех вас кто-то головой умел работать хотя бы вчетверо хуже, чем топором, палицей или мечом, я бы осталась. А так – нельзя.

Быстро приведя к сержанту еще троих, Изельде повторила приказание насчет охраны, а сама с двумя оставшимися гвардейцами пошла разыскивать Ангуса и разбойников. Капитан отыскался быстро и сразу же проорал общий сбор (королева крепко подозревала, что звание офицера Ангус получил именно за то, что был способен перекричать целую толпу); разбойники нашлись несколько позже, на другом конце долины. Что-то угрюмо обсуждая, они стояли в кустах, не обращая внимание на окрики, так что пришлось подойти поближе.

– Что у вас тут?

– Ивинге и Ребекка… они ушли ВНИЗ сквозь вот этот камень. – У Малыша Йэна частенько бывали шутки и покруче, однако гэл явно не шутил. – Как – не знаю, не спрашивайте, риксенн. Ушли. И надо бы тут посторожить… если попадется один хромоногий малец, пастушонок тутошний. Дурачком прикидывается, а на деле может и не такой блаженненький… Взять бы его да заставить говорить – он тоже сквозь камень как-то ходит.

Учитывая, что ей поведала Адрея (и чего явно не подозревал никто из разбойников), Изельде не только сразу поверила этим словам, но и выставила в караул трех гвардейцев, наказав им хватать всякого колченогого и тащить в «Подсолнух» на «откровенный разговор». Десяток солдат она все равно собиралась оставить в резерве – мало ли что, – и Ангуса за старшего. Он допросом и займется, это капитан умел.

Передав Ангусу все необходимые распоряжения, королева

повернулась к разбойникам.

– Хорошо. Охрана выставлена. А вы идете со мной, в подземелья.

У Робина чуть челюсть не отвалилась. Марион присвистнула.

– Да тут не земля, а прямо решето какое-то! Куда ни ткни – везде ход ВНИЗ…

Примерно это же говорила и Адрея, чуть другими словами. Изельде тогда было засомневалась, но теперь признала правоту ведьмы. Не зря та, видимо, торчала тут с тех пор, когда о нечисти еще и слуху не было.

* * *

Когда последние игрушечные солдатики скрылись в проходе, земля с тихим чмоканьем сомкнулась. Нора исчезла, как не бывало.

Тощий как скелет парнишка лет двенадцати, который сидел на гребне холма, истерически хихикнул.

– А нечего лезть куда не надо.

Опираясь на кривоватый самодельный костыль, он медленно поднялся. Левая нога у него отсутствовала почти по колено, к культе была примотана ремнями деревяшка. Сильно хромая, мальчишка сполз по склону, потыкал костылем в оползень, хихикнул еще раз.

Когда он повернулся, раздался слабый щелчок – и промеж глаз калеки выросла арбалетная стрела. Какое-то мгновение он еще стоял, не в силах поверить, что это произошло именно с ним, потом рухнул на спину.

Стрелок молча подошел к телу, пнул мальчишку в бок, уверился, что тот мертв уже окончательно, и выдрал свою стрелу.

– Хоть так… – хрипло промолвил Алан.

* * *

Они спускались уже целую вечность. Винтовая лестница была достаточно широка для двоих, но слева из стены временами сами собой выскакивали копья (и после так же сами собою втягивались назад), а справа зиял провал. Бездонным его называть, пожалуй, не следовало – где-то далеко-далеко внизу горела красная точка и доносился слабый запах серы. Конечно же, это было знаменитое озеро расплавленной лавы, та самая «геенна огненная» из свитков Завета.

(В отношении последнего термина Ривке могла бы и поспорить, потому что как раз Ивриим и Нефилим знали настоящее значение этого слова. Им обозначалось ущелье Кидрон под Эрушалаймом, и уже полторы тысячи лет там сжигали только отбросы, мусор, коего в городе всегда хватало. Однако некогда над этим ущельем высилась исполинская статуя Молоха, и в печах, расположенных под его медным туловищем, сгорали тела младенцев, приносимых в жертву кровавому богу сгинувшего народа…

Ривке могла бы вспомнить все это, но не до воспоминаний сейчас было. Да и место как-то слабо располагало к историческим экскурсам…)

Между стенами колодца было самое меньшее шагов двести, лестница шла довольно полого, с низкими и очень широкими ступенями – но право же, прыгать вниз, чтобы сократить путь, отнюдь не стоило…

Два копья так и остались выдвинутыми из стены – их удерживал на месте скелет, облаченный в ошметки римского панциря. Разбитый большой щит-скутум, помятый бронзовый шлем с оторванным гребнем и ржавый короткий меч-гладиус лежали ступенькой ниже. Вильфрид, памятуя о неприятной встрече Красного Хельми в соборе, приготовился было к схватке, однако этот скелет оживать не собирался.

Еще через некоторое время встретился второй скелет, повисший на копье. На этом остатков одежды или брони не было; на одной ступени с ним лежала вырезанная из цельного нефрита палица с дюжиной чьих-то клыков, хитро вклеенных в камень. Скелет этот также остался недвижим, когда Ривке и рыцарь проходили мимо.

Когда запах серы стал почти невыносим, а дым от лавового озера начал закрывать противоположную стену колодца, на лестнице обнаружился еще один скелет. Довольно маленький и весьма массивный; живой, его хозяин вряд ли достал бы Вильфриду до груди, однако был на добрых пол-локтя шире его! С костей скелета свисала пробитая в трех местах кольчуга, двулезвийная секира до сих пор стояла у стены так, чтобы владелец мог в любой момент схватить ее. На черепе по-прежнему сиял полировкой стальной рогатый шлем с защитным валиком.

– Dwarg! – ахнул рыцарь, когда понял, кто перед ним. – Но ведь это только сказки…

– Дуарг? – переспросила Ривке. – Не слышала.

– О них кое-где, особенно около Альп, франки рассказывали. Мол, было такое древнее племя Dwaergar, которого уже тысячу лет как нет. Они обитали в пещерах, солнца не любили,

продавали людям металл в обмен на мед, свежее мясо и хлеб, а однажды просто сгинули невесть куда. Только следы остались. Говорят, паладин Магнуса, О'Доннел, носил меч, сделанный Дуэргар. Северные альмы, фризы и даны их цвергами зовут, а арденнские гэлы – дверлингами, вот все отличие.

– Ясно. Очередные легенды.

– Да я сам так думал, но… больно уж похоже.

Вильфрид решительно снял железную шапку, подошел к скелету дуарга, осторожно стянул с него шлем и водрузил взамен свою шапку.

– Ты без защиты не останешься, а мне еще драться, – сказал он и надел рогатый шлем. Тот пришелся как влитый.

Прислоненный к стене тяжелый топор процарапал по камню черту и застыл у ног рыцаря. Сакс задумчиво взглянул на предложенное оружие, решил не отказываться и поднял секиру. Тяжелее меча, конечно, но легче, чем выглядела. Он мог драться ею и одной рукой, что очень кстати – левая-то занята щитом.

Вильфрид бросил меч в ножны, передвинул их так, чтобы рукоять не давила на ребра, еще раз слегка поклонился мертвому дуаргу и примостил секиру на плече.

– Идем?

– Теперь – идем, – согласилась Ривке. – Но клянусь, если мы тут еще найдем скелеты Шимона-мага, Эндорской волшебницы и Аарона с его скипетром – я точно решу, что схожу с ума.

Подземелье решило не подвергать девушку подобному испытанию, и скелетов больше не было вообще. До самого дна.

Зато там их оказались даже не десятки – тысячи. Они лежали, переплетаясь совершенно неестественным образом, образуя над кипящей лавой настоящий мост. На мгновение Ривке засомневалась, можно ли по этому мосту идти, выдержит ли.

Потом поняла: можно.

Потому что с той стороны огненного озера по мосту неторопливо, размеренно шагал силуэт, похожий на помесь цыпленка, древесной жабы и абиссинского белого носорога. Величиной, к сожалению, несколько ближе к последнему, чем к первым двум. К сожалению – поскольку сомнений в его дружелюбии было куда больше, чем в его враждебности.

– Назад, – приказал рыцарь девушке, а сам осторожно ступил на костяной мост.

Рогонос довольно кивнул, не замедляя и не ускоряя шага.

Ривке собрала в горсть белое пламя и приготовилась ударить. Если дело пойдет туго – пускай лучше Вильфрид узнает, собственными глазами увидит, что она и вправду колдунья, нежели будет учиться, как саламандра, плавать в лаве.

Орнамент на лезвии секиры засиял небесной голубизной, в тот же цвет окрасились рога шлема. Ни саксы, ни тем более Ивриим знатоками тайных сказаний о народе Dwaergar не были. Однако почему-то и Ривке, и Вильфрид сразу поняли, что это означает.

Так оружие дуарга предупреждало своего владельца, что он ввязывается не просто в драку, а в битву с порождениями преисподней. С демонами, способными уничтожить не только плоть смертного, но и его сущность. Его душу, если угодно, хотя имелась ли у Дуэргар душа – вряд ли кто-то теперь узнает.

Рыцарь крепче стиснул челюсти, и когда Рогонос понесся на него, набирая скорость – бросился под ноги демону. Тот подпрыгнул – но недостаточно высоко, споткнулся о тело противника и кувыркнулся вперед. Вильфрид вывернулся, не давая тяжеленной туше повалиться на себя, и с размаху рубанул Рогоноса по спине. Секира дуарга не подвела, войдя в плоть демона чуть ли не на треть; тот завыл и рывком вскочил, выбив рукоять из пальцев противника. Взмах когтистой лапы цели не достиг – Вильфрид уже отскочил, выдирая из ножен клинок. Повторный удар скользнул по щиту. Затем широкий меч рыцаря полоснул Рогоноса по морде, однако это была лишь царапина. Вновь ударил демон, вновь рыцарь отпрыгнул и сделал выпад, но длинный рог, которым житель Геенны еще и умел фехтовать, подцепил клинок и могучим круговым движением вышиб его из рук Вильфрида. Меч описал дугу, падая в огненное озеро, и с шипением растворился в лаве. Рыцарь выдал любимую фразу Леорикса насчет того, что кое у кого слишком корявая рожа, и ее надо бы отполировать, и когда Рогонос вновь нацелился пырнуть его в грудь – развернулся на месте, «полируя» морду демона железной оковкой щита (спасибо Грызю, крепко сработал). Пригнувшись, сакс проскользнул под взметнувшейся лапой, и вырвал секиру из спины противника. Когда Рогонос снова развернулся, чтобы атаковать, секира рухнула ему на левую сторону черепа и раскроила его от уха сквозь глаз до самого рога. От удара Вильфрид и сам упал на колени, но он-то поднялся, а вот демон – уже нет.

* * *

Массивная книга была раскрыта примерно посередине, однако толстый слой пыли покрывал и ее, и все в комнате. Изельде чихнула, потом осторожно протерла страницы. Открылась неразборчивая гравюра и краткая, плохо рифмованная

подпись, которая гласила:

Залу героев – сумерки боя,
Ищущим злата – костей палата,
Бронзовой чаше – кровавая каша,
Бросившим знамя – Адов Пламень.

Изельде неодобрительно хмыкнула, закрыла книгу, прочла вычурную титульную надпись – «Librum Pugnarum». Еще раз хмыкнула – уж больно претенциозно выглядело «Книга Битвы». Все же сочла, что даже такой информацией нельзя пренебрегать, и с усилием подняла шестнадцатифунтовый фолиант со стола.

За спиной королевы Лоррейна неслышно выросла высокая фигура в багряно-алом балахоне, с вычурным посохом. Голова отсутствовала, но то место, где она должна была находиться, венчала узкая железная корона…

Будь безвестный страж книги обычным дохлым воином, каких в пещерах шастало немало (гвардейцы уже начали соревноваться, кто больше уложит, опытному бойцу не составляло особого труда разобраться с двумя-тремя беспокойниками зараз), или не совсем обычным воином дохлого храма (как окрестили иногда встречавшихся мертвяков в доспехах храмовников: таких заваливали, безопасности ради, втроем или вчетвером, проверять, правду ли говорили разбойники о встрече в соборе, никто не хотел), – тут бы Изельде и пришел конец. Однако Багряный пустил в ход силу не совсем природного происхождения, а Изельде обладала способностями Ловчего и такое почуяла бы не с двух – с двухсот шагов. Струя клокочущего жара лишь слегка опалила ее платье, когда королева нырнула за дверь, во все горло призывая на помощь.

Помощь подоспела быстро, рядом как раз случилась Марион. Бросила стрелу на тетиву, всадила ее в грудь Багряному, что как раз выплывал из двери. Багряный только покачнулся, как если бы пустой балахон просто болтался на вешалке. Выругавшись сквозь зубы, второй стрелой девушка сшибла железный венец с головы, которой не было. Доминик, также подоспев на зов, ударом палицы смял дырявый балахон в нечто, похожее на скомканную половую тряпку. Сноп искр и алого пламени заставил гвардейца отскочить, заслоняя рукой глаза, но этим все и закончилось.

– Однако, – задумчиво произнесла Изельде. Если Книгу Битвы сторожили, это обозначало, скорее всего, что кому-то вовсе не хотелось, чтобы до нее добрались идущие ВНИЗ – точнее, те из них, кто умеет думать и читать.

Она наугад открыла фолиант где-то в начале. Вновь –

неразборчивая гравюра, и подпись:

Железный вервий – тому, кто верит,
Лишенным крова – покои гроба,
Корона мертвых – подарок черта,
Алтарный камень – Адов Пламень.

– Бред, – только и могла сказать королева. И на всякий случай решила открыть книгу ближе к концу.

Бессмысленная гравюра и четыре «рифмованных» строки:

Чертоги стали – стоять устали,
Отродьям ада – лишь смерть наградой,
Под нож возляжет – спутавший пряжу,
В хрустальной раме – Адов Пламень.

– Ой, бре-ед, – повторила Изельде, с досадой захлопнув «Librum Pugnarum». – Что там, Готторм?

– Вроде нашли ход дальше… приказано оставаться поблизости, а всех нас не хватает. Будем двигаться вглубь?

– Да, наверное. Марион, Доминик – не отставайте.

* * *

Тромм и Ротт бились бок о бок. Сакс к этому времени лишился топора и дрался оружием одного из погибших гвардейцев. Монах словно и не замечал, что мертвецов вокруг становится все больше… ходячих мертвецов, в смысле. С нечеловеческой размеренностью вздымалась и опускалась его булава, с каждым разом очередной противник отлетал прочь с раздробленной грудью, снесенной конечностью или размозженной башкой. Однако вместо одного беспокойника возникали два других, даже неутомимый Тромм чувствовал, что долго так продолжаться не может.

– Хельми, отступай! – выкрикнул он, пятясь и прикрываясь щитом.

Ротт что-то проворчал, но повиновался. И когда монах решил, что уже не зацепит никого из своих, он вновь взметнул булаву и вычертил в воздухе косой крест, благословляя упокоившиеся души и одновременно проклиная последними словами их ближайших родичей.

Благословляющий знак святого Андра вспыхнул холодным

бело-голубоватым пламенем. Вспыхнул и мертвяк; затем запылал еще один, рядом с первым, потом двое, что стояли сбоку от него… и через несколько мгновений пещеру впереди затопило целое море голубовато-белого пламени. Смертельного для мертвецов (ха!), и вероятно, живым оно бы не причинило вреда – но в последнем Тромм уверен не был, а проверять не желал.

Проход был расчищен, от мертвяков осталось только несколько кучек пепла; однако монах опустился наземь и обессиленно привалился к стене.

– Ты как, в порядке? – спросил Вильхельм.

– Еще не знаю, – не открывая глаз, отрешенно промолвил Тромм, – спросишь денька так через два… – И захрапел.

Сакс сперва опешил, потом пихнул приятеля в бок, потом затряс. Без толку; отчаявшись, Ротт заорал ему прямо в ухо:

– Эль привезли!

– Где?! – вскочил монах.

Вильхельм покатился со смеху. Разъяренный, Тромм заехал ему по уху, но своего сакс добился. Спать монаха больше не тянуло.

* * *

– Входи, – проговорила Адрея, когда ночной гость, полагая, что подобрался к хижине незаметно, вознамерился было постучать в дверь – и тем самым уничтожить весь эффект незаметности.

Молодой человек – зеленая, лудунского сукна куртка, арбалет за спиной и окованный серебром рог у пояса – с некоторой опаской заглянул в жилище ведьмы. Та полулежала на широкой лавке, опираясь на подушку и натянув клетчатый гэльский плед до подбородка.

– Алан из Зеленой лощины, менестрель из отряда Доброго Робина, – проговорила Адрея. – С чем пожаловал?

– Где они? Где Робин, Йэн, Марион?

– Не знаю, – честно ответила ведьма. – Где-то ВНИЗУ. Уже второй день, пока не выходили.

– Сколько… – Алан сглотнул, потом закончил: – как долго человек может пробыть ТАМ, оставаясь…

Адрея пригляделась к гостю повнимательнее. Умные вполне заслуживают этого. И заслуживают прямого ответа на прямой вопрос.

– Два дня, если силен. Четыре, если упорен. Семь, если ему есть ради чего возвращаться. Девять – если знает, что должен

пройти до самого конца, знает душой и сердцем, а не только головой. Но это крайний срок. После – все.

– Откуда ты это знаешь?

– На дурацкие вопросы я не отвечаю, – отрезала ведьма. – Говори дело или поди прочь.

– Есть ли еще…

– Есть.

– А могу ли…

– Можешь. Но не советую. ТАМ и так чересчур много народу; победить все равно дано только одному, чем больше у него спутников – тем больше врагов им будет противостоять и тем больше крови прольется, а пролитая ТАМ кровь дарует силу… сам знаешь кому. Ты не поможешь им, только помешаешь. Сейчас у них есть возможность справиться.

– Сейчас. А потом? Если не справятся, а выйти не смогут?

Адрея пожала плечами.

– Не загадывай наперед, вот тебе лучший мой совет.

– И все-таки?

– Если не справятся и не смогут выйти, я покажу тебе путь ВНИЗ. Не раньше. Понял? Тогда, возможно, ТЫ их выведешь. Слышал легенду об Орфее?

– Нет. И не хочу слушать.

– А я и не собираюсь рассказывать. Просто поверь: арфа ТАМ может оказаться куда более сильным оружием, чем арбалет. Если сумеешь выдержать, не сдашься сам.

Алан глубоко вздохнул, задержал дыхание и через минуту с шумом выпустил воздух из легких.

– Признаться, я не за этим сюда пришел.

– Знаю. А уйдешь – с этим. – Ведьма закрыла глаза и повернулась лицом к стенке. – Закрой дверь, будь так любезен, – сквозит…

…Сквозит, ветер на дворе, сырой; уходи, Алан Таль, менестрель из Зеленой лощины, уходи, пока дверь еще открыта – увы, знаю, ты не уйдешь, ты не можешь уйти, ибо потерял способность видеть окружающий мир иначе как через цветной витраж, на котором изображена Диана-Охотница с лицом безрассудной Марион… ты не видишь, и ты знаешь, что не видишь, и она тоже это знает, но витражу выбирать не дано, а сам ты – не хочешь видеть иначе, и только стихами да песнями своими признаешься, что когда этот витраж будет разбит – разобьются и твои глаза…

* * *

Тяжело. Темно. Тесно.

Страшно.

Обидно. Противно.

Надо. Надоело. Надо. Надо – ело.

Все равно – надо.

Все равно. Теперь – все равно.

А если нет?

А если нет – можно. Сколько? Цельный воз.

Воз – можно. Возможно…

…Земля вскрылась с глухим горловым стоном, вытолкнув его наружу. Не всего, конечно, тело успело раствориться в жадной, плотоядной почве полностью, но тело – это так мало…

– Да и проку от него никакого, – хихикнул ставший тенью Вир.

Переход
Ключ

Дни тащились неторопливо, как полудохлая кляча, запряженная в тяжело груженую повозку, причем сидящие в означенной повозке вполне резонно опасались подгонять заморенную животину кнутом, ведь в случае чего повозку им придется тянуть самостоятельно.

На третий день после ухода Изельде и разбойников ВНИЗ стоявший в соборе дозор услышал какие-то неразборчивые вопли и лязг оружия за дверью усыпальницы. Не утерпев, гвардейцы ворвались внутрь… и капитану Ангусу пришлось вычеркнуть еще два имени из списка живых (впрочем, списка он все одно не смог бы составить, ибо грамоте обучен не был).

На четвертый день (вернее, ночь) исчез караул в восточном конце долины, около «секрета» Робина – как раз там пропали сэр Вильфрид Ивинге и Ребекка. Два гвардейца и один из пришедших из лесу приятелей Доброго Робина, вроде бы парни осторожные и неглупые, предупрежденные об участи соратников – но и они как в воду канули, не оставив и следа.

На пятый день Алан, прогуливаясь около холмов на севере, обнаружил, что исчез труп того мальчишки-калеки. Яма, где Алан зарыл тело – причем не сообщив об этом никому! – скалилась влажными комьями глины и песка. «Могилу» словно бы чем-то окропили – а затем труп вылез из нее сам! И еще одно: это «что-то» весьма напоминало кровь.

На шестой день двери усыпальницы под собором были найдены открытыми, а в новеньком гробу из черного мрамора покоилось тело королевы Изельде. «Pax huic mundo», значилось на полуоткрытой крышке; надпись обрамляли лавровые листья, переплетенные с обломками венца, и все это светилось золотом даже в полутьме собора. Входу в чертоги мертвых никто не препятствовал, не воспрепятствовали неведомые силы и вынести гроб вместе с телом. Но как только Ангус, который замыкал печальное шествие, переступил порог – двери с грохотом замкнулись, а внутри лязгнул засов.

Следующим утром, когда последние гвардейцы решили вернуться в Верден и увезти с собой тело Изельде, – собора не было.

Вообще.

* * *

На границе Альмейна и Вестфалии, в совместно отстроенном городе Мюнстере, что не принадлежал ни саксам, ни альмам, раз в два года, в канун Дня Урожая, происходила встреча. Даже – Встреча, как ее вопреки всем распоряжениям кое-кто называл.

На встрече обычно присутствовали четыре персоны. Двое – верные чада матери-церкви, один из которых всегда был Ловчим. Зачастую – давно отошедшим от «дел мирских» и занявший более высокое место, где-то в иерархии Malleus Maleficorum. И двое – malefici, представители нечестивого объединения колдунов, с коими церковь враждовала уж который год. А точнее, уж который век, ибо корни этих распрей уходили глубоко в дохристианские времена – церкви и священников в теперешнем понимании тогда, разумеется, не существовало, но орденов, храмов и жрецов – хватало.

Встреча, однако, не задумывалась как поле для проведения поединков. Это место и время было договорено выделить для возможности мирно обсудить кое-какие взаимовыгодные вопросы. Ведь даже во время больших и кровавых войн представители враждующих армий всегда могут поднять знак мирных переговоров, и если разговор ни к чему ни приведет, – что ж, произошло это не оттого, что они не пытались решить дело без кровопролития. Хотя бы в собственных глазах.

И встреча отнюдь не была пустой формальностью. Кое о чем порою удавалось договориться.

Примером мог стать сравнительно недавний случай крестьянского мятежа в Бауэре, чьим «духовным лидером» был какой-то ворожей-франк, использовав одержимость своих подчиненных и активно выступая за возвращение порядков пращуров, когда о каком-то Христе и речи не было; чародеи из Грауторма согласились устранить ворожея, ибо фанатиков не любили вне зависимости от того, это свои фанатики или чужие. Ну а уже с самим восстанием местные власти разобрались, как полагается.

Примером могла стать и смерть Аттилы, когда церковь (в то время «Молота» еще и близко не существовало, это было еще до падения Империи, в 457 году от рождества Христова) возопила о помощи, ибо дикари-гунны уничтожали на своем пути в буквальном смысле все; гэльская волшебница предложила свои услуги за некоторое вознаграждение (не деньгами, ответными услугами) – и вечером накануне сражения кровавый вождь гуннов, Бич Божий, был зарезан неведомо кем.

Разумеется, платить приходилось всегда, малефики никогда

ничего не делали за просто так. Иногда же, напротив, что-то нужно было чародеям: скажем, выкупить жизнь одного из своих, которого Ловчие поймать поймали, но еще не организовали ему правильного костра. Церковь шла и на это, если предлагалась достойная цена. Речь о деньгах заходила редко, хотя случалось и такое – например, в год смены четырех италийских кардиналов кряду, а год, как на грех, выдался голодный и несчастливый; чтобы наполнить опустевшую церковную казну, малефики потребовали сохранить тринадцать жизней своих собратьев, коих несколько позднее назовут сами. Скрипя сердцем (именно так!), иерархи «Молота Малефиков» подписали соглашение, и два дня спустя из Грауторма доставили подробнейшую карту с указанием местоположения богатого клада античных времен, упрятанного в пещере на юго-восточных склонах Альп. Сокровище отыскалось и церковный кризис был благополучно погашен; кстати, отчасти именно это через два года помогло созвать Вселенский Собор – и наконец покончить с вековыми раздорами, соединив разрозненные ветви единого христианского вероучения…

Почти каждый раз на встрече обеими сторонами назывались имена отступников, за исчезновение которых из мира живых святая церковь и «Молот» не будут преследовать убийц, а сообщество чародеев не станет мстить. Список этот редко бывал длиннее пяти-десяти имен.

Таким его представили и теперь. Ничего неожиданного.

Вот только одно имя оказалось в двух списках сразу. «Лазарус, епископ Страсбургский» – в церковном; «Лазарус, чернокнижник из Страсбурга» – в списке Грауторма. И разумеется, описание, каков собой этот Лазарус, совпадало до мелочей.

Малефик-ведун Гуннар и иерарх Рихард фон Урталь переглянулись, торжественно встали и обменялись крепким рукопожатием. Подробности, что последовали затем, были, конечно же, важны для дела в целом, но намного уступали самому мгновению искреннего единодушия двух враждующих сторон, не способных к мирному сосуществованию. И последнее – не обоюдное их заблуждение, а непреложный факт.

Увы.

* * *

Зачем в крошечном городке, что, по чести сказать, и не было городом, сиречь огороженным стеной поселением (нельзя же считать стеной покосившийся забор, местами вовсе замененный

простым плетнем!), возводили массивный кафедральный собор, какой стоял далеко не в каждом из крупных городов Европы? На весь Лоррейн раньше было только два храма такой величины – в древнем Лудуне и в пограничном Страсбурге, – однако ни народ, ни правители не проявляли никакого желания строить еще один. Оно конечно, у простого люда никто особенно не спрашивает, но все-таки мудрые правители обычно знают, чего бы хотелось их подданным. Это не значит, разумеется, что все желания подданных подлежат незамедлительному выполнению – подобной ереси ни один безумец даже не вообразит, не говоря уж о том, чтобы высказывать такое предположение вслух.

Однако неполных шесть лет назад началось усердное строительство. Побив все мыслимые рекорды скорости, за этот срок зодчие подняли храм; правда, уступавший лудунскому и страсбургскому, не говоря уж о кельнском, трирском или мюнстерском, однако значительно превосходивший любую обычную церковь или святилище. Собор Святого Тристрама, так его желали назвать. Трудно судить, насколько там святым по церковным канонам был рыцарь Круглого Стола Тристрам-Тристан (каковой и рыцарем-то в нынешнем понимании этого слова очень навряд ли являлся), но название наверняка должно было прижиться. В конце концов, чем это хуже храма Святого Юргена в Линце или собора Святого Теобальда в Трире?

Строительством командовал тот самый Лазарус, епископ Страсбургский, он не раз до того выражал желание оставить шумную епархию и поселиться где-нибудь на отшибе, но не имел склонности к монастырскому отрешению от мира. Судя по всему, тристрамский собор и должен был стать этим «отшибом». Средства для постройки Лазарус, что самое странное, в основном изыскал сам, обращаясь к распорядителям церковной казны в Альмейне и Италии лишь по мелочи, лоррейнскую же казну и вовсе потревожил только в самом конце. Причем «изыскал» отнюдь не значит «временно ввел подушную подать по всей епархии до завершения строительства». Где епископ взял такие деньги, навсегда осталось загадкой.

Впрочем, и недоумевать-то об этом стали лишь после непонятного исчезновения Лазаруса в глубинах им же отстроенного собора.

Да и ответ искать как полагается начали несколько поздновато – когда тот же самый собор, сам сгинув невесть куда, стал могилой для Леорикса и Изельде, не упоминая уж о полутысяче простых жителей Тристрама и округи, и полусотне гвардейцев Лоррейна…

* * *

Поздним вечером того же дня, когда исчез собор, Адрея распахнула дверь «Подсолнуха», метнула два кратких взгляда, точно вырвав из всех сидящих Ангуса и Алана, развернулась и вышла. Капитан и разбойник переглянулись, вскочили и выбежали наружу.

– Пошли, – кратко заявила ведьма.

Куда – спрашивать ни тот, ни другой не пожелали, потому что уже который день сидели как на иголках. Оба были готовы ко всему, и буквально не расставались с оружием и броней (последнее, правда, больше касалось Ангуса, менестрель и щита-то не носил).

Направлялись они, однако, не куда-то за пределы Тристрама, а к хорошо знакомой кузне. Хризвальд зачем-то вытащил наружу наковальню и переносной горн и вовсю качал мехи, раздувая пламя. Рядом в темноте угадывались еще двое, но лица их были скрыты.

– Вы, видевшие начало, – нараспев проговорила Адрея, – жаждете ль зреть конец?

– Пчелам, лишенным жала, более жизнь ни к чему, – сипло отозвался из темноты Пепин.

– Тем, кто способен помнить, лучше уйти во тьму, – прозвучал хриплый, с надрывом женский голос – старой Марги, которая грузно опиралась на плечо лекаря.

– Нет у предавших дом свой права носить венец, – завершил Грызь и дважды грянул молотом о наковальню.

Точнее, по тому, что на ней лежало, – в темноте не было видно, над чем именно столь усердно трудился кузнец.

Взгляд ведьмы уперся в Алана. Менестрель не очень-то знал, что и почему должен сказать, однако слова пришли сами.

– Вы, видевшие начало, двери откройте нам!

– Руки сильнее стали, дух горячей огня, – одобрительно отозвалась Марга и закашлялась.

Но кашель не мог заглушить слов Пепина:

– Сильный – войти не сможет, силой к себе маня.

– Те, кто играют ложью, счет не ведут годам, – отрезала Адрея.

И ее взгляд на сей раз кольнул Ангуса. Тот не колебался, хотя никогда не был стихотворцем.

– Вы, видевшие начало, дайте нам свет в пути!

– Вы, видевшие начало, тьме отведите глаза! – подхватил разбойник, начиная чувствовать себя участником непонятного спектакля. При всем том кошмаре, что уже случился и еще ждал

впереди – здесь и сейчас этот странный спектакль Алану даже нравился.

– Мертвыми иль живыми – мы не свернем назад! – рявкнул гвардеец, для пущего эффекта кладя руку на рукоять топора.

– Знающим свое имя – можно вперед идти, – кивнул кузнец и ударил так, что расколол свою наковальню.

Молчание было почти осязаемым. Хризвальд наклонился, что-то нащупал в темноте, облегченно фыркнул и несколько раз процарапал по этому «что-то» ногтем, твердым, как нож.

– Возьми, – проговорил он уже обычным своим голосом, вложил Ангусу в левую руку горячую металлическую пластинку и заставил его сжать кулак. Острые края врезались в ладонь, гвардеец поморщился. – Сильнее, – приказал Грызь и сам сдавил руку капитана гвардии. Боль стала еще сильнее, металл словно въедался в кожу… и нагревался, прижигая рану.

– Достаточно, – заметила наконец Адрея. – Посмотри.

В центре ладони Ангуса сиял металлический овал размером с венецианский цехин. Ночью, в слабых звездных лучах, он казался серебристым. Гвардеец несколько раз сжал и разжал кулак; металл не отставал от кожи, он был теперь един с нею, оставаясь, однако, металлом. Боль не исчезла, но стала настолько слабой, что ее можно было вовсе не замечать.

– А теперь – дверь, – произнесла Марга, и снова закашлялась. – Не надо, Пепин… – остановила она лекаря, – мне уже все равно… не помочь.

Неподалеку от домика Пепина валялось несколько валунов, оставленных тут, судя по всему, еще древним ледником, когда тот отступал на север. Марга уверенно ткнула пальцев в один из камней.

– Приложи…

Ангус пожал плечами, но к этому моменту он уже был готов поверить во все что угодно. И коснулся левой ладонью шершавого камня; не толкнул, просто коснулся. Глыба в полтора человеческих роста послушно откатилась в сторону, открывая отверстие, что даже в ночи зияло потусторонней чернотой. Ширина колодца была локтя в четыре, но не виднелось и намека на ступени или упоры.

– ВНИЗ, – молвила ведьма. – Выводите всех, кроме одного.

– Кого?

– Узнаете на месте. И – удачи!

– Удачи! – согласно отозвались три голоса.

Капитан еще раз взглянул вниз, еще раз пожал плечами, поправил топор и подвешенный за спину щит – и сиганул вниз, как будто прыгал «солдатиком» в глубокое озеро. Алан проверил,

надежно ли укреплены на перевязи арбалет и колчан, не выпадет ли из ножен тесак – и последовал за ним.

Когда мир сходит с ума, для борьбы с ним нужны безумцы…

…Такие же безумцы, каким был сам Тристан из Лионесс, который буквально ломился сквозь закованные в металл ряды саксонской пехоты, небрежно отбрасывая могучих воинов, что осыпали его ударами боевых топоров и палиц, отбрасывая их – и прорубая себе дорогу к знамени с белым драконом… безумец, который разил наповал и не помышлял о защите, хотя доспехи его пробиты в десяти местах, а из десяти ран сочится кровь… безумец, который смел великанов-телохранителей Хенгиста и Хорсы, братьев-королей, и двумя ударами меча оставил саксонский трон – пустым… безумец, преследуемый по пятам старым королем Ормом, которого даже враги уважительно зовут «старым драконом», – и вместо того, чтобы отступать, заманивая Орма к Вьенне, где уже собирается армия Пендрагона, – он искал место для достойной встречи… безумец, который нашел такое место, как раз здесь, на берегу Мозеля, рядом с пещерным капищем, где жила девчонка, что возомнила себя могущественной ведьмой…

Врут легенды, врут! не Изельде Белорукой звали ту, что полюбила Тристана, не надеясь, не осмеливаясь надеяться на ответное чувство!.. Но разве этим поэтам да сказителям что докажешь, коли у них «Тристан» иначе как с «Изельде» не рифмуется, не сходится… а он и не смог сойтись с нею, не смог или не захотел – теперь неважно, теперь она одна знает, как сошлись дружина Орма и смертельно раненный старым драконом Тристан из Лионесс… знает, но не расскажет, потому что людям нужны легенды, а не правда, в которую поверить куда сложнее, чем в любую сказку… потому что это – принадлежит ей!..

Ступень четвертая
Меч и посох

Странно, но здесь, у самого очага расплавленной лавы, было заметно прохладнее, чем на середине лестницы, да и сернистая вонь не так досаждала. Ривке намеренно не старалась понять, в чем тут дело, а Вильфрид и не задумывался о таких вещах, справедливо полагая Terra Gehennae лежащей вне всех законов и правил, каковые имеют власть на земле.

Костяной мост неприятно хрустел под ногами, но оказался достаточно надежен, и они благополучно перешли через огненное озеро. Затем обошли заросли черных грибов, которые показались девушке весьма подозрительными, наткнулись на стайку тварей вроде шакалов или диких собак (трех взмахов секиры и двух трупов хватило, чтобы заставить их держаться подальше), заметили издалека другого Рогоноса и счастливо избежали встречи с ним. Потом встретилась еще одна стая шакалоподобных существ, однако голубое сияние секиры Dwaergar подсказало, что с этими тварями лучше без нужды не связываться. Собственно, Вильфрид этого делать и не собирался; сакс не то чтобы страдал излишним миролюбием, но любой рыцарь старался не ввязываться в грязный бой, когда под его защитой находилась прекрасная дама, а Вильфрид был более чем далек от мысли, что жители Геенны в случае чего станут драться в согласии с кодексом чести. Конечно, в легендах иногда сказано иное, однако сакс почему-то им не доверял.

Еще некоторое время прошло в блужданиях по пещерам, кое-как освещенных ручейками лавы и пламени. Ривке понимала, что путь вниз, descentum, не окончен, что настоящий ад, где сокрыто сердце всех этих невзгод, где-то впереди… но чувство направления ей здесь изменило. И когда из полутьмы выплыли черные клыки символического ограждения, она сперва не узнала, что перед ними. Хотя слышала об этом месте, и не раз. Во плоти здесь очень мало кто бывал, а вот ВИДЕЛИ его – во снах, или еще как-нибудь, – довольно многие.

Девушка закрыла глаза и до хруста стиснула кулаки. Чувствуя ее напряжение, рыцарь бросил быстрый взгляд вокруг, но ничего такого не увидел. Скальный уступ, огражденный редкими изогнутыми клыками неведомых чудовищ; сизая, холодная чернота впереди и багряно-рыжие всполохи огня позади.

Однако Ривке смотрела глубже и дальше. И хотя не способна

была поведать, что именно видит, не могла она и промолчать. И заговорила – но не на наречии Галлии или Альмейна, родных для половины Европы, и не на общеевропейской Latina vilgata, Latina minor – как называли малограмотные потомки варваров-завоевателей Империи «собственную версию» чеканной Lingua Mediterrania. С уст девушки сполохами призрачного, прозрачного огня срывались слова арамейского, и совсем не потому, что она не желала, чтобы ее понял кто-то другой.

Впрочем, Ривке не задумывалась, с какой целью говорит – и даже кричит! – именно так и именно это.

Слева – холодная, скользкая Тьма,
Справа – жестокий жар Света.
И между ними – златая струна,
Путь, где спокойствия нету.

Нам говорили – ни шагу назад, —
И ни на грош не солгали:
Тех, кто отстал – ждали муки и ад,
Больше мы их не видали.

Снизу – Геенны кипящий котел,
Сверху – деревья Эдема.
И между ними – златой ореол,
Путь, где встречаемся все мы.

Нам говорили – нельзя здесь стоять, —
И не солгали и в этом:
Тех, кто замешкался – ждала Печать
Трех патриархов Завета.

Слева – Порядка бесстрастный янтарь,
Хаоса омут – направо.
И между ними – златой наш алтарь,
Путь избежавших расправы.

Нам говорили – не думать, идти.
Верно и это, признаться:
Тем, кто увел свои думы с Пути,
Больше на Путь не подняться.

Сверху – небес бледно-синий кристалл,
Снизу – багровая тина.
И между ними – сверкает металл,

Путь золотой середины.

Нам говорили – нет выбора здесь, —
И это правда, быть может:
Тот, кто купился на злато и честь,
Вскоре пресытился ложью.

Сзади – Путь смерти, обмана, угроз,
А впереди – неизвестность.
Но мы не ждем ничего, кроме гроз
И неоконченных песен.

Мы говорим – не сдавайся, вперед!
Истина – в битве с сомненьем,
В битве за право увидеть восход
Там, где лишь сумрак и тени…

Над пропастью возник невидимый для обычного зрения мост – даже не мост, просто нить из бледного золота. Однако по этой нити можно было пройти. Если смотреть вперед, а не по сторонам – или, что еще хуже, вниз.

Девушка медленно открыла глаза. Нить, конечно, исчезла из виду, но она все еще была там. Ривке уже подбирала слова, чтобы объяснить рыцарю, как и куда надлежит ставить ноги (и что за чертовщина здесь вообще происходит), но тут на ее плечо осторожно легла рука, затянутая в прочную кожу с мелкими металлическими нашивками.

– Я немного понимаю язык Нефилим, – сказал Вильфрид.

Девушка недоверчиво взглянула на спутника. Сакс улыбался – едва заметно, но улыбался. Она уже и не надеялась увидеть когда-нибудь такую улыбку…

– Мы почти два года торчали в Палестине, кое-что я оттуда унести сумел. Пусть это не великое богатство, и даже не святость родной земли Господа нашего, – но все же…

– Вильфрид, я…

– Не надо. Я давно знаю это.

«Что – это?» – чуть не переспросила Ривке. Но сразу же сама ответила на свой вопрос.

Тот, кто сам побывал в Земле Обетованной, тот, кто воочию видел истоки древнейшей силы из всех ныне здравствующих, – пожалуй, наивно было полагать, что он не сможет увидеть и распознать эту силу. Особенно находясь рядом с нею.

Наивно было полагать, что видевший края полной власти

Господа Сущего – не сможет увидеть эту суть в живой плоти, а не в земном прахе…

* * *

"*Это старое место. Под собором – подземные коридоры, проложенные теми, кто старше человека*," – упреждала Адрея. И была права. ЭТИ – старше человека.

Существа, что наседали на поредевший отряд, походили на массивных низкорослых людей с тяжелыми козлиными головами. Ноги их заканчивались острыми раздвоенными копытами, лишенные одежды тела покрывала короткая, густая шерсть различных оттенков серого, черного и рыжевато-бурого, а глаза… глаза, в которых зрачок терялся в безумной черноте радужной оболочки, совсем не были глазами зверей. Вооружение Козлов составляли либо короткие, тяжелые топоры-клевцы, либо еще более массивные клювастые кирки, что прошибали даже латные нагрудники. Сами они брони не носили, однако сколочены были чертовски крепко: скользящие удары копий, клинков и палиц особого вреда Козлам, похоже, не причиняли.

Робин оставался за старшего – большая часть гвардейцев полегла вместе с Изельде, напоровшись на стайку безумных летучих мышей, которые плевались молниями; люди, что еще остались в живых, тянулись за ним, чуя ореол вожака, – однако на то, чтобы отдавать хоть какое-то подобие приказов, ни сил, ни времени не оставалось. Самое большее, что мог еще делать Лох-Лей – и делал, другого выхода не было, – так это указывать мечом в нужном направлении. Избегать ловушек подземелья ему покуда удавалось. Чутье на опасность, которое столько раз уже выручало всю лесную вольницу, пока не оставляло Робина. Пока.

От усталости сводило все на свете, люди только что на ходу не засыпали, а те, кто заснул – не просыпались, съеденные во сне собственными кошмарами. Схватившись с какой-то огромной сколопендрой, погиб Ротт. Тромм был жив, однако драться больше не мог – перебитая правая рука висела плетью. Йэн с трудом еще что-то вокруг себя различал: все та же сколопендра, хлестнув хвостом, прошлась ему по физиономии; глаза чудом остались невредимы, но заплыли почти полностью. Сам Робин едва ковылял, одна Марион пока оставалась цела, потому что почти не ввязывалась в ближний бой. Уцелело десять гвардейцев, но сражаться – не в полную силу, хоть как-нибудь – могли только шестеро.

Наконец строй Козлов рассыпался и люди прорвались в

следующую пещеру, где перекрыли проход несколькими плитами, камнями и брусьями – судя по всему, именно для этого их и предназначали, у Козлов тут было что-то вроде склада. Пока удары тяжелых орудий не сокрушили преграду, можно было оторваться от преследования. Но для этого неплохо бы сперва узнать, куда идти в этих Богом проклятых подземельях…

Особого выбора, впрочем, не имелось. Перевели дух – и двинулись по проходу, что уводил куда-то на север, если это что-либо значило…

Временами на стенах попадались зеленовато-желтые отметки, которые светились сами собой. Никакого колдовства, «фосфоресценция» – всякий, кто в шахтах бывал, такое знает. Разбирать сами метки ни у кого не возникало желания, но когда число их возросло настолько, что в факелах больше не было нужды, Робин сообразил: впереди ждет весьма важное для Козлов место, если, конечно, отметки эти сделаны ими. Атаман разбойников дал команду «приготовиться», и попросил Марион и одного из гвардейцев поздоровее сходить и проверить, только потише

Девушка вернулась почти сразу.

– Что-то вроде храма. Зал, жертвенник, большая такая наковальня, и в ней торчит меч. Стража не шибко большая… можем пробиться. Хорст в укрытии, следит.

– Меч в наковальне? – немного оживился Тромм. – А не артуров ли это Экскалибур?

– У Артура камень был, помнится, – отозвался Йэн. – «Тот, кто достанет сей меч из камня, есть король Логрии по праву рождения», вроде бы так пророчество звучало… Хотя я давненько эти сказки слышал, мог и напутать чего.

– Если это и впрямь Экскалибур, – отрешенно сказал Робин, – какой Козел с ним совладает, а?

Надежда сверкнула в темноте как молния и пробежала по кругу измотанных, полудохлых от ран и усталости людей. И молния эта придала им достаточно сил, чтобы встать и сделать несколько шагов к тому, что Козлы по им одним ведомой причине превратили в храм. А что из пришедших в подземелье никто по праву рождения не является не то что королем Логрии – даже принцем, даже герцогом, даже наследником подобного титула, – к великому счастью, эта мысль так и не возникла.

И когда стражи-Козлы, изрубленные, рухнули к подножью жертвенника, а вместе с ними один из солдат, Донал, – Робин Лох-Лей с уверенностью, которой никогда доселе не ощущал, потянул руку к крестовидному эфесу из тусклой бронзы.

Ударил гром.

Возникни при этом из ниоткуда колонна яркого дневного света, в середине которой оказались бы наковальня, меч и Робин, – не осталось бы никаких сомнений, что разбойничий атаман – Избранник Неба, и сей меч, Экскалибур он там или нет, вручен ему во исполнение священной миссии – очистить тристрамские подземелья от нечистой силы в целом и нечисти в частности. После чего, конечно, все раны и усталость у спутников героя исчезли бы как по мановению руки, а успешное окончание похода стало бы значительно более простой задачей, чем его начало.

Света, увы, не появилось. Зато сквозь разверзшиеся своды подземелья рухнули две фигуры, которые непонятно каким чудом приземлились на ноги, да еще и не разбились при падении. Вздрогнув, Робин вырвал меч из железных ножен наковальни, готовясь к бою; но вначале он понял, что никакого боя не будет, потому что пришельцами оказались капитан Ангус и Алан-менестрель, и только потом – сообразил, ЧТО сделал.

Возгласы радости и изумления стихли, когда Робин воздел над головой длинный меч. В торжественном молчании он осмотрел клинок – оно конечно, волшебному оружию положено быть острым подобно алмазу и всегда готовым к битве, однако волшебства-то он как раз никакого и не чувствовал, меч как меч. Стальное лезвие действительно оказалось отточенным, пускай и не до бритвенной остроты, а как боевому клинку и положено – чтобы мясо и кости рубил, но и об железо шлема и брони не выщербился, разве только об такой же вражеский клинок; рукоять из темной бронзы, без никаких там завитушек и самоцветов, тоже была рукоятью настоящего, боевого оружия. На широком бороздчатом клинке у самого эфеса плясали мелкие письмена.

– I-N-V–I-C-T-U-S, – по буквам прочел, сощурившись, Тромм. – Непобежденный.

– Меч Тристрама, если ничего не путаю, – заявил Алан. – Удачная находка, атаман, клянусь святой Бригиттой!

* * *

Здесь, молча сказал первый.

Двое из его спутников кивнули. Четвертый не соизволил сделать и этого – просто всадил посох в край взрыхленного пятна и медленно, прощупывая каждый ноготь пространства впереди, начал разведку. Мысль его обшаривала все подозрительные уголки в поисках отпечатков определенного рода, а поскольку таких отпечатков имелось много больше, чем необходимо, работа

продвигалась небыстро. Ну да торопиться, несмотря на «сверхсрочность» порученного дела, чародей все равно не намеревался. Цель ждала двадцать лет, подождет еще полдня.

Почувствовав постороннее присутствие, первый обернулся. Возникшую на краю леса женщину он не знал. Точнее, он не знал ее имени: ЧТО она собой представляет, вопроса как раз не было. Ведьма, и не из последних, причем не Ведающая, но Знающая. В чистом могуществе она, конечно, им не ровня, однако недооценивать таких «знахарок» чародеи отучаются в самом начале своего Пути, будучи зелеными учениками. Тех, кто не отучился, ждала участь удобрения для разных там лоз-цветочков-травок, которые необходимы знахарке для работы.

Хотя их и было больше, она здесь находилась на своей земле. Начинать разговор надлежало гостям.

«Специальная группа, Спектр, Грауторм,» – передал первый.

«Имена?» – последовал мысленный же вопрос.

Подразумевались, конечно же, не имена, а прозвища. Чародеи редко хранят в памяти, как их нарекли при первом рождении, зато хорошо помнят, какое имя-прозвание получили после первой смерти и вторичного рождения, на одном из начальных Испытаний. Имя это не всегда имеет аналог на всяком из земных языков, и поэтому может и не звучать осмысленно для не ведающих наречий иных миров.

У многих чародеев существует и третье имя, то, под которым они становятся известны после окончательной смерти; имя, служащее как бы кратким жизненным итогом. Однако речь здесь шла явно не о таких именах… пока.

«Варгон, Киана, Т'ранг, Эмфей.»

«Адрея, – представилась ведьма. – Цель?»

«Десцентио менталис и локация.»

«ЦЕЛЬ.» – Это уже был не вопрос, а приказ отвечать.

Эмфей знал, что полагается переправить такой вопрос старшему, Варгону то есть, но поскольку тот все еще был погружен в исследования, решил сказать сам. Тем более, в Серой Башне все знали и о цели этого предприятия, и о полной его открытости, даже для заклятых врагов из Malleus Maleficorum.

«Экстерминация ренегата Лазаруса.»

«Не смею мешать. – Слегка наклонив голову, Адрея отступила на шаг. – Сведения требуются?»

– Да. – Это уже произнес Варгон, на книжной латыни, – пренебрегая правилами, что запрещали общаться вслух там, где могли обретаться посторонние. – Сколько еще ВНИЗУ?…

– Живых – было десятка четыре.

– Я не об ушедших. Я о живущих ТАМ.

Ведьма покачала головой.

– Без меня, Варгон. Я не хочу иметь ничего общего с прошлым, с ТЕМ прошлым. А ВНИЗУ – его осколки…

– Всякий, кто забывает свое прошлое… – «…обречен пережить его вновь», наверняка хотел сказать чародей, но не успел.

– Это не МОЕ прошлое, Адепт! Ваше – пусть, но не мое.

– Ты можешь и ошибаться.

– Могу, но это – моя ошибка и мое право. Что-нибудь еще?

– Кто ушел ВНИЗ? – сдался Варгон.

Выслушав полный список имен с необходимыми пояснениями, Адепт из Башни Темного Стекла, что расположена где-то в Дальнем Загорье, глубоко задумался.

– Тут два входа, – наконец объявил он.

– Значительно больше, – вздохнула Адрея. – С двумя я бы справилась, и не дошло бы до такого…

– Я неправильно выразился: тут два… НИЗА, что ли. Нижний Мир, Mundus Infernus – и Gehennah. Причем это не ларец с двойным дном, здесь не один под другим и не один внутри другого, – я бы сказал, они существуют вместе, причем в одном и том же месте…

«Я немного знаю математику, незачем еще раз объяснять мне эту теорию. Конвергентные континуумы, разделенные прослойками Aethera interrealis…»

«Устаревшая концепция, – без спросу встряла в разговор Киана, что доселе молчала. – Хотя факторы темпоральных пертурбаций Mythos в нашей модели и присутствуют, однако в выкладках не учтены ни вероятностные воздействия темы chaos aeternum, ни causalia congruentis телеогонической конструкции…»

– Киана, без рыжих как-нибудь обойдемся, – резко и даже грубо прервал Варгон. – Займись ориентирами и Якорем. Эмфей, ставь запасной Якорь. Т'ранг…

– Учитель, я должен идти ВНИЗ!

– Я это и хотел предложить… да, Адрея, что не так?

Ведьма решительно шагнула между Адептом и молодыми чародеями.

– Подождите еще несколько часов, хотя бы до полуночи. Изучать – изучайте, разведывайте что нужно, ставьте зацепки и разметку, а силой ВНИЗ не суйтесь. Рано.

– Промедление может стоить жизни многим, сама знаешь.

– Здесь, в Тристраме, они уже достали всех, кого могли достать. Вся округа в выходах… но только округа, в другие места здешней нежити ходу нет. А вот если вы пройдете ВНИЗ сейчас – те, у кого пока есть шанс выбраться, точно погибнут.

– Ну и что? – скептически промолвил Т'ранг. – Мы никого не

просили соваться вперед батьки в пекло, как у нас говорят.

– Я – просила.

Варгон степенно кивнул.

– Пусть так. Перерыв до полуночи. Т'ранг, отдых. Эмфей, Киана – полный осмотр территории, разведка всех слабых мест в Поле Сил. Карту проанализировать и доложить.

Вот именно за это люди и недолюбливали чародеев вообще и их оплот в частности – Grau Thurm, Серую Башню (что было не только и не столько названием старинной каменной постройки где-то в южном Данмерке). Малефики никогда не считали, что что-либо кому-либо должны, и признавали лишь закон силы. Не помня (точнее, не желая, не позволяя себе помнить), что одолевает-то обыкновенно не сила, а слабость. Потому что слабый всегда знает, что он слаб, и ищет иных путей, позволивших бы ему взять верх над сильными.

Справедливости ради Адрея могла бы добавить, что хотя слабость, умная слабость, и одолевает когда-нибудь в грядущем, в настоящем победу одерживает всегда сила. Умная, если наличествует ум, либо равноценная его замена; в противном случае – сила глупая. Мозгов, впрочем, чародеям было не занимать.

Могла бы сказать так, да не стала. И сама она, и малефики об этом знали, а говорить единственно ради того, чтобы нарушить молчание, было не в обычае Адреи.

Но даже лучшие из чародеев старались не заглядывать в будущее и жили только настоящим. Потому что в будущем – и ЭТО ведьма знала отнюдь не понаслышке – для них сгущалась темнота, из которой когда-то в незапамятные времена вырвался Путь. То, что было сутью и самих малефиков, и их действий.

Однако вот эту самую суть Адрея не принимала. Обходилась и без нее. Так, по крайней мере, можно было жить, а не ожидать падающей на голову черной звезды. Или молнии возмездия, посланной Высшими Силами, – образ своего конца каждый из чародеев выбирал самостоятельно, от чего сей конец не выглядел ни на йоту привлекательнее любого другого. Лично для нее, ведьмы, которая намеренно ограничила себя этим миром и в иные заглядывала только в той степени, в какой это требовалось для познания чего-либо «здесь и сейчас», а не «где-то там, полтысячи лет назад».

…Варгон из Загорья, черная твоя душа, нет и не будет тебе ни на этой земле, ни под ней – ни покоя, ни счастья: сам выбрал свой Путь, сам замкнулся в ящик из темного вулканического стекла-

обсидиана, а теперь даже и пожелай выбраться – ничего не выйдет. Знаешь это, чародей, все ты хорошо знаешь, но не оставляешь борьбы – все ищешь средство, ищешь верный способ, желаешь стать чем-то большим, не утратив себя. Авось и найдешь, многое в мире есть, что ни одному мудрецу присниться не может. А цена всего этого какова будет?…

* * *

– Ты проиграл.

– И ты.

– Моя задача – тебя убрать со сцены.

– Я вернусь, и будет все на этот раз иначе.

– Ты ощутил лишь власти терпкий вкус… Но горечь отступленья и измены ты не познал еще.

– Мой замкнут круг – а значит, мне и выйти на Арену.

– Смотри не ошибись, мой юный друг…

* * *

Секира врубилась в бок зыбкой кучи плоти, что чересчур старательно изображала стража и за это поплатилась. Вынырнув из-за спины рыцаря, Ривке метнула в другого стража две бело-голубых искры и одну темно-зеленую; убить это его не убило, но ошарашило настолько, что Вильфрид успел разрубить стража на шесть частей, прежде чем до того дошло, что тут объявились те, кого надлежит со всей возможной тщательностью изничтожать. То бишь – разумные, мыслящие самостоятельно.

Охрана была приставлена к сооружению, которое сильно напоминало пилон из голубого металла, отполированного до блеска, но металл этот отражал куда меньше света, чем должно бы. Вершина сооружения терялась в темноте, тонкая линия обрисовывала дверь, в которую человек мог пройти, хотя и не без труда, а вот большинство здешних bestia gehennae – ни за что. Немного поколдовав над дверью («поколдовав» в смысле «приложив к делу мозги», а не «швыряя в дверь молниями и ругательно-неразборчивыми словами»), девушка наконец заставила ее открыться. Прямой угрозы не ощущалось, так что она рискнула проскользнуть внутрь.

Скрестив ноги, над матово светящейся золотой плитой парила мумия, замотанная в остатки желтовато-серой мантии. В глубокие провалы глазниц кто-то вставил крупные топазы, а на

коленях мертвеца лежал футляр для свитков из пожелтевшей слоновой кости. Тело медленно вращалось, и когда открылась его спина, Ривке увидела торчавший промеж лопаток кинжал с обгоревшей роговой рукояткой.

– Легенды в таких случаях вроде как советуют испросить позволения и одолжить у умершего все, что тебе нужно, – заметил с порога Вильфрид. – Как, попробуешь?

– Знать бы еще, кто он и что мне нужно, – отозвалась девушка.

И коснулась прохладной слоновой кости.

В желтых самоцветах блеснули искорки, высохшие губы разомкнулись. Рыцарь с коротким проклятьем рванулся вперед, занося топор, но мумия лишь повернула левую руку ладонью вверх – и Вильфрид как в стену врезался.

Ривке повернула футляр, прочла надпись на арамейском, перевела взгляд на мумию. Мертвец молчал, считая слова недостойными произнесения. Девушка тоже ничего не стала говорить. Просто взяла футляр, аккуратно открыла его и извлекла свиток пергамента – прочного, очень тонкого и оттого почти не поврежденного временем.

Возникшего вокруг нее голубовато-золотого сияния она не видела, погруженная в зрелище, что открывалось в свитке. Именно зрелище: хотя пергамент содержал не картинки, а буквы, взгляд Ривке словно проникал СКВОЗЬ текст, сразу различая то, о чем писал автор, не читая его собственных слов, которые столь грубо отражали реальные картины. Да, реальные, а то, что зритель счел бы их полной фантасмагорией – так много ли он разумеет в высших сферах, тот зритель?…

…Две исполинские фигуры Существ в искрящихся ледяной чернотой вихрях багряного пламени – ежесекундно изменяют форму, сливаясь со своим изменчивым окружением, в бешеном темпе обмениваются ударами, способными стереть в порошок мир-другой с той же легкостью, с какой шестилетний мальчишка сбивает ивовым прутом седые головки одуванчиков. Одно из Существ, более приземистое и массивное (если к нему. бесплотному, применимо подобное слово), все время загоняет противника к колючему клубку ядовитой зелени, что скользит в пустоте промеж вечных и бесстрастных звезд, временами лениво уворачиваясь от таких вот стычек. Второе Существо, несколько превосходящее ростом и проворством, старается увильнуть от захвата и заставить противника самого очутиться в хватке зеленых колючек.

Выведенный из равновесия, клубок выворачивается наизнанку.

Существа оказываются в центре сферы, из которой внутрь торчат миллионы влажно поблескивающих шипов. Черно-багряный вихрь еще больше ускоряет свое вращение, мечась между зелеными шипами сферы, что смертельно медленно сжимается, и наконец оба противника оказываются пришпиленными к колючим стенам. Мирный темно-зеленый клубок вновь катится по безвестным просторам пустоты.

Затем появляется рука – пятипалая, человеческая; кожа кое-где покрыта ссадинами и старыми ожогами, ногти в мелких белых пятнышках коротко обрезаны – и жестоко стискивает зеленый клубок, словно это персик, из которого надлежит выдавить побольше сока. Черно-зеленая жидкость наполняет возникший в пустоте хрустальный бокал примерно на две трети и иссякает. Брезгливо отброшенный прочь смятый комок поблекшей зелени крутится поблизости еще некоторое время, а потом продолжает свой путь из ниоткуда в никуда.

Вторая рука возникает из пустоты рядом с первой и смыкается на ножке бокала. Лаская хрустальные стенки, руки медленно подносят бокал к возникшему в пустоте рту со щербатой ухмылкой. Дымящаяся жидкость беззвучно переливается в горло, и в пустоте вслед за ухмылкой проявляется лицо. Вполне человеческое, узкое, властное, с высоким лбом, полускрытым капюшоном белой накидки. На щеках – остатки седой щетины. Точнее, некогда седой, потому что седые пятна быстро растворяются в темной рыжине в который раз возвращенной молодости. Глаза хищно вспыхивают зеленым золотом, ухмылка превращается в ласковый оскал волка, который завидел добычу.

Человек шагает вперед, теперь он виден целиком – от расшитого золотой нитью белого капюшона до прочных светлых башмаков с золотыми пряжками. В руках его вспыхивает яркая полоса зеленовато-белого свечения, превращаясь в витой, вычурный посох немногим выше его роста; немалого роста, человек кажется уже гигантом, стоящим вровень со звездами.

– Vade retro, Lazarus! – раздается из ниоткуда.

Человек в ответ только заливается смехом. Радостным, искренним, словно ничего более смешного в жизни не слышал.

– Однажды Ты уже мне говорил: «Лазар! поди вон!» Тогда воспротивиться я не мог, Ты был куда сильнее. Что ж… теперь моя очередь. Благодарю за то, что оградил меня от смерти, Господи; обещаю, что сделаю для Тебя то же самое. – Человек вновь хохочет, но глаза его не становятся теплее. – Я не Сын Божий, я всего только брат двух святых, Мириам и Марты. Но сил и знаний моих достанет, чтобы сделать то, что должно.

Лазар – или Лазарус – делает еще шаг вперед, с головы до пят

залитый нестерпимо-белым светом.
– Ave Domini, immortalis te salutat!

* * *

Наивный… Ты хочешь знать смысл
Вселенной движущих сил?
Ты хочешь угасшую мысль
оставить в тиши могил?
Ты хочешь о смерти и жизни
кричать на все восемь сторон?
Кричи – и зарей Катаклизма
окрасится твой горизонт.

Жизнь – от рожденья до смерти.
Смерть же – не миг, не час:
Времени нет на свете
для тех, кто ушел от нас.
И нету смысла иного
в этом коротком пути,
Кроме лишь голоса крови —
«дальше, несчастный, иди!»

Жизнь – от рожденья до смерти.
А дальше? Нам знать не дано.
Разные есть ответы —
но тех, кто пошел на дно,
Уж более не видали;
те же, кто всплыл – ушли
В иные, нам чуждые дали,
оставив следы в пыли.

Там, где слова бессильны,
там, где окончен Путь —
Жизнь и Смерть едины,
ибо едина их суть.
И нету иного смысла
для нас, обреченных идти
Тропою угасшей мысли
по миру, где нет Пути…

* * *

После долгих споров и увещеваний многие наконец порешили вернуться. Ангус порывался было остаться, но в конце концов согласился: наверх ведь не просто так – пробиваться придется, а из бойцов он самый лучший, без него просто не дойдут. Не упоминая уж о впечатанном в ладонь капитана Ключе, без которого выбраться, может, и удастся, но это наверняка будет труднее.

С ними ушли также Малыш Йэн – силенки-то у гэла еще оставались, однако брел он на ощупь, заплывшие глаза не отличали свет от темноты, – и Тромм, у которого худо-бедно работала только левая рука. Остались Робин и Алан, остался последний из телохранителей Изельде – Большой Хорст. И – Марион, которая напрочь отказалась выходить из схватки, пока была еще в состоянии спускать тетиву. Кроме того, заявила девушка, она всю эту «операцию» изначально затеяла, и да отринет святая богородица всех тех, кто полагает, будто заканчивать следует кому-то другому.

Когда отступила предельная усталость и исчезла ответственность за раненых, которых надо прикрывать от опасности, – продвигаться стало значительно проще. Да и противников – Козлов, летучих мышей с замашками бешеных драконов и прочих тварей, порожденных похмельной фантазией творца этих подземелий (в то, что творцом этим не мог быть никто иной, кроме Создателя, людям решительно не верилось) – попадалось, как ни странно, значительно меньше, чем раньше. Алан подумал в какой-то миг, что Адрея, говоря: «победить все равно дано лишь одному, чем больше у него спутников – тем больше врагов им будет противостоять», имела в виду как раз то, что сказала. Однако вскоре вспомнил, что ведьмы, колдуны и прочие малефики всегда держат второй, третий и двадцатый смысл своих фраз глубоко за пазухой, ибо полагают Слово намного сильней оружия, а посему не разменяются на мелочи вроде камня или кинжала…

А подземные проходы, где уже исчезли сырость и затхлость, становились все шире и выше, и не уступали, пожалуй, коридорам и палатам лучших дворцов Европы. Ну разве только драгоценных украшений на стенах не имелось; но впрочем, если считать драгоценной отделку из всех пород мрамора, с вкраплениями яшмы, агата и иных камней, кое-какие из них люди вообще видели впервые в жизни – эти подземелья с чистой совестью можно было назвать достойными чертогами для властителя Нижнего Мира. Даже если отнести этот титул к самому Князю Тьмы.

И когда в широком боковом ответвлении блеснули доспехи и

короткие копья стражников, это было воспринято как должное. Стражники – здоровенные детины, самое малое четырех с половиной локтей росту, с головы до пят закованы в броню, отделанную красной эмалью, – также не атаковали незваных пришельцев. Ограничились тем, что мирно окружили их, и один, с самым развесистым плюмажем на шлеме, что-то прорычал с вопросительно-угрожающей интонацией.

– Не понимаю, – сказал Лох-Лей на языке Альмейна, хотя имелось в виду, был уверен, нечто вроде: «какого черта вам тут надо и кто вы такие?» – что же еще обычно-то охранники говорят?

Последовал еще один вопрос. Робин снова покачал головой и повторил «не понимаю» на гэльском. Алан попробовал диалект франков, вспомнил также речь Швица и италийский. Предводитель стражников неразборчиво хрюкнул и наконец выдал более-менее понятную фразу на архаичной латыни.

– Ищете вы чего?

– Разгадки, – честно ответил бывший атаман разбойников.

Подлинной речи Средиземноморской Империи Робин, разумеется, никогда в жизни не изучал, но Latina vulgata – дело иное, этот язык много кто знал. Понять его охранники поймут, ну а ораторствовать о высоком он и без того особенно не собирался.

– Ищете вы у Бессмертного Лазаруса чего?

Почему Лазаруса назвали «бессмертным», Робин не очень-то понял. Он вообще поначалу не сообразил, кто такой этот Лазарус. Но потом вспомнил – и еле сумел сдержаться.

– Проведите нас к нему, – попросил он. – Есть поручение СВЕРХУ. – Лох-Лей специально выделил последнее слово, чтобы не подумали, будто их прислали какие-то Козлы.

Стражники переглянулись.

– Следуйте за, – прогудел наконец один из них.

С некоторым сомнением поглядывая на вожака, люди все же подчинились. Пока шли, Робин вкратце поведал (на гэльском, разумеется, дабы охранники не поняли разговора) то, что запомнил из истории Огдена, вкратце коснулся некоторых намеков Адреи, особенно – увиденного в ведьмином котле.

– Так это он всему виной? – поднял бровь Алан. – Может, совпадение… мало ли кого как зовут…

– Нутром чую, он это, – отрезал Лох-Лей. – Конечно, может, и не он один, я в этой колдовской хренотени не великий знаток. Но возвел собор в этом проклятом месте – он. И если сидит там, ВНИЗУ, – значит, для этого ему и нужен был… о, дьявол!

– Что?… – Марион, которую никакие ужасы подземелья до сих пор не смущали, внезапно побледнела. – Альб…

– Без имен! – рявкнул менестрель – ведь и ежу понятно,

имена на любом языке звучат почти одинаково… – Думаешь, Львенка он взял? Клянусь святым Рагнвальдом, а ведь ты права…

– Приманка для Льва – и жертва… – у Робина выступил холодный пот. – Святой Дунстан, да во что же мы тут вляпались?! Алан, эта легенда о рыцаре с запада, умершем от львиного яда, – она может оказаться не полной чушью?

При словах «рыцарь с запада» атаман слегка коснулся меча, чтобы не было никаких сомнений, кто имеется в виду. Имя Тристрама также было незачем упоминать, почему – он не знал, однако инстинктивно чувствовал, что поступил правильно.

– Я не верю, – буркнул Хорст. – Легенды и сказки – это забавы для детей.

– Дети вырастают, – глядя в никуда, ответил Алан. – А легенды – остаются…

* * *

До полуночи оставались считанные минуты, когда валун около дома умирающей Марги откатился в сторону, освобождая дорогу остаткам отряда, что ушел ВНИЗ неделю назад. Подобно мореходам, которые впервые ступили на твердую почву родины после многолетнего плаванья, некоторые из спасенных рухнули на колени и поцеловали землю.

– Ангус? – раздался возглас Адреи, которая кого-то высматривала среди вылезших. – А где…

– Четверо – там, ВНИЗУ. Хорст, Алан-менестрель, Марион и Робин Лох-Лей. Ну а остальные…

– Идиоты, – прошептала ведьма, обреченно опуская руки. – Говорила, повторила дважды… Им же теперь конец!..

Капитан гвардейцев склонился к уху Адреи и прошептал несколько слов.

– Не в том дело, да и кому оно теперь поможет… – Ведьма еще раз вздохнула. – Ладно, они сами выбрали свой удел. Забирай своих и вон из Тристрама! Тут сейчас будет такое твориться – врагу не пожелаешь… В дороге отдохнете. Здесь остаюсь одна я. Ну и Марга – ей уже все равно, она хочет умереть там, где родилась. Пепин, Огден, Грызь и все, кто надеялся на лучшее, ушли еще вечером.

– Да что стряслось-то, прах его побери?

– Слышал такое название – Грауторм?

– Ну.

– За дело взялись они.

– Яс-нень-ко, – процедил Ангус. – Понятно теперь… А как

Ивинге и та девка? Не выползли наружу-то?

Адрея только рукой махнула: где уж там, мол…

…Уходи, Ангус, суровый командир львиной стражи, чьи рассказы станут основным свидетельством для историков, которых будет интересовать стертый с лица земли городок Тристрам, а вернее, некоторые подробности вокруг этого события… и хотя рассказывать ты будешь с величайшей неохотой, только после третьей кружки меда – но не сможешь ты, увы, и промолчать, держа в себе знание и боль, а потому через несколько лет станешь горьким пьяницей… Уходи, Ангус, ты сделал все, к чему обязывали обеты, все, что можно было сделать, – так позволь же теперь другим сделать то, чего делать нельзя…

* * *

«Два сигнала, Варгон. – Т'ранг имел право звать учителя просто по имени и не стеснялся этим правом пользоваться, особенно в присутствии младших. – Оба множественные и переплетенные: один простой из четырех составляющих, другой композитный парный.»

«Первый – в Mundus Infernus, второй – в Gehennah. – Варгон не то чтобы вовсе не задавал вопросов ученикам, но как раз сейчас он утверждал, а не спрашивал. – И во втором следе четкие отпечатки силы.»

«В первом тоже есть сила, – вставила Киана. – Но это не человеческая сила, учитель. Она… древнее.»

«Старый Мир?»

«Я бы сказала, да. Та его часть, что помогала… одолеть.»

«Образ?»

«Меч. Надпись на клинке, значащая, но я не разобрала.»

– Ладно. – подвел черту под этой частью разговора Адепт. – Эмфей, ты?…

«Gehennah имеет всего один выход сюда, через тот мраморный склеп; гробница создана Малым Народцем для кого-то из своих, по всем правилам, пробитый выход изначальной защиты не разрушил, поэтому детальное изучение невозможно. След очень слабый, очевидно, инициация не была проведена…»

«Не употребляй слова „инициация“, Посвящение – вот верный термин.»

«Хорошо, учитель. Раз уж прямо вдоль следа проскользнуть не удалось, пришлось локализовать разведку по боковым выбросам. Они определили цель, или уверены, что определили.

Мое мнение – не трогать.»

– Особые свойства ситуации? – задал вопрос Варгон.

«Источник силы в Gehennah, носитель силы – в Mundus Infernus. – Т'ранг говорил уверенно, но явно был чем-то озадачен. – Носитель, однако, своей собственной силы не использует и действует, контролируя источник из параллельного пространства. Очень уязвимое место – легко отрезать. Рядом с источником силы имеются живые существа, но разумных не заметил. Кроме пришельцев. Варгон, я знаю, этого попросту не может быть, но… мне знаком рисунок источника.»

«А мне – отпечаток носителя, – сказала Киана. – Это Лазарус.»

– Это очевидно, – бросил Адепт. – Что за источник?

«…узкий сосуд из изящно перевитых язычков серебристого огня, что поддерживали рубин величиной с кулак. Мертвой хваткой вцепились они в самоцвет, мерцающий холодной ненавистью…» [Р.Желязны «Джек-из-Тени»]

– Адов Пламень. Ты прав, такого не может быть… – Варгон молча покачал головой, прикрыв глаза. – Нет, нельзя силой разрывать их связь, слишком опасно.

«Это их жизни.»

– Слишком опасно для нас, Т'ранг, – уточнил Адепт. – Одно дело, предотвратить возникновение Прорыва, даже с такой плотностью выходов, другое – в открытую противостоять этому Прорыву. Не люблю доводить дело до вынужденного героизма, особенно если его придется проявлять мне. Лучше малая кровь сейчас, чем большая потом.

– Особенно когда эта «малая кровь» принадлежит не тебе, – скептически заметила возникшая позади Адрея. – Да-да, знаю, свою ты бы тоже отдал, если бы пришлось, вот только почему-то «приходится» обычно другим.

– Я не отвечаю за чужую глупость, – фыркнул Варгон.

– Вот за что я вас, чародеев, особенно терпеть не могу, так это за то, что вы всегда правы.

…Вот и Лазарус такой был, всегда прав и всегда лучше знает, и ведь действительно лучше, мудрый, ученый и опытный, и понимает, чего и почему хочет достичь, – ну и куда это его завело? И добро б одного его, а то скольких за собой утянул в Бездну?…

* * *

– Нам придется спуститься еще ниже, – едва слышно, словно убеждая саму себя, прошептала Ривке. – Вильфрид… пообещай,

пожалуйста, что ничего и никого не тронешь, если не позволю. И ради всего святого – ни звука, даже не дыши, пока не скажу!

Рыцарь хмыкнул.

– Тебе моего слова, надеюсь, достаточно?

– Вполне, – с явным облегчением улыбнулась девушка. – Пойми, мы же сейчас там будем, как лазутчики во вражеской цитадели… одно неверное движение, один подозрительный звук – и поднимется тревога, а нам придется пробиваться сквозь целое войско. Я не сомневаюсь, что ты стоишь полусотни любых воителей…

Сакс рассмеялся.

– Ребекка, давай-ка договоримся: ты меня не учишь военному ремеслу, а я тебя – твоему… делу. Просто скажи, как нужно работать: что такое приказ, я отлично понимаю. Тебе я доверяю больше любого командира, кроме разве что Леорикса и отца.

Девушка отвернулась – стараясь скрыть не смущение, а радостный блеск в глазах.

…Они не могли сравнить этот спуск ни с чем, что знала до этого. Земля под ногами выделывала немыслимые кульбиты, не столько стремясь стряхнуть в пропасть незваных гостей, сколько свести их с ума неожиданными поворотами. Только что они стояли на белой скале, а в следующий миг эта скала обращалась в жирный сталактит, что безразлично нависал над их головами. Воздух был то тускло-кислым, то резким и соленым, то призрачно-ледяным и приторно-сладким, то вязким как смола и горьким как миндаль… а в оттенках окружающей темноты, что перемежалась сполохами, кострами, вихрями, полосами, пятнами и кляксами всех возможных и невозможных цветов, вскоре запутался бы самый выдающийся (или самый безумный) из живописцев. По временам напоминало о себе голубым сиянием снаряжение Dwaergar, и рыцарь всякий раз готовился к схватке – но драться было не с кем, а искать источник опасности Ребекка не позволяла; да Вильфрид, в общем-то, и не возражал – сам прекрасно понимал, что искать неприятностей на свою задницу лучше в хорошо известных местах.

Два огромных нетопыря, чья природная серо-черная окраска почти скрывалась под узорами красно-белой татуировки, вынырнули из разлома в скале и склонились пред ними.

«Прошу садиться,» – пришло сообщение непонятно откуда.

Летучие мыши были оснащены удобными, глубокими седлами, не хуже рыцарских турнирных. Переглянувшись, люди кивнули. Подсадив Ривке, Ивинге влез на своего… летуна, что ли – и нетопыри взмыли в воздух, лавируя между вихляющими

потоками черноты и цветов, выбирая правильную дорогу им одним ведомым способом. Им, да еще тому, чьим приказам подчинялись – уж больно все это походило на традиционную сцену из легенды или даже сказки; а в таких вот местах отчаянно хочется верить в сказки, ведь у них всегда счастливый конец…

Летучие мыши описали быструю восходящую спираль вокруг кровавого озера, проскочили между лезвиями розовых ножниц, сложив крылья, нырнули в пасть исполинской коралловой змеи, которая оказалась очередным иллюзорным порождением сумасшествия Gehennah, и наконец – застыли у перевернутой семигранной пирамиды из призрачно-лилового кристалла вроде очень светлого аметиста. Мерно покачиваясь на острие, сооружение, однако, почему-то не казалось способным перевернуться в любой момент.

С тихим шипением в одной из лиловых граней возник узкий и высокий проем в виде вытянутого треугольника – Вильфрид с трудом мог бы протиснуться туда боком, хотя особенно массивным сложением не отличался.

«Входите,» – прибыла очередная просьба, но в ней не было нужды. Бледная от пережитого полета Ривке уже слезла со спины нетопыря и вошла в хрустальный проход. Рыцарь бросился за ней, меньше всего думая, как бы не поцарапать кристалл своими доспехами.

Несколько поворотов – и перед ними возникла закрытая дверь. Матовая панель из фиолетового стекла или металла, с резным барельефом в виде коронованной летучей мыши, которая сжимала в зубах что-то вроде пунцовой розы.

А перед дверью стоял Страж, при виде которого желудок Вильфрида словно обледенел. И дело было не во вспыхнувшей голубизной секире, и даже не в странном виде Стража – размалеванная звериная личина под вычурным рогатым шлемом, составные доспехи из черной кожи и пластин лакированного черного дерева, которые придавали ему облик чудовищного насекомого-демона, мертвенно-желтое сияние в прорезях личины… ЭТО рыцаря ни на миг не задержало бы.

Просто из-за плеча Стража торчала длинная, в черно-желтую полоску рукоять меча, увенчанная оскалом золотой головы дракона.

Пальцы Вильфрида сомкнулась на плече девушки и без особых церемоний передвинули ее назад, под прикрытие брони и щита. Хотя сакс и знал, что прикрытие это продержится ровным счетом один удар.

Страж молча потянул правую руку (именно руку, не когтистую конечность, как у обычных демонов!) к своему оружию,

положив левую ладонь на перевязь, что поддерживала ножны.

– Нет!!! – воскликнула Ребекка.

Поздно.

Секира дуарга прочертила яркий голубой полукруг, косым взмахом снизу вонзившись в левый бок Стража, раскроив доспехи и дойдя до середины груди. Но в эту же долю мгновения ударила черно-золотая молния меча Стража, от плеча к бедру рассекая броню и тело рыцаря, как комок мягкого масла, завернутый в паутину…

* * *

– Проходите, проходите, не заставляйте старика принимать таких важных гостей на пороге, – преувеличенно засуетился облаченный в белую с золотом ризу и золоченую епископскую митру Лазарус, самолично открывая двери перед ошалевшей четверкой. – Посланцам надлежит оказывать все возможные почести…

Когда наконец «посланцы» были устроены в мягких, удобных креслах, в каких навряд ли сиживали и короли, и у каждого в руке оказался серебряный кубок со старым италийским вином, какого, опять же, вряд ли доводилось пробовать и королям (хозяин налил и себе, причем отпил первым, дабы дорогие гости ни в коем разе не заподозрили его в попытке отравить их), – после этого Лазарус наконец позволил себе перейти к сути вопроса.

– Для протокола, любезные господа, – проговорил он, – я не подчиняюсь Грауторму. Это чтобы не создавать… прецедентов.

Название северного оплота малефиков, конечно, было знакомо всем четверым, но остальное для них смысла не имело вовсе.

– Я полагаю, – медленно начал Робин, – без протокола мы вполне могли бы обойтись…

Хорст внезапно рассмеялся.

– Прецедент ни при чем, Лазарус. Важны реальные дела, а не звание, которым им присвоено.

От гвардейца никто не ожидал подобных высказываний, однако и у Алана, и у Робина хватило ума промолчать, словно так и надо. Марион почувствовала, как золотой ковчежец на ее груди чуть заметно дрожит, и хотя не поняла, что это обозначает, но также решила не встревать. Раз уж нельзя посовещаться – пусть все идет как идет. На всякий случай девушка подобрала ноги, делая это как можно незаметнее, дабы иметь возможность

скатиться с кресла, рвануть из колчана бронебойную стрелу и пригвоздить к стенке этого типа в парадном епископском облачении. А после другие пускай подсчитывают, сколько в точности невинных жертв на его счету… ей хватит и одной – Вильхельма Ротта, что некогда стал ей вместо отца.

Лазарус перевел взгляд на Хорста. Прищурился. Поморщился и кивнул: что-то, очевидно, ему не понравилось, однако отрицать наличие этого «чего-то» епископ не мог.

– Мои поздравления. Умно сработано, Варгон, если позволишь обращаться напрямик. Что дальше – пустишь сверху тяжелую махинерию, попытаешься взять на испуг, а то и сам руки приложишь? Или, может, сперва немного поговорим, изображая цивилизованных людей?

– Почему бы нет? – В голосе Хорста, до того – обычном выговоре уроженца северо-востока, Альмейнского Лоррейна, вдруг прорезался жесткий акцент Дальнего Загорья, изменился и тембр. – Я даже разрешаю тебе сказать несколько слов в свое оправдание. Возможно, я запечатлею их на твоем надгробье. После того, как.

– Благодарить не буду. И даже не буду спрашивать, знаешь ли ты, что означает «после того, как», что такое это самое «после». Знаешь. Каждый из нас знает. – Лазарус поднялся, опираясь на витой посох из белого дерева, прошелся по залу. – Вот чего ты не знаешь, так это – каково возвращаться ОТТУДА.

– Ты разве вернулся? – осведомился Хорст, а точнее, этот неведомый Варгон. – Некроманту вроде бы положено возвращать из Серых стран других, а не себя самого. Возврат сей, правда, вами понимается весьма своеобразно, но у нас не спор о способах деятельности…

На лице епископа-некроманта появилась странная усмешка.

– Варгон, дорогой ты мой, если бы только НАМИ… О моем возвращении ОТТУДА ведомо очень и очень многим, даже таким, кто меня не встречал и с кем я не имел чести познакомиться. Имя мое тоже знают многие, кому ничего не известно о бывшем епископе Страсбурга. Или бывшем же малефике оттуда.

– Говори, раз начал. Ты старше меня, но это все, что я знаю.

– Не все. Тебе ведь известен Завет, так? Вспомни, что там писал Йоханнан о родном брате Мириам из Бет-Уни.

Хорст-Варгон шумно вздохнул.

– Вот, значит, как. Лазарь из Вифании, брат Марии и Марфы – извини уж, привык к византийскому переводу, арамейского не изучал… Признаться, ты меня даже несколько удивил. Но что это меняет?

– Ничего. Почти ничего. – Лазарус вновь опустился в кресло,

но сидел теперь так же настороженно, как и трое из его гостей, только Хорст (или этот неведомый Варгон) небрежно развалился, словно бы находился у себя дома. – Кроме моего статуса, присвоенного мне звания, что само по себе не слишком важно, как ты верно подметил. Я не некромант, Варгон. Я вивамант, и виновен в этом – Тот, чье Имя ни ты, ни я поминать не любим!

Марион вопросительно взглянула на Робина. Тот покачал головой, это слово он слышал впервые, да и разговор-то понимал с пятого на десятое. Зато Алан, нахмурившись, что-то бормотал… наконец менестрель поднял взгляд – и лицо его было в этот миг больше похоже на лишенную жизни восковую маску, на погребально-белый грим италийских актеров comedia del arte.

Хорст рывком встал, оттолкнув кресло. Лазарус также поднялся и сложил руки на посохе.

– Вивамант – что-то вроде колдуна-упыря, – раздался голос Варгона, до крайности напряженный, – плоть своих жертв он не пожирает, зато выпивает жизненную силу. Но не до конца; какая-то толика жизни в них остается, и вот эту толику он как раз и контролирует. Направляя туда, куда сочтет нужным.

– Замолчи! – Епископ воздел посох.

– Рази, Лох-Лей! – успел выкрикнуть Хорст-Варгон, когда Лазарус провозгласил: «Apage, Malefici!»

Ковчежец на шее Марион дернулся так сильно, что едва не придушил девушку. Хорст рухнул обратно в кресло и бессильно обмяк, из носа его потекла струйка крови; зато Робин наконец понял, что тут к чему и с кого можно содрать шкуру за всю эту чертовщину – и древний клинок Тристрама вылетел из ножен.

– Зря, ай зря, – сказал епископ, и из его прищуренных глаз вырвалась белая молния. Робин, сам не понимая, что делает, парировал удар мечом; раздался отчетливый звук лопнувшего металла.

Тванг! – пропела тетива лука Марион, и голову Лазаруса прошила бронебойная стрела. Узкий ребристый наконечник, покрытый кровью, вышел под левым глазом – ни один человек после такого даже секунды не проживет…

Вивамант – прожил. Не поворачиваясь, он отмахнулся посохом, и в девушку также ударила молния. Тут в схватку вступил Алан, всадив в бок Лазаруса свой тесак, но острие погрузилось словно в плотную охапку соломы… кровь на белых одеждах выступила как бы нехотя, показывая: ну вот она я, а дальше-то что?

«Что» – ответил Робин, с неразборчивым воплем обрушив на противника сразу два клинка. Это казалось невероятным, но меч Тристрама лопнул ВДОЛЬ лезвия, вместе с рукоятью; и хотя

долго он явно прослужить не мог, на один удар его обломков хватило. Раскроив и кости, и плоть, Робин буквально вырезал голову Лазаруса вместе с окровавленным треугольным «воротником»…

Вихрь бело-голубых искр и золотистого пламени расшвырял бойцов по сторонам. Алан очнулся первым. Вскочил, бросил взгляд на труп Лазаруса – теперь эта груда мяса уж точно никому не причинит вреда! – метнулся к телу Марион…

Подземные чертоги огласил вой, полный боли и горечи утраты, которую нельзя, невозможно выразить никакими словами…

* * *

Три светящихся призрака возникли в пятне взрыхленной земли, что осталось на месте сгинувшего собора. Первый, в призрачной кольчатой рубахе чрезвычайно старого гэльского образца, был безоружен, но сжимал в правой руке медальон; в левом боку у него до сих пор торчал обломок ритуальной пики, усеянной звериными когтями и клыками, однако боль вряд ли беспокоила призрака. Второй, исполин в латном облачении, с двуручным мечом на плече (доспехи и меч, разумеется, были не более реальны, чем сам он), смотрел на залитые лунным светом холмы – и улыбался сквозь поднятое забрало так, как умеет улыбаться только довольный жизнью лев. Третий… нет, третья, – облаченная в длинное платье, она по временам прикасалась к королевскому венцу на своих пышных волосах, а подмышкой держала массивный фолиант.

Тень двенадцатилетнего мальчика, хромая, возникла у границы пятна, помедлила – и неловко опустилась на колени.

– Тебе решать, Исильд, – проговорил первый на архаичном диалекте западных гэлов.

– Тебе решать, Изельде, – эхом раздался львиный рык второго.

Призрак королевы Изельде качнул головой.

– Нет.

– Тогда слово тебе, Леорикс, – молвил первый призрак.

– Слово тебе, Лев, – согласилась Изельде.

Призрак Леорикса призрачно скрипнул доспехами, изображая пожатие призрачными плечами.

– Нет. Говори ты, Тристан.

– Ты можешь, Тристрам, ты имеешь на это право, – ободряюще сказала Изельде.

Призрак Тристана из Лионесс помолчал, затем резко кивнул.

– Встань, Вир, и войди в круг.

Тень двинулась вперед, застыв перед тремя светящимися призраками, каждый из которых превосходил Вира на голову (а Леорикс даже на две).

– Возьми этот медальон, он напоминал мне о моей любви – помни и ты о том, чего у тебя никогда не было и никогда уже не будет, – и худую шею тени обвила тонкая цепочка, заставив ноги Вира подкоситься.

– Возьми этот клинок, – подхватил Леорикс, – он верой и правдой служил мне во многих битвах и не предал в последней, – пускай он напоминает тебе о том, чего ты никогда не умел – и чему более никогда не сумеешь научиться.

Приняв обеими руками обнаженный меч длиннее собственного роста, тень покачнулась, но устояла.

Изельде, усмехаясь с нарочито деланным сочувствием, протянула Виру толстый фолиант.

– Возьми же и эту книгу, которая хранит бесконечные глубины мудрости в своей бесконечной тщете бессмысленности. Пусть она напоминает тебе о том, чего ты так желал достичь – и чего никогда отныне не получишь.

Под грузом трех светящихся даров тень Вира, побежденного, рухнула на взрыхленную, безжизненную землю, а призраки, словно освободившись от тяжкого бремени, медленно воспарили к небесам…

Занимался рассвет.

Первый рассвет для нового городка Тристрама, очищенного от груза былого.

Задремавшая Адрея провожала внутренним взглядом всплывающий к темно-синему куполу небосвода призрак Тристана из Лионесс, и из-под закрытых век ее, впервые за три с лишним столетия, медленно текли ручейки слез…

* * *

– Я не отдам его тебе, – ровно промолвила Ривке. – Никогда не отдам, слышишь?

Тощая фигура в рваных серых лохмотьях не пошевелилась. Не соизволила даже погрозить своим ритуальным серпом из белой кости.

– Я откажусь от всего, что имею, но его – верну!

«Жертва?»

– Возвращение.

«Цена.»

– Возвращение, – твердо повторила Ривке, закрывая глаза и собирая в единый сгусток все то, что Адрея называла пламенем.

Не оставляя ничего, ни язычка, ни огонька, ни искорки.

Сила бурлила, не находя выхода; и тогда девушка сосредоточила волю на ране, и одними губами прошептала:

– Встань, пожалуйста…

И выпустила всю силу, сшивая раскроенное пополам тело.

Пустота ударила ее изнутри, ноги подкосились; Ривке рухнула наземь, закрывая Вильфрида собой – и ожидая, что вот сейчас, когда защищаться она уже не может, Смерть нанесет последний удар.

– Я… люблю тебя… – последним усилием выдавила девушка и потеряла сознание.

Вместо эпилога
Адов Пламень

– И это, по-твоему, стоило того, чтобы…

– Стоило, Адрея. – Адепт посмотрел сквозь кровавый кристалл на солнце, с нежностью огладил серебристый металл оправы – холодные огненные язычки. – Стоило. Эмфей, при всем своем уме, уж слишком в слабом теле уродился. Не это, так следующее Испытание стало бы для него последним. Может, в следующей жизни ему больше посчастливится. Т'ранга жаль, конечно, вот он-то мог пойти далеко; что ж, однажды и он родится вновь и попробует еще раз, если иначе не способен запомнить должный урок.

– Я не твоих учеников имела в виду, Варгон.

– Ах эти… Но при чем тут я?

– Ты мог помочь им.

– И тогда неизвестно, добились бы мы цели. Теперь – с Лазарусом покончено, нападения нечисти направлять некому. Сама же нечисть без этого вот камешка, без пламени, что подпитывало их «жизнь» – утихомирилась если и не навсегда, то надолго. Выходы хочешь – сама закрой, а то они и сами зарастут через год-два… Да и один ведь вышел, чего тебе еще надо-то? По любым счетам – неплохой результат для такой позиции, шесть к одному ставят в куда более простых случаях… Как его звать-то, Робин?

– Робин Лох-Лей. Ты ничего для него не собираешься сделать? Он ведь всю работу за тебя выполнил. И шкурой он рисковал, не ты.

Адепт пожал плечами.

– Сделать, говоришь? Да пожалуйста. Будет сидеть на престоле как король-герой, вроде здесь такой обычай есть?

(Действительно, четыре недели спустя Робин Лох-Лей был провозглашен риксом Лоррейна и получил из рук епископа Хюммеля жезл Расщепленного Меча, – а уж сколь велика оказалась во всем этом заслуга малефика из Дальнего Загорья, кто знает?)

Адрея коснулась седых волос Ривке, в который раз проверила, бьется ли сердце, хотя и понимала: бесполезно. И для благородного Вильфрида Ивинге, в раскроенной надвое броне и со шрамом через все тело наискосок, тоже – бесполезно. Наверх-то их Варгон и Киана вытащили, только слишком поздно… даже если бы вытащили сразу, и Пепин был бы здесь со всем своим

арсеналом зелий – все одно, поздно. Что в точности стряслось там, в Геенне, ведьма могла лишь догадываться, а вот как именно такое получилось – тут ожоги от силы на ладонях девушки и такой же ожог-шрам у ее ненаглядного рыцаря говорили сами за себя.

– Мертвых не вернуть, глупенькая…

– А нужно? – спросил Варгон. – С этой штуковиной я бы мог…

– Не мог бы. Сам знаешь. Только как Лазарус делал, а это не вернуть, бродячий беспокойник и живой – не одно и то же. Помоги мне лучше… я хочу как следует устроить для них гробницу, это самое меньшее…

– Сколько угодно.

Адепт воздел на ладони Адов Пламень, дорогу к которому так великолепно расчистили рыцарь с необученной колдуньей, и рубин показался сгустком настоящего огня. Особенно когда чародей прошептал несколько слов, превращая землю под их телами в просторные каменные гробы без крышек. Критически посмотрев на результат собственных усилий, чародей недовольно скривился, дважды ударил посохом оземь – и воздух над двумя гробами застыл прозрачной хрустальной плитой.

– Не трогай пока… – Варгон осекся и попятился.

Сияющее голубое лезвие вспороло зыбкий, не до конца материальный хрусталь. Кашляя, Вильфрид сел в гробу, разбрасывая обломки того, что должно было стать крышкой, бросил дикий взгляд вокруг… и секира Dwaergar, коротко свистнув в воздухе, застряла в середине груди чародея. Адепт попытался рассмеяться, поперхнулся собственной кровью и осел к ногам Адреи – та испуганно вскочила и застыла как статуя.

– Ребекка! – простонал рыцарь, поднимаясь на колени и наклоняясь над вторым гробом.

Седины в черных волосах девушки почти не было; так, несколько нитей, которые напоминали – все, что случилось недавно, им не примерещилось. Она дышала медленно и ровно, как будто спала. Вильфрид прикоснулся к ее плечу, осторожно пошевелил – Ривке что-то промычала и продолжала спать. Тогда он склонился ниже и коснулся губами ее губ.

Девушка сперва ответила на поцелуй, и лишь потом открыла глаза.

– Если это сон, я не хочу просыпаться, – прошептала она, потянувшись к нему вновь.

– И не надо, – улыбнулся сакс, повторяя целительную процедуру.

…Адрея не могла пошевелиться. Она так и осталась стоять,

окаменев, когда Ривке и Вильфрид наконец поднялись и прошли мимо нее, словно не замечая. Труп Варгона рыцарь отволок в собственный гроб, в другой положил тело старой Марги, которое обмытое и лежало в ожидании погребения. Девушка собрала букет цветов – не бог весть что, конечно, однако лучше, чем ничего, – и осторожно положила сверху. В основание гробницы сакс, немного поразмыслив, воткнул свой стилет.

– Ни одна нежить не тронет. Покойтесь с миром.

– Земля к земле, прах к праху… – добавила Ривке.

Каменная статуя Адреи не произнесла ничего. Даже когда Вильфрид Ивинге, сделав шаг назад, случайно раздавил подошвой тяжелого сапога хрупкий красный кристалл в ажурном обрамлении из танцующих серебряных огоньков…

…Адов Пламень, игрушка ушедшего мира и объект почитаний мира сегодняшнего, – что пользы от тебя тем, кто обладает жизнью, а не иллюзией ее? что ты можешь подарить тем, в ком горит живой огонь, тем, в чьих жилах течет кровь, а не тяжелая, вечно холодная серая вода, которая сохраняет ткани от разложения, уничтожая в них частицы живого? Ты знаешь ответ, мудрый камень, и молчание твое красноречивее любых отповедей. Ты прекрасно знаешь ответ, застывшее в кристалле сердце, средоточье огня, что был некогда живым, хотя и умер раньше, чем ты принял свою окончательную форму. До того, как тебя сделали тем, чем зовут Адов Пламень предания о Старом Мире… в те дни ты ведал, что такое – чувство… и знал, каково это – лишиться способности чувствовать, но не памяти о том, какими эти чувства были, а если не знал тогда, так знаешь сейчас. Адов Пламень, ты доказал, что несмотря на все сказанное ранее – ты все-таки был живым! ты доказал это, избрав жизнь для других и смерть для самого себя…

И да останется все сказанное мною – в тех, кто способен услышать, а остальное – похороненным в окаменевшем сердце моем, в сердце, которому незачем больше гнать кровь по жилам, потому что жить – тоже незачем. Потому что я уже увидела все, что могла увидеть, сделала все, что могла сделать, сказала все, что могла сказать… И не напоминайте мне о долге – вы не знаете, что значит это слово, а я жила с ним триста лет!

Я, Адрея, завершаю эту повесть.

Остается добавить только одно.

«Requiem aeternam dona me, Une, et obscuritas perpetua edeat me…»

Сказание
Безумный Менестрель

…Говорили, что он блуждает во тьме и не может выйти на свет, пока свет не станет тьмой. Говорили, что песни его помогают этому превращению, и только когда в его руках арфа или лютня – он вспоминает ту часть себя, которую хочет вспомнить. В остальное время у него в глазах та же темнота, что царит вокруг него.

Никто не может похвастаться, будто знает его облик или его имя. У него нет имени, есть только прозвание; облик же его не скрыт ни маской, ни личиной, ни искусными чарами иллюзии – однако никто не в состоянии запомнить черт его лица. Даже назвать цвет волос или форму подбородка – не могут. А ведь многие в мирах тьмы, по которым он странствует, видели и видят до сих пор сутулую фигуру в обрывках темного плаща. Фигуру Безумного Менестреля…

Это не сказание о том, кто смеется, не имея больше сил для рыданий. Это – сказание о том, кого в нем видят.

Есть и другое, приписываемое самому Безумному Менестрелю. Он не подтверждает своего авторства и не отрицает его. Проверить истинность упоминаний по многим причинам невозможно, а посему это сказание (вернее, песня) приводится без дальнейших комментариев.

Я – шип, что в стопу вошел, я – сумрак ночной в глазах;
Я – червь, что терзает ствол, я – путника злейший страх.
Я – лаз крысиный в стене, я – ржавый засов на двери;
Я – дух разрушенных дней и вестник кровавой зари.

Гниль на ячменном зерне, грязь на пшеничных снопах —
Мой разрушительный смех все топит в горьких слезах.
Я – язва, плесень и ржа, я – разложенье и смерть,
Слизь из ночного дождя и кара солнечных дней.

Засуха пьет мою кровь средь вековечных болот,
Яд роковых лепестков в клочья мне легкие рвет,
Юг насылает чуму, тлеет в проказе Восток —
Но не уйти мне во тьму, не дописав этих строк!

Страх мне помог одолеть сумерки северных льдов,
Знания мертвых сберечь смог я средь черных их снов;

Руки мои – ветхий прах, жжет их свинцовый огонь:
Склепы в песках и степях грабил я, жить обречен…

День не вернется назад, не потеплеет луна,
Но сквозь затерянный ад вышел я в музыке сна.
Мертвый мой раб-чародей голосом прежних веков
Черную силу теней выжег дотла болью слов.

Не получал я даров в храмах от гордых владык —
Им не оставить следов в черном песке моих книг:
Там – ужас алых глубин, крылья растоптанных грез,
Дрожь осквернённых пучин в море безумных угроз.

Там средь нечистых гробниц чудища спят мертвым сном,
В тучах кровавых зарниц – демоны прошлых времен.
Там нет пространств и веков, нет ни Барьеров, ни Врат;
Есть только край мертвых снов, где раем кажется ад…

Разум – кусок ледника, сердце – обломок скалы;
Но первородный свой страх я наконец победил!
Черного древа плоды, вязкий ваш смрад явит суть, —
Дайте мне мертвой воды, чтобы я смог отдохнуть…

…А еще говорят…

Нет. Этого – довольно.

Он избрал свой удел сам, и причины этого – пускай останутся ясны лишь для него.

Чтобы легенда оставалась легендой, где-то всегда должна скрываться тайна. Иначе она теряет слишком много, ничего не приобретая взамен.

К О Н Е Ц

notes

Примечания

1

Автор оригинальной «Песни Безумного Менестреля» – Роберт Эрвин Говард; с английского перевел Кайл Иторр, он же автор всех остальных стихов в тексте.

2

Ab initio – изначально.

Aether interrealis – Эфир меж-реальный.

Anno Domini – досл. «Господа нашего»; (год) после рождества Христова.

Apage, Malefici! – Изыди, Малефик!

Ave Domini, immortalis te salutat! – Бессмертный приветствует тебя, Господь!

Bestia gehennae – зверь (из) геенны.

Bestiarium Irreales – Бестиарий Нереальных.

Causalia congruentis – причинность гармонирующая (совпадающая).

Chaos aeternum – вечный хаос.

Chartea – карта, также – сводная таблица-график.

Colpa! – Рази!

Cum di benedicto, Wilfrid – Благослови тебя (Бог), Вильфрид.

Descentio in Gehennah – Сошествие в Геенну.

Divide et umpera – Разделяй и властвуй.

Dux bellorum – досл. вождь войны: верховный военачальник.

Gehennah – Геенна.

Igni et ferro – огнем и мечом (досл. огнем и железом).

In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti et in Nodentes Fatifacto – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, а также Ноденса Определяющего Судьбу.

In nomine Uni mori sanctum est – досл. «Во имя Единого умереть свято есть»; свят погибший с именем Единого.

Inquisitio Sanctum – Святое Расследование.

Invictus – Непобежденный.

Is fesit cui prodest – Сделал тот, кому (это) выгодно.

Latina vulgata – латынь черни/толпы.

Librum Pugnarum – Книга Битвы.

Malefici – досл. злодеи, злоумышленники; колдуны.

Maleficos non patieris vivere – Колдунам не позволяй существовать.

Malleus Maleficorum – Молот Злодеев.

Mundus Infernus – Нижний Мир.

Pater noster qui es in caelis – Отче наш, иже еси на небеси.

Pax huic mundo – Мир сему миру.

Pax Mediterrania – Мир (Империя) Средиземноморья.

Pax Romana – Мир (Империя) Рима.

Requiem aeternam dona me, Une, et obscuritas perpetua edeat me – Вечный покой дай мне, Единый, и да поглотит меня

бесконечная тьма.

Requiescatis in pacem, Rex Lorraines – Покойся с миром, король (владыка) Лоррейна.

Spititus – 1) дух; 2) спирт.

Terra Gehennae – Земля Геенны

Vade retro, Lazarus! – Лазар! поди вон!

Venefici non retinebintur in vita – Отравителей не оставляй в живых.